

ВОСХОД

АЛЕКС
ЭДЕЛЬВАЙС

18+

Алекс Эдельвайс

Восход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68741847

SelfPub; 2023

Аннотация

В далёком мире появился новый вид людей – очередная ступень эволюции, представители которой обладают сверхспособностями. Общество не принимает их, проводя над ними бесчеловечные эксперименты, и последние решают, что мир должен принадлежать им одним. Глава военной Организации, взявшейся воплотить эту цель в жизнь – сильнейший человек, страдающий, однако, от раздвоения личности; его вторая личность – обычный школьник. Удастся ли ему справиться с этим, и каким будет новый мир?

Содержание

Часть 1. Через тернии к звёздам	5
Глава 1. Чужой среди своих, свой среди чужих	5
Глава 2. Счастье не только в деньгах	24
Глава 3. Каждому своё	49
Глава 4. В погоне за вниманием не потерять бы себя	69
Глава 5. Принятие себя способствует принятию других	91
Глава 6. Лишь тот, кто в силах с прошлым распроститься, в себе спасёт начальную свободу ¹⁰	120
Часть 2. Мгновение перед смертью	148
Глава 1. Благими намерениями выложена дорога в ад	148
Глава 2. Восхождение	179
Глава 3. Время жить и время умирать	217

Алекс Эдельвайс

Восход

*Führ ein Dasein zwischen Menschen,
Ausgesetzt, doch ganz allein.
Das dumme Fleisch zeigt mir die Grenzen,
Mein Hirn den Weg, mich zu befreien.
Zurückgeworfen auf mich selbst,
In Gedanken ganz allein,
Bleibt mir nichts und doch genug,
Kein Teil dieser Welt zu sein. ¹
Ewigheim „Zwischen Menschen“*

¹ (нем) Влачу существование среди людей. Покинут. Брошен. Одинок. Показывает тело мне предел; К свободе путь – мыслью поток. Отброшен к самому себе, Один и в мыслях, и в делах. И этого сполна хватило, Чтоб от тюрьмы остался прах. (авторский вольный перевод)

Часть 1. Через тернии к звёздам

Глава 1. Чужой среди своих, свой среди чужих

Гладкие стены бункера отливали голубоватым – всё из-за подсветки, должной имитировать дневной свет. Сыроватый воздух прекрасно пропускал через себя малейший звук, распространяя его на большие расстояния. Сейчас в этих подземных убежищах и складах, сохранившихся ещё со времён Третьей Межпланетной, царила пустота.

Однако так только казалось на первый взгляд. Вскоре из глубины коридора резко ударил лязг захлопнувшейся двери, а затем послышались стремительно приближающиеся, будто вбивающие гвозди в пол, шаги.

Вот уже от металлических стен стали отражаться голоса. Один из них был отчаянный, второй – железно-раздражённый, с оттенком вечного презрения.

– Да кем Вы вообще себя возомнили?! – в полнейшем иступлении и забытии вскричал один из голосов. – Вы тут не один, и не имеете права игнорировать разумные доводы других!!!

После этих слов голоса на время затихли, остались лишь

шаги; из-за поворота вышло несколько человек. Тот, что шёл впереди, был одет в чёрную накидку. Из-за подсветки его бледное лицо казалось голубоватым, а серые глаза поблёскивали металлом. Чуть позади него, справа, стараясь находиться на одном уровне, почти что бежал другой человек – мало чем примечательный, слегка взъерошенный. По левую сторону шагал высокий человек с длинными рыжевато-золотистыми волосами, собранными в хвост; в свете ламп его лицо казалось каким-то зеленоватым. Сзади шло ещё несколько.

Как только прозвучала последняя реплика, предводитель «процессии» остановился. Уставившись перед собой и даже не смотря на того, кто это прокричал – а был это неприметный человек справа – он произнёс:

– Кем я себя возомнил? Для тебя сейчас более актуален вопрос, кем *ты* себя возомнил.

Повисла какая-то зловещая тишина. В безэмоционально сказанных словах чувствовалось раздражение, граничащее с яростью.

Внезапно произнёсший их обернулся.

– Каэл, отойди.

Рыжий человек молча отступил к стене. Даже в полумраке его зрачки сузились до неузнаваемости, а пальцы не переставали издавать нервный хруст.

– Боюсь, наши представления о разумности несколько разнятся, – сказал затем человек в чёрном.

Не прошло и секунды, как стены бункера зазвенели вне-

запным криком, переходящим в хрип. Ничем не примечательный человек, шедший справа и бросивший столь неосторожное высказывание, теперь стал самым примечательным из всех – его тело внезапно приняло форму мешка, повалившись на пол; целым оставался только позвоночник и, соответственно, шея. Он не переставал кричать; его полопавшиеся капилляры на глазах почти что окрашивали белки в красный.

Полежав так какое-то время, он наконец затих – окончание его страданий ознаменовал лёгкий хруст в шее.

– Отвратительно... И откуда только такой взялся.

– Гил, Вы ведь могли просто поставить его на место, – сказал Каэл, когда они с человеком в чёрном остались наедине.

Гил посмотрел на него непонимающим взглядом.

– У таких, как он, нет места, – сказал он затем. – Особенно в Организации.

– Я просто хотел добавить, что Ваша жестокость всё чаще отпугивает людей.

– Мне нет до этого дела. Я не требую никакого особого отношения; лишь бы беспрекословно подчинялись. А это мне, в силу моих способностей, и без того обеспечено. Этот же случай вообще особенный.

– Почему же? Разве это была не простая спесь?

– Нет. У этого человека напрочь отсутствовало чувство иерархии – я это не впервые за ним замечаю. Я уже не раз

подчёркивал важность иерархии на первых порах, не говоря уж о нашем нынешнем состоянии борьбы. Если человек выше тебя, ты это кожей должен чувствовать. Можно сказать, я не только устранил назойливую проблему, но и избавил его от последующих метаний.

Выждав небольшую паузу, он добавил:

– А ты задаёшь в последнее время слишком много ненужных вопросов.

– Я не хочу Вас раздражать. Просто порой мне бывает важно разобраться.

– Каэл. Мой принцип ты знаешь – в этой жизни я делаю либо то, что хочу, либо то, что считаю своим долгом. Частенько это совпадает. Полагаю, с твоими-то мозгами этого достаточно, чтобы разобраться.

Рэйт проснулся совершенно разбитым. И хотя мягкий свет будильника наряду с ненавязчивыми звуками действовали на психику как можно более успокаивающе, внутреннее состояние было полностью поломанным. Пробормотав, как обычно, сожаления о том, что он до сих пор не умер, Рэйт глубоко вздохнул и заставил себя стащить своё тело с кровати.

Он не помнил, когда последний раз ощущал присутствие. Своё присутствие в этом мире. Иными словами, когда у него

последний раз было чувство осознанности. Эта шестерёнка уже давно вертелась по инерции; правда, чего инерция обеспечить уж точно не могла, так это социального прогресса. Будучи восемнадцатилетним молодым человеком, Рэйт всё ещё учился в 10 классе общеобразовательной школы номер 666.

Вот опять он тащится туда же. Ну ничего, дни проходят быстро, если на уроках читать, смотреть анимацию или рисовать. Если, конечно, тебя не посадят за первую парту, где назойливые одноклассники пялятся своими злющими всевидящими глазами, постоянно выискивающими повод для насмешек и издевательств. К последнему Рэйт, хоть и имел огромный стаж за спиной, привыкнуть никак не мог.

Вот он подошёл к контрольно-пропускному пункту. Теперь надо широко открыть глаз – несмотря на то, что из-за вечного недосыпания они превращались в щёлочки с утра – для сканирования радужки. Это всегда было трудной задачей.

Стоял он так несколько минут, пока не понял, что результата никакого нет. В недоумении Рэйт набрал код экстренных вызовов – если сегодня он снова не придёт, его точно вызовут к директору, и мать будет орать куда больше обычного... Робот-охранник проговорил вежливым женским голосом: «Объявлена чрезвычайная ситуация ввиду повышенной террористической опасности. Если Вы учащийся, пожалуйста, оставайтесь дома».

«Террористической опасности?.. Вот те на...»

Мгновенно Рэйт обрадовался, что учёбы в ближайшее время не будет. Чуть ли не вприпрыжку он понёсся домой. «Возьму рисунок, уйду далеко-далеко в парк, там никого не будет...»

«Или, может, по подземке погулять? Авось наткнушь на теракт... Хотя, нет. Если мне ещё и руки-ноги поотрывает, а жить при этом буду, то совсем уж плохо станет».

Стоило Рэйту переступить порог дома, как на него накинулась мать. К этой её импульсивности он не мог привыкнуть точно так же, как к издёвкам одноклассников. Несколько секунд она стояла, намертво в него вцепившись; затем резко отшатнулась – лицо приобрело гневное выражение, и на нём появилась такая ухмылка, на которую Рэйт уже чуть ли не физически реагировал – по позвоночнику прошёлся леденящий холод. Как правило, это не предвещало ничего хорошего.

– Ты нарочно нервы мне треплешь, да? Хочешь, чтоб я поскорее сдохла? Спишь и видишь, как бы надо мной поиздеваться! Какого чёрта?!

– В-в чём дело? Я же в школу пошёл...

– Придурок, будто не знаешь, что закрыты они из-за террористов! Сдохнуть хочешь, а? Знаешь, это вообще-то больно – превращаться в кровавое месиво, когда кости ломаются и кожа обгорает и слезает, и вместо твоей рожи остаётся обугленный череп!

«Зачем, зачем она мне это говорит...»

На слове «череп» она внезапно схватила его за волосы, а затем дала резкую пощёчину, так, что слёзы брызнули из глаз.

Он попытался открыть дверь в подъезд, но не тут-то было.

– Ку-уда? Опять от матери убегаешь? Кому ты там сдался?!

– Мне домашку делать надо... – тихо проговорил он.

Иногда этот приём срабатывал.

– Идиот... Просто идиот. Даже не слышит, что ему говорят.

«Неужели не сработало...»

– Иди, делай.

Мысленно поблагодарив всех богов, Рэйт проскользнул в комнату. Сидя за столом и сосредоточенно глядя в экран, он слушал, как мать, собираясь на работу, бормотала, что лучше бы у неё родилась девочка, у которой явно было бы больше мозгов, чем у этой бездушной машины.

Когда она наконец ушла, он вздохнул с облегчением. В предвкушении полного смысла дня он достал рисунок.

– Слушай, а что ты думаешь насчёт этой новой угрозы?

Две девчонки-школьницы весело шагали по улице с мороженым в руках; атмосфера прогуливания бодрила, приятно бегая по позвоночнику.

– Блин, Лара. Заколебали вы все уже. Ну угроза и угроза

– сколько их уже было и сколько ещё будет? Когда они уже до нашей нудилки доберутся...

Обе засмеялись.

– Но ведь говорят, что эти какие-то особенные. Типа и правда новый вид людей. Да не смотри на меня так! Я помню, что нам говорили, что это какие-то религиозные фанатики. Но, блин, после этого репортажа очевидца из Третьей Зоны, как-то, знаешь...

– Он что, не сдох?

– Не знаю, но он успел рассказать то, что видел. Их слова о том, что они сверхлюди, не совсем беспочвенны.

– Я тоже хочу такую траву, – фыркнула другая девочка. – Говорят, в Третьей Зоне её много...

– Да блин. Ладно, проехали...

– По мне так, – она лизнула мороженое, – простые идиоты. Второе пришествие этого, как его... короче, я прогуляла историю в этот день, но ты умная, ты поняла.

Собеседница Лары частенько прогуливала, и очень зря. Потому, что если бы она пошла в школу сегодня, то узнала бы, что объявлено чрезвычайное положение и что из дома выходить категорически не рекомендуется.

И не случилось бы того, что произошло затем, а именно: земля под девочками обвалилась, и они вперемешку с глыбами плитки и бетона провалились в подземку, во время полёта перемалываемые обломками.

Метро в этом месте находилось очень близко к поверхно-

сти.

– Послушайте очень внимательно. Я сейчас скажу вам то, с чем теперь напрямую, к сожалению, связано ваше будущее.

Дети и без того сидели тихо. Занятия в школах возобновились – теракты переместились в другие районы, к тому же их зачинщики охотно шли на переговоры, выдвигая свои требования.

Говорящий немного помешкал, раздумывая, с чего бы начать.

– Думаю, – начал наконец он, – что для вас сейчас самое главное – это личная безопасность: ваша и вашей семьи.

Из некоторых уголков большого овального зала послышались едва сдерживаемые всхлипывания.

– Так вот, – продолжил человек; у него почему-то начала подрагивать часть лица. – Терактов в нашем городе в ближайшее время не предвидится. Если вы увидите человека из Организации на улице – что-либо делать бесполезно: защитить вы себя никак не сможете, даже если будете полностью вооружены.

Стоящая неподалёку директор кашлянула.

«Ах да, это же школьники... Давай, соберись. Мэр города, а ведёшь себя, как тряпка».

– Но по улицам они, как правило, не ходят, – прибавил он; лицо растянула наитупейшая за всё время выступлений перед публикой улыбка.

Он в отчаянии поперебирал пальцами. Прошёлся взад-вперёд. Некогда, совсем некогда было готовить речь сразу после смерти жены.

Затем он остановился, резко обратил взгляд на зал и выпалил:

– Короче говоря. Это Четвёртая Мировая. Понимаете? Война!

По залу, казалось, прошла волна ужаса.

– Однако после войны хотя бы остаются живые. Вы ведь все учили про Третью Межпланетную, да? Ну и про Вторую, про Первую...

Отличники явно не ожидали, в связи с чем им придётся вспомнить всё, что они вызубрили.

– А тут... – мэр внезапно начал широко улыбаться, – живых людей не останется. Потому что у Организации есть только временные условия. Нет, это не Четвёртая Мировая война, нет... Это Первый Мировой... геноцид.

Это потом уже, после того, как истерящего мэра вывели из зала, детям объяснили ситуацию более доходчиво. Насчёт геноцида он, конечно, слегка загнул. Организация, уже стёршая с лица планеты Третью Зону вместе с её жителями – этот район был самым отсталым – всё же не собиралась уничтожать всех. Людей, состоящих в ней, было крайне мало; на первых порах построения нового государства им нужны были люди с мозгами. Теракты же были средством воздействия на правительство: руководящие должности им тоже

были нужны.

Рэйт теперь ходил как на иголках. Он слишком привык не принимать участия в реальной жизни, а тут ему на голову обрушилось нечто невероятное.

Они с лёгкостью перебили армию Первой Зоны, когда те в экономических интересах послали подмогу Третьей. Первой Зоны! Той самой, которая стала ключевой в победе в Третьей Межпланетной, той, которая для многих – земля обетованная. В битве между высокотехнологичным оружием и тем, что дано этим людям от природы, победило второе. Последние обрушились, словно стихийное бедствие, которое можно предсказать, но невозможно предотвратить.

Рэйт сам не знал, почему его так завораживает этот факт. Вообще-то, он считал вполне логичным то, что люди более высокого порядка должны вытеснить низших. Жаль только... что низшим в данной ситуации будет и он сам.

Организация представляла для него интерес и по другой причине. На протяжении всей жизни он чувствовал некую иерархию, пронизывающую общество. И базируется она не на социальном положении и даже не всегда на заслугах и уровне интеллекта – хотя последнее, он чувствовал, частенько присуще людям высшего порядка. Однако есть ещё что-то – оно даётся от рождения; за одну жизнь это не достигается и это не отнимешь – но оно сразу чувствуется подобными. Что-то вроде более развитой духовной организации, на-

личия безоговорочного стремления к высокому – как и высоких стремлений – пусть порой подсознательных или заглушаемых. Естественно, что такие люди более самодостаточны; они часто используют общество как инструмент или как театральная помост для спектакля собственной жизни. Однако это не значит, что им не нужна поддержка; ровно так же это не значит, что высокие стремления всегда идут по горизонтальной шкале в сторону плюса.

И теперь Рэйту было интересно, обладают ли люди из Организации этими качествами. Если да, и при том имеют такие выдающиеся способности – что ж, прощайте, людишки. Уступите место тем, кто выше.

– Мрази, пусть катятся отсюда! Чем они лучше меня?

– Да хватит, хватит уже об этом говорить, хватит!.. – слышался плач девушки в ответ на резкое высказывание одноклассника.

– Да кто они такие?! Не для того мой отец воевал в Третьей Межпланетной, чтобы потом пришли какие-то проходимцы! – не унимался он.

Девушка уже плакала в голос; к ней подбежала подруга, принявшись успокаивать.

Небольшая группа молодых людей яростно обсуждала действия Организации; этот, кричащий, видимо, был инициатором.

– Эй, придурок, а ты чего молчишь?

Вопрос был обращён к Рэйту, который, как обычно, забился в угол класса за последнюю парту.

«Ну какого, какого чёрта ему от меня надо».

– О-о-оу, да вы посмотрите, какой взгляд! – парень подошёл к Рэйту. – Да он сам на террориста похож, не правда?

Обрадовавшись новой затее, люди подходили один за другим.

– Смотрит всё время вот так, – он посмотрел исподлобья.

– А может, он шпион, а? – предположил кто-то.

– Ага, и всех нас убьёт.

– Почему же я до сих пор вас не убил? – не удержался Рэйт; по правде говоря, он и сам удивлялся этому факту.

– Слушай, а давай поможем ему раскрыть способности, а?

Ну, как в фильмах.

Все с энтузиазмом подхватили идею. Жалкое это было зрелище: они и обычно-то относились к тихому скрытному Рэйту крайне враждебно, а сейчас, объединённые общей бедой, обрушились на него с двойной яростью. Будто он сам был не человек. Будто и его не ждала та же участь, что и всех.

Одна из девушек подошла и дала Рэйту по уху. Было больно; он вздрогнул и с ненавистью на неё воззрился.

– Что тебе от меня надо?

Впрочем, он остался без ответа. Её схватил за руку тот парень-инициатор дискуссии.

– Ну, ну, спокойно. Не в классе же, – его лицо исказила мерзкая ухмылка.

Раздражение на лице девушки сменилось понимающей улыбкой.

У Рэйта по спине прошёл холодок. Может, уйти с уроков раньше?.. Нет, они всё равно не откажутся от своей задумки; это их только раззадорит. Устроят ещё на него охоту...

Вслед за холодком его захлестнула ярость. «Да кто они такие. Кем они себя возомнили в сравнении со мной. Я не только не ниже их; я выше. Если они ставят свой социальный статус превыше моих внутренних качеств и творческих способностей, они просто ничтожества».

Рэйт вздохнул. Он уже знал, чем это кончится.

Когда он вышел из школы, на заднем дворе его уже поджидала группа людей. Он не спеша направился к ним, изо всех сил стараясь ровно дышать.

Без всяких предисловий, к нему подбежала та самая девушка, намереваясь дать под дых. Однако он успел уклониться, изо всех сил толкнув её в толпу. В это время откуда ни возьмись за спиной у него появился парень; он ударил Рэйта по затылку и толкнул ногой в спину, так, что у того хрустнул позвоночник, прогнувшись.

– Ты на кого руку поднял, дерьма кусок? – спросил парень, пока тот, потеряв равновесие, падал на землю.

– Смотрите-ка, какой агрессивный. Ещё и дерётся. Тебя не учили, как себя в цивилизованном обществе вести? – спросил тот, кто это всё затеял, и пнул ногой лежащего Рэй-

та.

Лишь чудом он успел свернуться до пинка, так, что тот пришёлся ему по спине. Попади он по рёбрам...

Однако сдаваться Рэйт пока не собирался; тем более что злость настолько захлёстывала его, что ему хотелось поскорее её выместить. Стоило обидчику отвести ногу назад, как лежащий, не дожидаясь следующих ударов и из-за прилива адреналина не обращающий внимания на боль, стремительно откатился в сторону, изо всех сил оттолкнувшись от земли руками и ногами. Затем так же резко он вскочил на ноги – не прошло и секунды; в прыжке он развернулся назад, чтобы предотвратить новый возможный удар.

Однако его враги смотрели насмешливо.

– Чего, уже сбежать собрался?

Рэйт отрицательно помотал головой. Он уже давно заметил большую толстую палку, валявшуюся неподалёку от дерева, рядом с которым он теперь стоял. Это была, видимо, сломанная ураганным ветром ветка; она была совсем свежая и достаточно толстая в обхвате.

Он стал пятиться к дереву. Главарь группы зло захихикал и быстрым шагом пошёл к нему. Рэйт скакнул к ветке, схватил её и уставился обидчику в глаза.

– П-ф-ф, ну что за уродец. Так нечестно, – сказал тот. – С тобой люди поговорить хотят, а ты за палки хватаешься, человек первобытный... – он прыснул.

– Да его в зоопарке держать надо! – со злой ухмылкой вос-

кликнула неугомонная девушка.

Лицо Рэйта оставалось каменным.

– Нормальные люди так переговоры не ведут, – сказал он. – Так что, полагаю, я имею право взять палку, имея дело с погаными собаками.

– Да ты как, ублюдок, со мной разговариваешь?!

Зачинщик теперь разрывался между двумя опциями. С одной стороны, ему очень хотелось разодрать Рэйту глотку. С другой же – он понимал, что палка – вещь нешуточная.

– Я смотрю, вы задумались? – усмехнулся Рэйт, покручивая палку в руках. – Что, страшно стало?

Он сам не знал, куда его несёт. Но слова и действия врагов эхом отдавались в голове; он должен, он обязан был ответить. Иначе это ещё долго будет мучить его.

Это было последней каплей. Не желая казаться трусом в глазах товарищей, ещё и подзадориваемый девушкой – «Давай, задай ему жару», – главарь стал не спеша приближаться к Рэйту. В конце концов, этот слабый ублюдок не сможет ничего сделать ему, безоговорочному лидеру.

Подойдя совсем близко, он резко сорвался с места, намереваясь вырвать палку из рук противника. Однако он напрасно надеялся взять неожиданностью: Рэйт давно уже предвидел такой поворот. Поэтому последний попросту отпрыгнул в сторону, а затем со всей силы ударил палкой по ногам соперника.

Того, что произошло дальше, он не ожидал. Палка пере-

ломилась надвое; внезапный визг парня был слышен, наверное, и за пределами школьного двора. Он валялся на земле и не переставал орать.

Из-за этих пронзающих голову звуков Рэйт даже не смог почувствовать триумф. Внезапно его охватил страх: если там что-то серьёзное – а судя по всему, трещина или даже перелом точно есть – его исключат. И посадят. Хотя он даже не виноват. Но кому это объяснишь...

«Ну почему. Почему я вечно во что-то влипаю». Он стоял и не знал, что делать – лицо начинало гореть. Остальные тоже растерялись; затем один из группы подбежал к лежащему.

– Что, что с тобой?!

– Скорую вызывай, идиот... – сдавленно прошипел тот.

Этот случай обошёлся матери Рэйта штрафом. Было долгое разбирательство; разумеется, Рэйта признали зачинщиком – одноклассники постарались описать злостное нападение во всех красках. Спасла его от колонии только справка от психиатра.

Тот день он запомнил на всю жизнь. Поначалу он и вовсе не хотел приходить домой – это было приговором. Однако затем он вспомнил, что у него остался незаконченный рисунок, который явно стоил завершения. Да и где он будет жить; и даже умереть он не может...

Узнав о произошедшем, мать орала. Да ещё как орала. Что Рэйт – агрессивное животное, бандитская рожа; хочет

её смерти, позорит её, лучше б не родился и всё в этом духе. Но больше всего её, конечно же, задело то, что из-за этого штрафа она не сможет поехать в отпуск. Это было непростительно: она оттаскала Рэйта за волосы, била его по лицу. А потом он невольно вскрикнул, когда она задела спину. Потребовав задрать рубашку и увидев ужасный синяк, она мгновенно изменила лицо. Из её глаз чуть ли не брызнули слёзы; она завывала, причитая: «Бедный мой сын», – и всё в этом духе. Рэйт только нервно сглотнул и с ужасом ожидал, что будет дальше. Она выбежала, вернулась с мазью. В следующую секунду она уже втирала мазь Рэйту в спину, то всхлипывая, то вновь проклиная его; во время ругательств она давила очень сильно, и он еле-еле сдерживался, чтобы не вскрикнуть опять.

Не суждено было Рэйту в ту ночь уснуть. Его захлёстывал целый поток чувств; внутри будто образовался пустой канал, по которому свистящим пронизывающим ветром гуляло безнадёжное отчаяние. Он не понимал, зачем это всё надо.

Не в силах больше терпеть, он встал. Оделся и вылез в окно – благо, жили они на первом этаже. Вывез из гаража что-то вроде мотоцикла – только был он бесшумным и передвигался, не касаясь земли. Он доехал до небольшого парка рядом с их домом, приложил палец к идентификатору – все официально зарегистрированные граждане вне зависимости от времени суток имели туда доступ; оставил средство передвижения и вошёл.

Пройдя немного, он оказался в небольшом лесу. Ветер шелестел кронами деревьев; вокруг тишина, а небо, на фоне которого изредка пролетали опадающие листья, казалось красным.

Тут уже Рэйт не сдержался. Упав на влажную осеннюю траву, он зарыдал в голос.

«Как же я хочу, чтоб они все сдохли!!! Все, все, все!!! Все!.. – он кричал в мокрые листья, колотя руками по земле. – Сдохли...»

«Хотя... – тут его слёзы внезапно высохли. – Они ведь и так сдохнут». Он вспомнил об Организации и неожиданно для себя засмеялся. Затем он сел, задрал голову кверху и прокричал: «Убейте их всех!!! И меня, меня тоже убейте!!!»

У Рэйта стало невероятно тепло на душе. По телу распространился такой умиротворяющий покой, что он склонил голову, сложил руки на груди и сидел так, впитывая эту новость откуда появившуюся благодать.

Так он и сидел, пока от сосредоточенной медитации его не отвлек шорох шагов сзади.

Глава 2. Счастье не только в деньгах

Рэйт внезапно почувствовал, как спину обожгло. Он застыл на месте; жар стремительно заливал лицо, а по расклевшейся спине бегали цепкие ледяные мурашки.

Больше всего его пугало именно то, что кто-то слышал, как он кричал. Первым порывом было убежать; но внезапно стало страшно – ему казалось, что этот кто-то будет преследовать его; а из-за ломающихся веток и шуршания листьев он не услышит, насколько близко находится преследователь. Да и вообще, его мозг сейчас просто не вынес бы шума. Поэтому он не нашёл ничего лучше, как подняться и обернуться на шорох.

В этот момент из-за облаков вышла луна – полная, яркая, как фонарь. Её свет упал в том числе и на незнакомца. Увидев его, Рэйт вздохнул с облегчением. Это был не охранник и не полицейский, а просто молодой человек лет двадцати с лишним. Наверное, он тоже прогуливался. А может, он тоже любит приходить именно в это место. «Может, я ему помешал?..»

Рэйт повернулся и собрался уйти.

– Пойдите, я хотел...

Голос незнакомца так внезапно разрезал тишину, что Рэйт вздрогнул и остановился. Он посмотрел молодому человеку в лицо, раздумывая, что же тому надо. Длинные ры-

жевано-золотистые волосы пришедшего отливали в лунном свете серебром, а в водянисто-зелёных глазах стоял металлический блеск. Они были большими, печальными и какими-то немного наивными; в целом человек походил на какое-то внезапно спустившееся откуда-то с луны... божество?..

У Рэйта перехватило дыхание.

– Вы кто? Вы один из них, да?!

Рэйт сам не знал, что несёт. В мозге появилось какое-то болезненное возбуждение; стоило ему вспомнить об Организации, как появился этот лунный человек.

Позже Рэйт вспоминал это со стыдом. Вероятно, он очень озадачил пришедшего; его фантазия часто играла с ним злые шутки...

А сейчас он смотрел незнакомцу в глаза; тот, в свою очередь, всматривался в него. Постояв так немного, человек произнёс:

– Извините за беспокойство.

После этого он просто развернулся и пошёл обратно.

У Рэйта внутри что-то упало. Он-то ожидал чего-то...

Хотел было окликнуть, но одёрнул себя. Какой смысл. Это был просто прохожий. Конечно, он удивился, увидев его здесь.

Но эти глаза Рэйт запомнил надолго; а с утра долго не мог разобраться, приснилось ему это всё или нет.

– Да что они, идиоты, что ли?!.. – Гил ходил взад-вперёд по помещению. – Чего они ожидают от этих переговоров?! Что мы заключим с ними какую-то сделку?

Он говорил о Первой Зоне. Вторая уже сдалась – после того, как население сократилось вдвое. Первая же, видя это всё – помощь посылать у них уже желание отпало – не торопилась давать окончательный ответ. Хотя всё, что от них требовалось – это добровольно сдать правительство.

– Помнится, не так давно на международной конференции они вещали о том, что их священный долг – устранить новую угрозу человечеству. Потом они всерьёз собрались объединить весь мир в борьбе с общим врагом. А теперь они заключают с нами какие-то договоры?.. Они что, считают себя ровней нам?

Каэл зевнул и сказал:

– Мне никогда не нравилась Первая Зона... Да и их действия – они не удивительны; придётся повозиться.

– Я просто не хочу бессмысленно терять людей. Нас и так мало, а в Третьей Зоне случайно погибло аж несколько человек...

Тут Каэл округлил глаза; он бы поперхнулся, если б было, чем.

– Я имею в виду, нужных людей, – добавил Гил, уловив

эмоции Каэла.

«И всё-таки чувства собственности ему не занимать...» – подумал последний.

Тут дверь открылась, и в помещение вошла девушка – примерно одного возраста с Каэлом. Её волнистые волосы холодно-пшеничного цвета, достающие до плеч, и большие карие глаза создавали некое сходство с золотистым ретривером. В руках у неё был стакан – очевидно, с кофе.

– А, Вы заняты? – спросила она, увидев Каэла.

– Да нет, пока просто выражаю свои эмоции, – ответил Гил; на его лице появилась тёплая полуулыбка.

– Вы ведь о Первой Зоне говорили, да?

– Помню, что ты оттуда.

– И я очень рада, что это место наконец перестанет существовать.

– Мне нравится этот настрой!

– Однако одного настрой мало, – хмуро отрезал внезапно вклинившийся Каэл. – Мы собираемся проводить с ними переговоры, или обойдутся без прелюдий?

– Каэл, а что ты такой нервный в последнее время? – хитро спросил Гил.

– Как заместитель, я бы предпочёл говорить с начальством без лишних ушей.

– Когда везде видишь предателей, недолго и самому заразиться, – сказала девушка, сверкнув глазами. —Всё, ухожу, ухожу, – она картинно подняла руки и вышла; кофе остался

на столе.

Каэл ощутил тихую ярость. Воистину, только она могла позволять себе подобные выходки; любого другого уже бы поставили на место весьма неделикатным образом.

Подождав, пока шаги затихли, Каэл посмотрел Гилу в глаза и быстро произнёс:

– Вы подумали над тем, о чём я говорил три с половиной ночи назад здесь в два часа?

– Что-то не припоминаю, – зевнул Гил. – С минутами и секундами можно?

Каэл закатил глаза. Он едва удержался, чтобы не передёрнуться и не издать раздражённый звук.

– Я так понимаю, возвращаться к этой теме Вы не собираетесь.

– Всё ты правильно понимаешь. То, что Эстер (так звали недавно вышедшую девушку) депортировали из Первой Зоны за взлом, не означает, что она обязательно шпион. Да и смысл ей?

– А как Вы тогда объясняете то, что почти сразу после её вступления в Организацию Первая Зона провела международную конференцию, хотя тогда ещё даже Третья оставалась целой? Надо им обращать внимание на каких-то там «террористов» из Второй Зоны, в обычное время они бы и пальцем не шевельнули!

– Каэл, ты забываешь о том, что до этого Вторая Зона отказала Первой в заключении сделки. Ну по поводу ресур-

сов нейтральной стороны на севере. Не желая скандала и прознав о нашем зарождающемся движении, Первая Зона уцепилась за возможность извлечь выгоду: узнай весь мир о «террористах» из Второй Зоны, последней просто пришлось бы бросить прежде всего собственные силы на борьбу с ними. А что у нас с бюджетом ещё со времён Третьей Межпланетной? Правильно, всё плохо. А где у нас сосредоточение мировых денег? Правильно, в Первой Зоне. Вот так и замкнулся бы круг; а Первая Зона получила бы ещё и репутацию борца с врагами человечества.

– Мне не была известна информация о намерениях Первой Зоны, – тихо сказал Каэл.

– Она и не могла быть тебе известна, – улыбнулся Гил. – Как только Эстер вступила в Организацию, я очень, очень тщательно её проверял. И если она тебе так неприятна потому, что может откопать любую информацию откуда угодно – что ж, Каэл, даже не представляю, что ты там со своим самомнением замышляешь.

На слове «самомнение» из уст Гиля тот чуть не выпал в осадок.

– Ладно, я понял.

Некоторое время висело молчание.

– А что касается твоего вопроса по поводу переговоров, – сказал затем Гил, отхлебнув кофе, – почему бы и не сходить. Когда мне ещё представится такая возможность...

Мать Рэйта вернулась домой, не произнеся ни звука. В её присутствии тишина, можно сказать, заполняла собой помещение, проникая во все щели – настолько в этом случае она была необычна.

Убрав рисунок и уставившись вместо него в экран, Рэйт ждал. Он заранее прикидывал, как можно будет в случае чего быстро покинуть квартиру – прежде всего через окно.

– Поздравляю, собака. Доигрался.

У Рэйта по спине прошёл дикий холод. Прямо так сразу, без предисловий. В спасительное окно приглашающе подул ветерок...

Он сидел не шелохнувшись, боясь вдохнуть.

Она быстро подошла и встала за ним. Вся спина Рэйта покрылась мурашками; ему очень хотелось вскочить, но это могло повлечь за собой агрессию.

– С-совсем мне нервы вытрепал... – сказала она сквозь зубы. – Зарплату мне из-за тебя понизили, сволочь!!!

После этих слов она резко схватила его за волосы, задрала голову.

Рэйт даже не успел как следует подумать, как этот факт может быть связан с ним. Впрочем, даже если бы он и подумал, то ни к какому выводу бы не пришёл. В общем-то, ничего нового под солнцем...

– Конечно, как тут будешь спокойной, когда у тебя такой убудок дома: не знаешь, что в следующий момент сделает – людей убивать пойдёт или в окно кинется!

«Ну хоть насчёт последнего правда».

– «Как Вы со мной разговариваете, как Вы со мной разговариваете!..» – это она, видимо, цитировала начальника. – Сам бы попробовал жить с такой скотиной!..

На последнем слове она со всей силы хлопнула рукой по столу.

У Рэйта была привычка попивать чаёк во время рисования или чтения, да, впрочем, чего угодно. Вот и сейчас на столе стояла чашка свежезаваренного, ещё дымящегося чая, распространяя вокруг себя приятный травяной аромат.

И всё бы хорошо, если б рука матери не потянулась к этой чашке. Тут уж реакция Рэйта сработала на ура – он вскочил с места, инстинктивно при этом проговорив «н-не надо». Он случайно толкнул стоящую сзади – часть напитка пролилась, и, судя по раздавшемуся тут же пронзительному звуку, ей на руку. Будучи в процессе молниеносного броска по направлению к окну, Рэйт услышал оглушительный для него в этот момент лязг чашки об пол, сопровождаемый выгавкиванием ругательств на довольно высоких тонах.

В этот момент ему стало до боли ясно, что если он моментально не покинет помещение, то будет очень, очень плохо. А до боли потому, что часть расплескавшегося чая попала ему на оголившуюся щиколотку. Не желая получить остатки

в лицо, он схватился за ручку окна; ощущение было похоже на сон, в котором преследователь загоняет тебя в комнату с единственным выходом – тем же самым окном, и ты лихорадочно открываешь его и выпрыгиваешь как можно быстрее – неважно, с какой высоты – потому что бегущего за тобой уже чувствуешь спиной. Под жуткие проклятия Рэйт буквально свалился вниз, тут же вскочив на ноги и отбежав на безопасное расстояние.

Он понимал, что она разозлилась до жути и не оставит это просто так. Первым его порывом было бежать, как можно дальше и быстрее. Но вовремя сработала смекалка: долго он так не протянет, а ей ничего не стоит за ним погнаться. Лучшим выходом из данной ситуации было бы достать из гаража подобие мотоцикла; к тому же там в бардачке (как иногда спасает забывчивость!) лежит его гражданская карточка, так что в случае чего его никуда не заберут и не примут за угонщика.

И снова пришлось действовать мгновенно. Пока Рэйт со всех ног огибал дом – и опять, как во сне, казалось, что бег вечно что-то норовит замедлить – его мозг прикидывал, сколько времени понадобится матери, чтобы выйти. Мало, ничтожно мало; задержать её могли только закрытие окна и двери – если она, конечно, не пренебрежёт этим.

Секунда, в течение которой идентификатор сканировал радужку Рэйта, тянулась мучительно долго. Быстро вывезя аппарат, он даже не стал захлопывать дверь.

И правильно сделал. Потому что из подъезда выбежала мать.

– А-а, вот ты где, скотина!!!

И снова побег стал первым импульсом. Однако он моментально взял себя в руки; на то, чтобы завести средство передвижения, обычно требовались секунды.

«Три...»

Он запрыгнул на мотоцикл; мать стремительно приближалась.

«Два...»

Всё ближе и ближе; лицо Рэйта было таким каменным, будто её и вовсе не было.

«Один...»

– Только попробуй свалить!!!

«Ноль».

Их отделяло несколько сантиметров, когда Рэйт рванул с места; её пальцы скользнули по поле его расстёгнутой толстовки.

– Домой можешь даже не возвращаться, сволочь, падла, собака... – дальше пошли стремительно отдаляющиеся ругательства.

Он поблагодарил богов за то, что по пути ему никто не встретился – он вылетел из двора на довольно большой скорости: лишь быстрая реакция и воля случая позволили вписаться в поворот.

Теперь – на дороге, и дальше, как можно дальше от дома.

Он не знал, куда. Знакомых у него не было.

Оставшийся день он бесцельно прокатался по городу. Хорошо ещё, была ранняя осень, и потому он не очень замёрз. Однако ночи уже были холодными.

Остановившись в совершенно незнакомом месте – кажется, это была окраина города – он сел на остановке. Вокруг никого не было – уже хорошо; но вечерний холод начинал пробираться до костей, вызывая дрожь.

Посильнее запахнув кофту, он съёжился. Напомнил о себе ожог на ноге. Удивительно; это было совсем немного чая, а уже такой след. Совсем немного...

А в древности людей варили заживо. Медленно опускали в котёл, начиная с ног. И эта боль была в миллионы, нет, миллиарды раз сильнее. Мрази. Рэйт ненавидел людей. Они пользовались болевыми рефлексамии себе подобных; зная о хрупкости человеческого тела, они подвергали его нечеловеческим извращениям. До такого попросту невозможно додуматься живому существу, находящемуся в сознании.

Одним из сильнейших страхов Рэйта было умереть мучительной смертью. Он не выносил боли, он боялся боли, боль для него была воплощением физического мира и наоборот. Он не хотел жить в этом мире, в котором всем – и людям, и животным – нужно было вечно причинять друг другу бессмысленную боль; но он был вынужден.

А в Третьей Зоне ведь до сих пор существуют дикие обычаи и пытки. Хотя, погодите... Третьей Зоны же больше нет.

Лицо Рэйта озарила улыбка.

«Третьей Зоны больше нет. В мире стало на большую часть меньше страданий».

«Спасибо вам... Кто бы мог подумать, что больше всего мировой ситуацией будут обеспокоены те, в чьих интересах уничтожение человечества».

Будто гора с плеч упала. Ни с кого больше не будут снимать кожу или забрасывать камнями. Никого не будут унижать за врождённые дефекты. Не будет жестоких, не имеющих смысла человеческих жертвоприношений. Все сдохли и больше не вернутся.

Рэйту внезапно захотелось нарисовать предводителя Организации. Нарисовать... По его телу прошли цепкие ледяные мурашки. Рисунок-то остался дома. Как он над ним старался, как работал над деталями; теперь, стоит матери увидеть его, она, вероятнее всего, попросту разорвёт картину.

Обычно он сам это делал, когда накапливалось около пяти штук – он не мог выносить того объёма необоснованного негатива, который на него обрушивался; нет, он не показывал рисунки – их откапывали.

Он сжал кулаки.

«Какого чёрта. Я один из немногих в этом мире хочу, чтобы не было страданий, я один из немногих крайне эмпатичен и один из немногих занимаюсь созидательной деятельностью; почему же все меня так ненавидят?!»

«Как бы я хотел... доказать... – по его лицу потекли

непрощенные слёзы. – Я же выше их, я несравнимо выше; почему только я обладаю этим чувством иерархии...»

«Мне плевать, что я обычный человек. Я вступлю в Организацию. Они обязаны меня принять. Пусть делают что хотят; если убьют – тоже хорошо; хотя бы погибну от рук высших людей».

Во время этих размышлений Рэйт руководствовался исключительно тем, что обычно подобные организации охотно вербовали людей. Он понимал, что эта – не простая, а довольно-таки элитарная; но идея уже захватила его, распространившись жаром по всему телу. Его будто пружиной швырнуло с места; на противоположной стороне дороги красовался значок подземки, оставалось только перейти её. Машин ночью вроде как не было...

О своей собственной технике он вспомнил только на середине перебега через дорогу. С досадой на себя он резко развернулся назад, и тут технологии бесшумного передвижения сыграли с ним злую шутку – нашёлся-таки автомобиль, не успевший остановиться и не заботившийся о том, чтобы сбавить скорость, видя человека на дороге. Да и, наверное, издавай он шум, Рэйт бы всё равно не услышал в своём болезненном воодушевлении.

Ударило по касательной; толчок был таким сильным, что Рэйт потерял сознание.

Первая Зона встретила представителей Организации ослепительным блеском. В прямом смысле ослепительным – погода стояла солнечная, воздух был прозрачным, разве что совершенно без какого-либо запаха.

Аэропорт находился вдали от столицы; однако, даже впервые ступив на землю, можно было почувствовать, что ты явно не во Второй Зоне, и даже вряд ли в столь же цивилизованной, как и Первая, Четвёртой.

Простор, ветер, и какая-то вылизанность.

Пока ехали в столицу, Гил смотрел в окно. Вроде и похоже на то, что дома, а вроде и не то.

Его затуманенное состояние внезапно поменялось, когда после резкого поворота на горизонте показалась будто бы гора. Однако она была такой ровной и правильной... Постепенно гора стала разделяться на маленькие аккуратные части, а затем перед ней ослепительно блеснула в лучах солнца серебряная полоса.

Всё оказалось просто. Гора была наиболее высокими небоскрёбами столицы, построенными таким образом, что с определённого ракурса сливались в одно целое. Серебряная полоса – огромное озеро, через которое был построен один из самых протяжённых в мире мост. Собственно, по нему им и предстояло проехать.

Вода была такой блестящей, что в глазах оставались солнечные блики. Тяжело было смотреть и на здания – они были либо обложены стеклянными панелями, либо просто очень светлые – в основном белые.

У Гила захватило дух ещё на подъезде к столице; он дал себе слово вести себя спокойно, когда они прибудут на место назначения. Каменное, недвижимое лицо Каэла тоже создавало деловую, а не восторженную атмосферу.

Однако стоило им выйти перед зданием правительства, Гил всё же не выдержал.

– Каэл, Каэл! – заговорил он полушёпотом. – Ну как ты такой спокойный!!! Я бы точно переселился сюда после того, как мы всех уничтожим! Это же про-осто...

– Сосредоточьтесь!!! – шёпотом рявкнул Каэл, перебивая его. – Мне одному защиту поддерживать и для Вас, и для себя?!

– Да успокойся ты, для меня не надо. Я прекрасно концентрируюсь на двух вещах сразу. Ладно, прости.

Просторный, светлый зал. Вся стена состоит из прозрачных стеклянных пластин, регулирующих интенсивность света снаружи. Высоченный потолок.

– Я прежде всего хочу до вас донести, что мы не соперники, а потенциальные экономические партнеры, – говорил человек в белом костюме, сидящий напротив Гила и Каэла. – Причём на достаточно выгодных условиях, которые я вам,

если вы позволите, разьясню.

Он с плохо скрываемым сомнением на лице смотрел на оппонентов. А уж Гил, у которого открыты были одни только глаза, ему и вовсе ничего оптимистичного или вразумительного не внушал.

«Тут только два варианта, – подумал человек в белом костюме. – Либо их удастся стихийно завлечь, либо всё пропало. Это явно не то что вести переговоры с какими-нибудь террористами, будь они хоть яростными религиозными фанатиками».

– А что, господин Президент не соизволил явить себя нам? – спросил Каэл, едва заметно усмехнувшись краем губ.

– На этот счёт можете быть спокойны. Я его равноценный представитель; моя официальная должность – Министр Иностранных дел, и вам первым выпало узнать о моём основном назначении, – улыбнулся он.

– И последним, – не удержался Гил, хихикнув.

Это не смутило представителя.

– Вы правы, и последним. Именно на это я и пытаюсь вам намекнуть. Мы имеем общие интересы.

– Какие-то у Вас неправильные представления о наших интересах, – сказал Гил.

– Нет, ну почему же. Насколько я понимаю, вы хотите создать новый, лучший мир. Так ведь, господин Гилрэйт? Ваше имя говорит само за себя², – он снова улыбнулся.

² Имя взято из мифологии (данного мира); с древнего языка переводится как

Нет, он не боялся переборщить с лестью. Он знал, что человеку, сидящему напротив него, ненамного больше 18-и; но он не знал, что встретит того мальчишку, чьи глаза были полны панического страха и боли, при таких обстоятельствах. Из всех сил пытался Министр Иностранных дел убедить себя в том, что глава Организации не продумывал это событие заранее и что успех мог зависеть попросту от правильно подобранных слов.

«Да, разумеется, так, – одёрнул он себя. – Малолеткой был, малолеткой остался; статус ещё ничего не значит».

Каэл искренне смеялся внутри себя. «Тоже мне, дипломат нашёлся...»

Гил поморщился.

– Будьте так добры, не утруждайте себя произношением моего имени полностью... – он сделал секундную паузу и закатил глаза. – Что же касается Вашего вопроса – да, в каком-то смысле и так. По крайней мере, так это может рассматриваться вами.

– Как Вам будет угодно. Однако Вам ведь известно о мировом балансе?

Гил зевнул.

– Вы сейчас про деньги или философствуете?

– Давайте пока не будем о деньгах, – сказал его оппонент;

Каэл прыснул – тот не обратил внимания.

– Вот видишь, я же говорил, будет интересно, – тихо ска-

зал Гил своему заместителю.

Человек в белом костюме и это проглотил; ситуация невероятной выводила его из себя – такого невыгодного положения он, привыкший всегда руководить ситуацией, ещё ни разу не имел. Однако «хочешь жить – умей вертеться».

– Так вот, – продолжил он. – Подобно тому, как не может быть на планете одного климата повсеместно, не бывает и исключительно хорошо или исключительно плохо. Причём если климат зависит от внешних условий – на севере холодно не потому, что тепло на юге, – то жизненный баланс как раз-таки регулируется живыми существами. Жертва мертва, но хищник сыт. Иными словами, у всего есть обратная сторона; не исключение и новый лучший мир. Не бывает чистого идеала.

– Ваше понятие баланса вполне применимо к дикой природе; однако я не вижу, как оно применяется к людям, – сказал Гил. – Чтобы кто-то выиграл в лотерее, скажем, не должен никто где-то умирать или страдать.

– О, я Вам объясню, как это применимо к людям. Я уверен, мы найдём с Вами общий язык, – на этих словах оппонент щёлкнул пальцами.

В середине полукруглого стола появилась голограмма – это была модель планеты.

– Как видите, перед Вами обычный глобус.

Затем изображение поменялось.

– Это тот же глобус, но с учётом прогнозов на пятидеся-

тилетие вперёд. Видите то, что синеньким цветом?

– Это вы что же, мир собрались захватить? – усмехнулся Гил.

– Нет, упаси боже! Мы не завоеватели какие-то; мы за мир во всём мире. Тут мы возвращаемся к балансу. Знаете, в обществе есть отличный регулятор этого баланса – это, как Вы до этого правильно упомянули, деньги. Это я говорю к тому, что примерно через полвека Вторая Зона окажется в долговой яме; а поскольку кроме территории расплачиваться вам – прошу прощения, им – нечем, то территория достанется Первой Зоне. Четвёртую Зону ждёт полная зависимость и, как следствие, дальнейшее поглощение.

Каэл чуть было не прыснул. «Интересно, и сколько же времени у него ушло на то, чтобы придумать эту дичь...»

Выждав небольшую паузу, он продолжил:

– Возвращаясь к обратной стороне всего сущего. Эта модель планеты с учётом нынешних условий, конечно же, не совсем верна; помимо денег, в мире появился ещё один регулятор баланса. Это вы. И теперь я понимаю, что Первой Зоне и вашей Организации дана одна и та же функция. Но не подумайте теперь, что я ставлю нас на один уровень с вами; вовсе нет.

Он многозначительно посмотрел на Гила.

«Психолог, однако», – подумал Каэл.

– Я прекрасно осознаю своё положение как человека, – продолжил тот, – и не собираюсь претендовать на равное от-

ношение; это простая иерархия, и я её понимаю.

«Эстер не предатель, значит... Скоро слово в слово заговорит. Побоялся бы хоть...»

– Именно поэтому я хочу предложить Вам следующую модель на рассмотрение. Чтобы не нарушать вечный дуализм и чтобы сохранять баланс, необходимы, я считаю, всё же два элемента. Это ваше новое государство и Первая Зона. Как я уже говорил, мы ни в коем случае не ставим себя с вами на один уровень; мы будем той самой обратной стороной, тенью идеального мира.

Тут Каэл совсем издёргался. Гил частенько называл себя Тенью, чем вызывал и насмешки, и опасения.

– Мы станем тем, – продолжал представитель Президента, – что будет снабжать идеальный мир вполне себе материальными ресурсами, не вмешиваясь в его существование. Вы ведь не думали за счёт святого духа жить, да? – в последней фразе ему с огромным трудом удалось подавить смехок.

Гил устало вздохнул, выждал секунду-другую и сказал:

– Понимаю, обидно и даже невозможно терять статус ведущей мировой державы, да ещё и из-за каких-то самозванцев-идеалистов³. Сказать «террористов» язык не повернулся – знаете, я искренне считаю, что террористы те, кто продавал Третьей Зоне оружие, а не те, кто прекратил наконец бессмысленную жизнь этих несчастных. Но это так, к слову

³ Здесь слово «идеалист» используется в устаревшем значении: тот, кто идеализирует действительность, мечтатель.

пришлось; возвращаясь к Вашему вопросу – со святым духом Вы, пожалуй, загнули. У нас есть кое-какие соображения на этот счёт, а именно: первое время мы будем использовать часть людей, оставшихся в живых, в качестве рабочей силы. В остальном проблемы не вижу – нас куда меньше, чем вас, ресурсов тоже требуется гораздо меньше; да и не собираемся мы по всей планете расселяться, боже упаси. С автоматизированным трудом проблемы материальных благ тоже не вижу; а что касается знаний – именно для этого мы и оставим лучших ваших представителей в живых; и, к Вашему величайшему сожалению, не только из Первой Зоны. В качестве бонуса за их старания позволим им, так сказать, умереть естественной смертью.

Сказанное свалилось на представителя Первой Зоны как куча снега, окатив его паническим холодом неминуемого поражения. В этот раз спектакль не удался; а в голосе Гиля чувствовалась такая железная неизменность, такая ледяная насмешка, что его оппонент впервые всерьёз задумался, отнесут ли его самого к числу людей, которым позволено будет «умереть естественной смертью».

– Вы что, просто собираетесь уничтожить человеческую цивилизацию? – бесстрастно спросил он. – Но вы ведь не сможете построить идеальный мир без предыдущего опыта. Вы будете, как маленькие дети...

– Мы и не собираемся уничтожать цивилизацию. Все её достижения достанутся нам – в том числе и искусство – тем

более что созданию этих достижений во многом поспособствовали наши же люди в разное время. И если уж брать предыдущий опыт, то, поверьте, не только у вас... Чему Вы меня пытаетесь научить? Вы, представитель государства, в котором социальное расслоение едва ли не достигает точки, за которой разве что рабство – и всё из-за того, что вы бездумно размножаетесь без конца и края.

– Но ведь Вы сами вечно говорите об иерархии! – отчаянный аргумент вклинился в монолог.

– Вы сравниваете изменчивый социальный статус и то, что дано от природы и чувствуется на уровне сознания? Что ж, мне казалось, Вы не идиот.

Представитель Первой Зоны кожей ощущал, как всё катится к чертям. Однако контрольный выстрел ждал его впереди.

– И, знаете, – продолжил Гил, – Вы ведь ещё больший идеалист, чем я. Вы тут вещали о каком-то совершенном мире, о балансе сил и так далее. К чему вся эта философия? Будьте проще. Я всего лишь хочу обеспечить своему виду процветание без всяких помех. Ну, а ещё – вы все нам единогласно не нравитесь.

Вот это уже было окончательным поражением. Если до этого на представителя Первой Зоны будто свалилась куча снега, то теперь ему как бы выстрелило в голову вакуумным пистолетом – в ушах от пронзительной тишины звенела тончайшая струна; на голову давило, а дыхание участилось

– вместе с ударами сердца, колотившего теперь в грудную клетку со страшной силой.

Внезапно он понял, что это конец. Казалось бы – так просто, но так невероятно. Всю жизнь он привык быть хозяином положения; не было ситуации, из которой нельзя было бы выйти – с помощью личных качеств, влияния, денег, наконец. А тут...

В его позвоночник ледяными когтями вцепился холод. Ведь он даже не предполагал, что дело обернётся так. Успех уже стал неотъемлемой составляющей его жизни; его парализовало.

Ведь теперь всё, что ему оставалось – это нажать на кнопку. Кнопку, которая уничтожит его и всех, сидящих в помещении – и спасёт человечество. Кнопку, о которой он и думать до этого не хотел.

Тут в его мозг стал въедаться мерзкий, коварный жучок.

– Разрешите задать вопрос?

Гил кивнул, улыбнувшись.

– Я войду в число людей, которые выживут?

«Я хочу жить. Я просто хочу жить. Я не хочу умирать».

– Даже если я скажу, что нет, Вам всё равно не хватит духа нажать на эту злосчастную кнопку, – рассмеялся Гил.

Представитель Первой Зоны вздрогнул. На лице весьма заметно выступил холодный пот. Верно, на кнопку нажать он не сможет. И выжить теперь он тоже не сможет. Это провал. Впрочем... а вдруг...

– А даже если бы и хватило, – продолжил Гил, – результат был бы нулевым, как и моя реакция на то, что Вы сейчас собираетесь мне предложить.

На этих словах он достал пистолет и стал покручивать его в руках. А вот это точно провал. Заместитель президента Первой Зоны очень хорошо был осведомлён о привычках людей Организации – теперь он знал, что будет дальше.

Впрочем, думать он всё равно не мог. Он привстал с места, подняв руки вверх. Он смотрел Гилу в глаза; по лицу текли слёзы.

– Умоляю... Все деньги мира!!! Будете жить, как король – всё что пожелаете, в любую секунду...

Тут его голос сорвался; он говорил чуть ли не сквозь истерику, вряд ли слыша себя.

– Мировое господство – оно Ваше, безоговорочное, неотъемлемое!!! Любой человек даже мечтать об этом не может!!!

– Коим я не являюсь, – усмехнулся Гил.

– Не убивайте меня.

Эта вырвавшаяся реплика эхом отразилась от стен большого зала.

После этого он уставился на пистолет и стал дышать часто, хватая воздух ртом, как выброшенная на поверхность рыба.

– Ладно, насчёт нулевой реакции я загнул. Вы всё же забавный...

– У меня жена и дети, – уныло вылетело последнее, отча-

янное, жалкое оправдание жизни.

Слёзы у него уже высохли. Дух еле как держался в теле; глаза застлал туман, и единственным чётким предметом был пистолет – и тот, предатель, вертелся на все лады.

– Не переживайте, они тоже умрут, – ответил Гил.

Видно было, что результат его устраивает; он приподнял пистолет и прицелился.

Представитель Первой Зоны до неузнаваемости расширил глаза, инстинктивно при этом проговорив «н-не надо».

Гил как-то по-особенному усмехнулся, и менее чем через секунду меткая пуля окончила страдания заместителя Президента и по совместительству Министра Иностранных дел Первой Зоны попаданием в лоб.⁴

А вот это уже был контрольный выстрел.

⁴ Здесь и далее использование огнестрельного оружия людьми Организации является демонстрацией презрения к противнику, нежелания тратить на него свои силы.

Глава 3. Каждому своё

Шаги отражались от сводов храма, эхом гуляя по обширному залу, казавшемся бесконечным из-за тёмных цветов, преобладающих в помещении. Света там уже давно не было; холод струился из каждого угла, а сырость начинала бегать неприятными мурашками по спине каждого, кто туда входил. Впрочем, посетителей не было на протяжении столетий.

Стены и потолок являли собой истинное свидетельство того, что архитектор храма обладал гениальностью. Резные своды, колонны, потолок, расписанный, казалось, не менее гениальным мастером – всё это навевало трепет и непередаваемое ощущение давно ушедшей эпохи.

Со скрипом отворилась дверь, и в храм вошла тёмная фигура. Застыла, осмотрелась.

«Я знал...»

Вот она осторожно стала продвигаться вглубь помещения, не в силах удержаться от того, чтобы не вертеть головой, смотря по сторонам, вверх, вниз. Однако то, зачем одинокий посетитель вообще появился в этом забытом богом месте, было впереди. По крайней мере, так он надеялся. По крайней мере, так говорили чертежи.

Не хотелось компенсировать отсутствие света. Лунные лучи наполняли храм таким мягким, ненавязчивым, даже приветливым сиянием, проходя сквозь многочисленные витра-

жи от пола до потолка, предоставляя достаточно света, чтобы видеть дорогу, но скрывая то, что таилось в глубине.

Вот один из лучей пробился особенно сильно, освещая множество мелких частиц – то ли пыли, то ли тумана. Того, что находилось за ним, видно не было.

Сердце вошедшего забилось особенно часто. Не раздумывая ни секунды, он прошёл сквозь луч.

То, что открылось его взору затем, заставило его вздрогнуть и чуть ли не отшатнуться. Казалось, дыхание сейчас покинет его – настолько оно участилось. Волнение штырём пронзило тело сверху вниз, застряв в горле.

И на то были весомые причины. Перед ним открылся вид на довольно больших размеров статую, полностью белого цвета. Кое-где на ней проступали краски, бледные, ненавязчивые – это лунный свет проходил через соответствующие цветные стёкла.

Посетитель не видел лица – наверх он пока не смотрел. Для этого ему надо было собраться с силами.

Немного выровняв дыхание, он прикрыл на секунду глаза, сделал глубокий вдох, выдохнул и задрал голову.

Да, это было то. То, что он ожидал увидеть – то, что он видел уже много раз. Но всё же дух захватило. Хотя он ни на мгновение не сомневался в своих видениях, а затем и убеждениях и верованиях, всё же слишком необычно это было; слишком необычно было осознавать, что ты не один, и до тебя находились люди, разделявшие твою идею, и сотни лет

не стали помехой тому, чтобы ты чувствовал и видел то же, что и они.

«Я надеюсь, в итоге мне удастся привлечь Ваше внимание...»

Гил долго, долго сидел на полу перед статуей.

Первое, что услышал Рэйт, когда открыл глаза – это очень пугающий голос. Нет, он был не таким смертельно-парализующе устрашающим, как в кошмарах, да и не таким громко-всепроницающим, но, услышав его, хотелось вскочить и убежать как можно дальше.

«Пожалуй, не стоило открывать глаза», – подумал Рэйт и закрыл их обратно.

Однако это ему мало чем помогло. Его засекли, и теперь рука с холодными пальцами гладила его по голове. Причитания, которые начались, стоило ему поднять веки, теперь сменились на какой-то горестный полушёпот.

Нет, это было невыносимо. Не в силах терпеть прикосновения ни секунды, он снова распахнул глаза и вскочил, резко сев на кровати, тут же при этом почувствовав острую боль в боку и сильное головокружение.

– Не вставай, лежи, лежи!!! – заверещала мать, стараясь положить его обратно.

– Пожалуйста, убери руку, и я лягу, – тихо проговорил

Рэйт.

Не тут-то было.

– Опять меня не слушаешь!!! Да что ж за человек такой!!! Чуть не умер и ещё сопротивляется, а ну хватит мне нервы трепать!..

Крик медленно перешёл в плач. Рэйта и так-то подташнивало, а сейчас ему просто хотелось выпрыгнуть в окно, находившееся рядом с койкой. Впрочем, в окно он уже недавно выпрыгнул. И, как выяснилось, не очень удачно. Однако если подумать, то нынешнее положение всё же лучше, чем быть обожжённым кипятком.

Когда в палату стремительно вошёл врач, Рэйт от души поблагодарил всех богов. Он вспомнил о своём недавнем намерении, и это его приободрило. Ориентир появился, и жить сразу стало как-то проще. Он мгновенно взял себя в руки.

– Ну что же Вы так кричите, – сказал врач возмущённо. – Пациенту с сотрясением мозга покой нужен и тишина. А если не успокоитесь, мне придётся попросить Вас покинуть палату.

Она моментально переменяла выражение лица, сделав умный вид. Однако затем до неё дошли все слова до конца.

– Сотрясение мозга... – она расширила глаза и вперилась в Рэйта с таким трагизмом, будто он перед ней лежал в расчленённом виде. Её губы опасно задрожали.

– Успокойтесь, это лёгкое сотрясение. Если Вы действительно беспокоитесь о своём сыне, то оставьте его в покое, –

врач уже с тревогой поглядывал на Рэйта. – Как Вы себя чувствуете? – обратился он затем к пострадавшему.

Рэйт хотел было заверить, что всё хорошо, только немного тошнит и голова кружится. Однако затем он сообразил.

– Будто в обморок сейчас упаду... – он склонил голову, приложив руку ко лбу.

После этих слов он лёг, отвернувшись к стене и натянув одеяло.

«Ладно, неплохо», – подумал врач, затем серьёзным тоном сказал:

– Выйдите, пожалуйста. Мне нужно оказать пациенту помощь.

– Он же не умрёт, правда... – мать Рэйта схватила врача за руку; её губы совсем уж задрожали, а лицо исказила жалобная мина.

«Господь всемогущий, что за семейка плохих актёров...»

– Нет, он не умрёт, просто неделю отлежится в больнице, а потом будет как новенький. Вы меня задерживаете.

– Всё, всё, ухожу, – она стремительно вышла, по пути высморкавшись в платок.

– Итак, как ты себя чувствуешь? – снова спросил врач.

Рэйт вылез из-под одеяла.

– Голова кружится и подташнивает. Думаю, ходить мне было бы сложно.

– Не переживай, никто тебя не заставляет.

– Я и правда останусь тут на неделю?

– Вообще, это исключительно от твоих пожеланий зависит – отлёживаться дома или в больнице. Просто я подумал, – врач посмотрел на него сочувствующе-многозначительно, – что здесь тебе было бы комфортнее. Ну, по крайней мере, тебе не придётся никуда перемещаться, и здесь тебе смогут оказать должную помощь в случае чего, – быстро добавил он. – А так – ничего особенного; как я уже и говорил, сотрясение лёгкое, ну и плюс ушиб ребра – даже не перелом. Так что повезло тебе.

Успокаивающий тон и комфортная обстановка подействовали на Рэйта благоприятно. Он посмотрел в добрые глаза врача и подумал о том, что такого, как он, пожалуй, очень жаль было бы убивать.

На этой мысли он вздрогнул. «Убивать?.. Но зачем мне его убивать?..» Это было так неожиданно и странно... Впрочем, собеседник прервал его размышления.

– Я у тебя вот что хотел спросить, – тон врача стал серьёзным, хотя лёгкая полуулыбка не сходила с его лица. – Что ты делал ночью на той дороге?

Рэйт не понял вопроса. На него смотрели с такой многозначительностью...

– Понимаешь, вряд ли бы кто-то поверил в то, что это просто совпадение – такое время суток, машин почти нет, а та сбила именно тебя... Но я готов поверить.

На этом моменте Рэйт начал соображать. Тут его чуть не вынесло – почему все вечно норвят его в чём-то обвинить?!

– Послушайте, – сказал он резким тоном, хотя и старался быть спокойным, – я просто убежал из дома, потом сидел на остановке и думал о том, как всё плохо, затем мне в голову пришла интересная мысль, и я решил вернуться домой; потом мало что помню, но, судя по всему, я просто не услышал эту машину... Ах да, и я забыл, что оставил мотоцикл на остановке... – Рэйт приложил руку ко лбу, вспоминая. – В общем, я что хотел сказать. Если бы я хотел убить себя, то сделал бы это по-другому. Кстати, у Вас нет листа бумаги и карандаша с ластиком?

– Ну, ну, разогнался, – врач наигранно приподнял руки. – Так уж и быть, господин Гилрэйт, я Вам поверю. И не то чтобы даже твоим словам – вообще, не похож ты на человека, который смог бы броситься под машину.

– Можно просто «Рэйт» ?.. – сквозь зубы процедил пациент.

– Просто «правая рука»? Скромность, достойная похвалы, – врач усмехнулся.

– Так что насчёт моей просьбы? – тихо спросил Рэйт, пропустив комментарий мимо ушей.

– По поводу твоего вопроса – милый мой, что ты с отсутствием нормальной ориентации в пространстве нарисовать собрался? Тебе сейчас не то что это – тебе долго на чём-либо концентрировать взгляд противопоказано. Да и, тем более... – он как-то странно посмотрел на Рэйта. – Где я тебе сейчас *лист, карандаш и ластик* найду?..

– Ну и что мне тогда делать? – вопрос был задан с плохо контролируемым раздражением.

– Знаешь, я бы на твоём месте наслаждался тишиной, пока могу, – отрезал собеседник.

Рэйт понял, что резон в его словах есть.

– Могу попросить медсестру принести тебе снотворное, будешь спать. Потом, как станет получше – так и быть, дам тебе бумагу и карандаш, – смягчился врач.

– И ластик... – тихо добавил Рэйт.

– И ластик.

– Каэл, я нашёл его.

Глаза Гила блестели – не только холодный свет ламп бункера отражался в них.

– Неужели?

Каэл вообще, по правде говоря, скептически относился к последним изысканиям собеседника. Первый плохо понимал, зачем тому копаться в исторических текстах, подлинность которых к тому же была под сомнением.

А Гил искал идею, точнее – её подтверждение.

– Совершенно так. Обстановка была точно такой, как и в описаниях; вплоть до статуи, понимаешь? Каэл, это была Она, Она самая, в точности. Если ты помнишь, я рассказывал тебе...

– Припоминаю...

Если бы Гил был котом, то в этот момент его шерсть вздыбилась бы. А так он просто сверкнул глазами, однако эмоции сдержал. Он слишком привык, чтобы каждое его слово ловили, как драгоценный камень. Приготовившись уничтожить скептицизм заместителя, он быстро и чётко заговорил, и звучало это, как автоматная очередь.

– Что ж, теперь точно запомнишь. Вот небольшой трактат того архитектора (он кинул на стол документ). Если напряжёшь мозг и всё-таки вспомнишь, что говорил тебе я, то проведёшь явное соответствие. Решать, видел ли я этот трактат до этого, оставляю тебе. Вот это (он кинул другой документ) – чертёж храма, сделанный тем же архитектором; вот это (он кинул крошечную флэшку, но звук был такой, что аж ушам больно стало) – мои собственные фотографии. И, наконец, вот это (Каэл уже начал искренне задумываться, когда же тот перестанет кидаться бумагами) – мои личные размышления на эту тему. Очень надеюсь, что ты найдёшь время всё это изучить.

Отстучало. Такая тишина сразу повисла.

– Гил, я всё понял и приношу свои извинения. Вы можете сказать мне то, что там написано.

Гил смотрел на него долго, оценивающе.

– Скажи, ты веришь в кого-нибудь?

Каэл хихикнул.

– В Вас, в себя, в победу.

– Молодец, – Гил похлопал в ладоши. – А ещё?

– В то, что Вам всё равно, что я сейчас отвечу. Честно – нахожусь в процессе поиска, формально атеист.

– Что ж, возможно, я тебе с этим помогу. Каэл, я имею все основания полагать, что статуя в храме изображает *нашего* создателя.

Он сделал паузу, затем резко и быстро заговорил:

– Я раньше думал, что все мировые религии – не более чем выдумка древних людей, которая никак не может себя изжить. В каком-то смысле, впрочем, это и так – я имею в виду обычаи и традиции. Однако мне противоречили мои же видения – я был уверен на 100%, что видел сущность божественного происхождения. В свободное время я ломал над этим голову, но никак не мог прийти к одному выводу. Но потом – Каэл, тебе ведь известно о духовных практиках, направленных на освобождение из круга перерождений?

– Ну, как Вы сразу... Скажем, мне косвенно известно об их существовании, но об эффективности – ничего.

– Конечно, иначе что бы ты тут делал, – Гил улыбнулся. – В общем, хотя цель у них у всех одна, результаты несколько разнятся. Одна из практик, если ты вдруг углублялся, предполагает постоянное развитие творческих способностей. Логично, что в конце, спустя много-много жизней упорных стараний, человек – ну точнее то, чем он становится – получает высший статус. Иными словами, он обретает способность создавать целые миры. Мне это показалось очень логичным

– по крайней мере, это дало осознание, что древние люди не такие уж и выдумщики. Ты видишь в этом логику? – он посмотрел на Каэла вопросительно.

– Пожалуй, что да.

– Но если предположить – чисто теоретически – что существа из одного мира могут оказаться в другом?

– Ну и как же...

– А если их туда пошлют?

– Говорите уже целиком.

– Если их туда пошлют за тем, чтобы они избавили планету от оставшихся без присмотра существ, создатель которых по какой-то причине оставил их давным-давно?

– Это Вы про «бог умер»? – усмехнулся Каэл.

– Почему бы и нет? Это единственное объяснение тому, что происходит в мире. Если ты задумаешься...

– Я задумывался.

– ... то тебя наверняка смутит то, что во всём, что здесь есть, отсутствует смысл – как и в жизни в целом – а существование направлено просто на то, чтобы выжить, а зачем выжить – непонятно. Полагаю, это просто инерция; возможно, изначально у них и была какая-то цель. Пока то, что я говорю, кажется тебе логичным?

– Мне надо обдумать это.

– Хорошо. Перейдём к более частному...

– Я понял, к чему Вы ведёте.

– Да, Каэл. Это не просто уничтожение ради сохранения

вида. За этим что-то стоит.

– Если исходить из Ваших слов, то да.

– Да я и не навязываю это никому, – сказал Гил. – Просто я хочу, чтобы ты задумался над этим.

– Естественно, я буду над этим думать.

– Ну и, мне кажется, что если на протяжении истории несколько человек запечатлело один и тот же образ, то это даёт повод поразмыслить.

– Если, конечно, эту историю с божеством Вы не почерпнули из трактата того архитектора, ознакомившись с ним ещё очень давно, – хихикнул Каэл.

В последнее время ему почему-то очень нравилось ходить по лезвию бритвы. Всё чаще он ощущал, что его несёт куда-то по наклонной; и это осознание, казалось, только сильнее подстёгивало к действиям.

– Эх, Каэл... Ты преувеличиваешь значимость своего мнения. Я просто считаю долгом сообщить о том, что узнал. Это твоё дело – верить или нет. А я лично верю в существование рая – и даже могу его описать – но нам с тобой, видимо, не по пути. Какая жалость.

– Действительно, – сказал Каэл, которого манера общения Гила в последнее время раздражала, как никогда.

«Катиться так катиться».

– Вот Эстер слушала, затаив дыхание, – Гил улыбнулся и картинно пожал плечами, пропустив ответ собеседника мимо ушей.

– Конечно она будет слушать, затаив дыхание, – процедил Каэл. – Когда-нибудь эта бестия из Первой Зоны воткнёт Вам нож в глотку, а Вы и не заметите.

– Не исключаю такой возможности.

– В смысле...

– Я не настолько глуп, чтобы не понимать, что любой из вас может воткнуть мне нож в глотку. Если ты думаешь, что я ей доверяю – ты ошибаешься: я не доверяю никому. Просто, знаешь ли, жизнь коротка, а уж моя в особенности; так что отрываюсь, пока могу.

Подобного Каэл ещё не слышал. На секунду он почувствовал себя в каком-то смысле покойным заместителем Президента Первой Зоны... Он даже не успел попросить Гила разъяснить своё высказывание.

– Если так хочешь выделиться, покажи себя наилучшим образом в предстоящей войне. Впрочем, – Гил улыбнулся, – в тебе я, как всегда, не сомневаюсь.

Он имел в виду войну с Первой Зоной. Да, эти отчаянные люди всё никак не могли спокойно принять свою участь и всё ещё дергались.

С Гилом всегда было трудно вести диалог. Каэлу ничего не оставалось, кроме как смириться с тем, что разговор окончен.

Всего за несколько дней пребывания в больнице у Рэйта развился тяжёлый экзистенциальный кризис. Да, ему было очень спокойно: в кои-то веки на него никто не орал. Но, с другой стороны – он не мог рисовать. Отсутствие творческой деятельности всегда вгоняло его в невыразимую тоску: началось это с осознания собственной никчёмности и оканчивалось скорбью за весь страдающий мир.

Именно поэтому при первой же возможности он выпросил у того самого врача принадлежности для рисования. Тот, видимо, устал от жалоб медсестёр на шатающегося по коридору пациента с сотрясением мозга – в прямом смысле шатающегося – поэтому решил-таки проявить милосердие.

И вот наконец перед Рэйтом лежал лист. Посмотрев на него и взяв в руки карандаш, тот впал в ступор. Глава Организации никогда не показывал лицо; и даже глаз его он никогда не видел вблизи. Остаётся только напрягать воображение. С этим у Рэйта проблем не было; однако он опасался, что на образ могут повлиять стереотипные изображения злодеев.

Тогда он решил пустить всё на самотёк. Глубоко вдохнув и выдохнув, он нарисовал овал лица.

«Овал ли?.. Нужно чуточку поострее, но чтоб не слишком квадратное...»

«А нос... Нос должен быть острым, как у птицы, и тонким; возможно, с небольшой горбинкой сверху».

«Довольно большие глаза... Может, чуточку вытянутые. А цвет... голубой? Нет... светло-голубой... Нет. Серый. Серый металлический. Брови... брови довольно низкие; наверное, чуть загнутые с краю, где кончается глаз...»

«Губы тонкие, наверное, тоже чутка растянутые... Подбородок заметный, но не так, чтобы очень сильно... И скулы. Не очень низкие, но и не высокие».

Рэйт взглянул на набросок. Довольно поэтично вышло – будто со страниц книги сошёл. И больно уж смахивает то ли на музыканта, то ли на художника, ну в крайнем случае на маньяка – но никак не на главу такой Организации. А чтобы был похож на диктатора, нужно будет сделать особый взгляд и обязательно добавить складку меж бровей.

Чем дальше Рэйт рисовал, тем больше ему нравилось. Конечно, нужно будет десять раз перепроверить симметричность, перевернув лист и подставив его свету... но в целом выходило довольно неплохо. Рэйт пожалел, что рисунок был чёрно-белым – очень хотелось подчеркнуть бледность кожи иссиня-чёрными волосами.

Над рисунком он работал на протяжении нескольких дней, тщательно перепроверя детали, то убирая, то добавляя что-то. Несмотря на несовершенство, под конец он был в полнейшем восторге. Теперь, когда глава Организации обрёл воплощение, его куда проще стало обожать.

Рэйту сделалось спокойно как никогда. На него никто не орал и никто его не трогал; у него появился ориентир, которому он готов был чуть ли не поклоняться; мир скоро будет уничтожен, и страдания, наконец, закончатся. Лучше и пожелать нельзя; Рэйт отдался во власть эйфории, которая таким божественным теплом разливалась по телу.

Когда настало время выписки, врач зашёл к Рэйту в палату и спросил, хитро сверкнув глазами:

– А рисунок-то покажешь?

Тот вздрогнул и поколебался. Да, никто не знает, как выглядит глава Организации – да и он сам не знает; но привычное, вполне обоснованное желание не делиться своим творчеством брало своё.

– В принципе да, почему бы и нет, – услышал он свой голос откуда-то издалека.

После этого его руки достали рисунок и развернули в сторону врача. Сердце заколотилось, как бешеное; внезапно Рэйт почувствовал себя очень уязвимым, как будто какие-то необыкновенные рентгеновские лучи просматривают всё его содержимое – как физическое, так и духовное. Он стоически выносил это чувство, пока врач рассматривал лист.

– Знаешь, вполне неплохо. Есть, конечно, некоторые несоответствия, но в целом — вполне узнаваемый автопортрет.

Тут Рэйт вздрогнул.

– В смысле... автопортрет?..

– Да ладно, не придуривайся, что не старался, – улыбнулся врач. – Я же вижу – усердная работа.

Не дав Рэйту оправиться от изумления, он продолжил:

– Тебе бы в художественную академию, а не под машины кидаться.

Его собеседник с досадой сжал кулаки. Нет, этого человека было никак не разубедить в том, что это была попытка самоубийства.

– Не хочу я в художественную академию, – тихо и твёрдо сказал Рэйт.

– Почему?

– Там меня будут заставлять рисовать то, что я не хочу.

– А что же ты хочешь?

– Умереть...

Фраза вырвалась неожиданно; после этого Рэйт уставился в стену – в голове стало пусто.

– Ну, ну, – врач наигранно поднял руки, одновременно кладя рисунок на прикроватный столик. – Я от тебя этого не слышал. А то надолго загремишь – и не к нам, а куда похуже. Ещё пытается меня в чём-то разубедить...

Рэйту отчаянно не хотелось возвращаться домой.

– Что за кошмар висит у тебя на стене?

Ну конечно. Что и следовало ожидать. Рэйт вообще никогда до этого не вешал рисунки на стену, но с этим он просто не удержался и решил: будь что будет. К тому же со вре-

менем работа претерпела значительные изменения – карандашный набросок теперь приобрёл краски. Впрочем, выполнен он был преимущественно в чёрно-белых тонах – разве что стал ярче и чётче. Более того, Рэйт позаботился о резной рамочке с множеством мелких деталей, нарисованной по краям листа.

– Это что, демон какой-то? Что это за взгляд? Зачем ты рисуешь такое убожество, ты что, за кем-то повторяешь? О, эти подростки...

Рэйт терпеливо ждал. Она подумала-подумала – «Ладно, он всё же недавно из больницы вернулся, да ещё и башкой стукнулся», – и решила пока игнорировать рисунок.

Ночью Рэйт включил ночник и долго, долго сидел на полу перед изображением.

– Гил, срочная информация.

Лицо Эстер было чуть встревожено, но в целом, как и обычно, непроницаемо. Вообще, в нём всегда поражало то, какой широкий спектр эмоций оно отражает, оставаясь при этом каменным.

– Первая Зона намеревается использовать ядерное оружие.

– Давно пора, – хмыкнул Гил. – Просто удивительно, что они так долго тупили, пока не осталась лишь горстка...

– Вы плохо знаете психологию людей, особенно из Первой Зоны... – быстро проговорила Эстер. – Что намереваетесь делать?

– У нас уже есть готовый план на этот случай. Я так понимаю, данные ты уже...

– Ещё нет; к Вам бежала.

– Такая срочность?

– Да. Организации лучше оставаться в пределах Второй Зоны.

– Понимаю. У нас есть кто-то из Вооружённых Сил, чтобы запустить ответочку в более глобальном случае?

– Но ведь, насколько я знаю, это произойдёт автоматически...

– Ах да, точно, – Гил приложил руку к лицу. – Эта моя паранойя...

– ... и это как раз то, что меня пугает. Воевать за выжженную радиоактивную пустыню, оно как-то, знаете...

– А мне же ещё про психологию говорила. Они ведь тоже не идиоты; всё же выбирая между окончательным уничтожением цивилизации и сохранением цивилизации под присмотром другого вида людей, они предпочтут второе. Да и, знаешь, не станут они играть в ракетный пионербол до тех пор, пока от Первой Зоны не останется ни пылинки...

– Хотелось бы надеяться.

Глядя вслед уходящей Эстер, Гил думал о том, что вот у этого-то человека точно есть будущее. По крайней мере, она

так к нему стремилась; она будто уже жила в нём. Этакое хозяйское отношение к жизни чем-то немного напоминало ему в ней обычных людей, но лишь отчасти. Эстер, хоть и не показывала этого, была фанатично привержена идеалам и не допускала иной реальности, кроме той, в которой эти идеалы воплотились бы в жизнь.

Глава 4. В погоне за вниманием не потерять бы себя

Идея присоединиться к Организации не покидала Рэйта с самого момента своего появления. Просто в больнице она притупилась творческим порывом, ну и снотворным; по прибытии же домой он впервые всерьёз задумался, а подойдёт ли ему такая роль.

Рэйт боялся боли и насилия. Пожалуй, это было его основным и сильнейшим страхом, который нередко будил его среди ночи, заставляя сжиматься в комок и изо всех сил стараться не думать о всём том обилии боли, которая присутствует в мире и которая, теоретически, легко может настигнуть и его самого. Чувство незащищённости – такое болезненное, такое неумолимое.

Также его, конечно же, не могло не смущать то, что он не обладает никакими способностями, благодаря которым люди Организации и могли успешно вести свою деятельность. Вспоминая об этом, он вообще со стыдом поражался, как ему в голову могла прийти мысль о присоединении к ним. Но, с другой стороны...

Он горит той же идеей. Он с ними всей душой. Он возвёл их в ранг богов, он, в отличии от остальных людей, готов *идти* за ними. Да, в новом мире он будет для них бесполезен – он и не хочет жить; но так хотелось приблизиться к чему-то

высшему, так не хватало этого в повседневной жизни. Более того – он чувствовал с ними какую-то непонятную общность, хотя и не имел на то видимых причин.

Сидеть на полу перед портретом стало уже каждодневным ритуалом. Вот и сейчас он подошёл к стене, медленно опустившись на колени и сложив руки.

«Прошу... вы мой единственный ориентир...»

Он изо всех сил старался сконцентрироваться. Просидев так какое-то время, он встал и залез в Интернет.

К концу дня он уже обладал всей доступной информацией об Организации, но главный вопрос так и остался нерешённым. Будучи сугубо элитарным, сообщество не предлагало никому в него вступать. Да и случаев таких зафиксировано не было...

Рэйта будто туманной дымкой накрыло. Он впал в ступор, без малейшей идеи, что делать дальше.

Возвращаясь из школы, Рэйт, как обычно, слушал музыку в наушниках. Вынимал он их лишь непосредственно у двери – чтоб мать не орала, если вдруг придёт домой раньше, что он портит слух и что его легко может сбить машина.

«Как-будто меня и без наушников не может сбить машина...» – усмехался он теперь.

Однако в этот раз он снял их ещё на подходе к дому. Какое-то непонятное ощущение появилось – стало беспокойно, а музыка мгновенно из нектара жизни превратилась в назой-

ливый шум.

Лишь только он вынул наушники, как его уши чуть было не свернулись в трубочку от пронзительного визга, принадлежавшего, кажется, собаке.

«Стоило на момент подключиться к реальности, как эта реальность так вклинивается в мозг, что, пожалуй, никогда больше. Ещё и собаки дерутся, ну что они там не поделили...»

По-настоящему Рэйт начал беспокоиться, когда вслед за очередным визгом последовали вполне человеческие ругательства, а затем сдавленный скулёж. Осознание будто прошло сквозь тело штырём.

Он понимал, что против нескольких человек шансов у него нет. Что он, как обычно, потерпит поражение, насмешки, унижение. Боль. Но и оставить ситуацию просто так он не мог. Нет, невозможно. Бывают моменты, когда делаешь то, что надо, вне зависимости от того, имеешь ли на это возможность, и не задумываясь. Рэйт кинулся вглубь двора – туда, откуда доносились звуки.

– Да какого хрена! Что ты за существо исключительной важности, что я должен обращать на тебя внимание?!

Окружённый компанией из ещё двух людей, какой-то парень исступлённо кричал на белый комок шерсти, свернувшийся на земле.

– Мне что, уже поговорить спокойно нельзя?! Будь благодарен, что я вообще кормлю тебя, убожество шерстяное!

– А л-людей к-кусать... Н-нельзя!.. – эта фраза принадлежала другому парню, уже, судя по всему, изрядно подвыпившему.

Услышав этот голос, собака зарычала.

– Что? Ты ещё рычишь?!

– Я ч-человек в-вообще-то, я в-выше т-тебя, ж-животное...

– Достал.

Парень, являвшийся, очевидно, хозяином пса – и судя по всему, хозяином поневоле – размахнулся и пнул щенка ногой.

Этого уже Рэйт выносить не мог. На фоне нового визга вырвался его пронзительный вопль:

– Хватит!!!

Уже не было у него никаких других мыслей, кроме как любым способом отвлечь внимание на себя, чтобы не видеть, наконец, этого. Сработало на ура.

– Да ты ещё кто, достали, твари тьявкающие!!! – далее пошли ругательства.

С этими словами парень стремительно приблизился к Рэйту, первым порывом которого было убежать. Однако он вовремя одёрнул себя.

И получил удар под дых. А после ему бы заехали по лицу, если б он не смог вовремя отвернуться. Попало по виску; и в глазах потемнеть не успело, как Рэйт отключился.

А далее невероятные вещи начали происходить уже с тем

парнем. Обе его ноги резко подвернулись, и он со вскриком упал на землю. Его товарищи даже не успели ничего понять. Однако это было только начало.

Гил поднялся с земли, отряхиваясь. Затем посмотрел на лежащего.

– Ублюдок.

Не прошло и нескольких секунд, как двор наполнился нечеловеческими криками от недочеловека. Это правая рука – та самая, которой он наносил удары – неестественно вывернулась, мерзко хрустнув, в области плеча. Затем хруст послышался уже в шее, и парень, наконец, затих.

Его уносящим ноги товарищам так и не удалось исполнить задуманное. Один упал со сломанными ногами, за которыми последовало то же, что закончило жизнь первого; второго с такой силой стукнуло о стоящее неподалёку здание, что он затих навсегда, изрыгнув кровь.

Гил подбежал к собаке. Протянул руки, опасаясь двух вещей: возможности задеть больное место и того, что пёс может его укусить. Однако тот, на удивление, просто зарычал, и непонятно даже, от боли или враждебности.

Осматривая животное, Гил невольно залюбовался. Судя по всему, это был щенок белой швейцарской овчарки; его пушистые уши уже с ранних лет стояли торчком, а не висели, как обычно бывает у щенков. Крупные лапы и вытянутая мордочка, как у волчонка.

«Чёрт, это же живое существо... Живое существо с боле-

выми рефлексами; разве этого недостаточно...»

О тех трёх людях Гил, видимо, как-то не подумал. Уложив собаку как можно удобнее на руках, он понёс её к ветеринару.

«Если так ненавидишь, зачем было заводить...»

Осмотр показал, что щенок отделался ушибами, в некоторых местах довольно сильными – но без переломов. С носом тоже ничего серьёзного – кровотечение остановилось ещё на пути в клинику. Пришлось соврать, что собака была бездомная, во избежание неприятностей с документами; ветеринар смотрел-смотрел на Гила, потом, видимо, решил махнуть на это рукой.

Теперь последнему ничего не оставалось, кроме как унести щенка к себе. Сдать его в приют у Гила не хватило бы духа, да и как представить, что пёс может снова попасть в руки того... ах да, он же умер. Но мало ли таких на свете...

Купив по пути необходимые лекарства и корм, Гил принёс собаку домой.

– Что-о-о?! – мать Рэйта, уже давно вернувшаяся с работы, посмотрела на вошедшего, как на идиота. – Не хватало мне ещё тут собак, ты где его откопал?! Ухаживать за ним кто будет?! И без того-то квартира маленькая, а ну быстро унёс это отсюда, чтоб глаза мои не видели...

– Пожалуйста, замолчи и оставь меня в покое, – устало перебил её Гил.

Её глаза в этот момент надо было видеть. Лицо вытянулось так, что она стала похожа на селёдку.

Гил не стал дожидаться, пока на него обрушится праведный гнев. С полки слетела статуэтка и поднялась в воздух; момент – и она разлетелась на осколки. Щенок дёрнулся и зарычал; мать Рэйта мгновенно метнулась в угол, вжавшись туда. Её глаза бешено вращались. Однако это было ещё не всё.

Не так быстро, как разлетелись, но всё же довольно оперативно, осколки снова собрались в единое целое.

– Собаку я беру под свою ответственность. Так получилось, что ей негде жить и я не могу её оставить. Постараюсь сделать так, чтобы она тебе не мешала. А теперь просто не трогай меня.

Слышала ли вообще женщина эти слова или нет – осталось загадкой. Только теперь она и так не собиралась трогать Ги́ла; более того – у неё внезапно появилось сильное желание как можно скорее покинуть квартиру.

Она отлипла от угла, даже не в силах что-либо сказать. Дальше она двинуться не могла. Гил сообразил – усмехнувшись, он прошёл в комнату Рэйта, освободив ей проход.

С ухмылкой кинул он мимолётный взгляд на стену с одиноким портретом. Затем вернулся вниманием к щенку – надо было дать ему лекарство, покормить и, наверное, помыть.

«И надо оно мне... Но ведь больше ничего не оставалось. К тому же это всё-таки овчарка; может, оно и стоит того».

Остаток вечера Гил провозился с собакой; затем лёг спать в такой непривычной для себя обстановке.

– Я не понимаю, чего они хотят. Они просто предлагают бой на нейтральной территории? Так?

Гил в полнейшем замешательстве смотрел на Эстер, которая сидела напротив него за длинным чёрным столом в одном из помещений бункера.

– Да, точно так.

– И собираются использовать ядерное оружие?

– Да.

– И в чём прикол, извините... На смертников мы вроде не похожи...

– Да тут очевидное расхождение мнений, – сказал Каэл. – У них просто разлад.

– Разлад? Впрочем, точно... Я как-то об этом не подумал. Что ж, тем проще, и тем сложнее одновременно.

– Да. Наши планы придётся дополнить ещё несколькими вариантами развития событий.

– Или импровизировать. Всё не предугадаешь.

– Дело Ваше.

– А мы не будем им намекать как-то, что в случае ядерного удара... – начала Эстер.

– Не тупые, сами поймут. А Впрочем... Нет, всё же не сто-

ит. Я просто боюсь, что они это воспримут как угрозу, а я не знаю, как должны вести себя люди на грани отчаяния.

– Будем ходить по лезвию бритвы? – спросил Каэл, прищурясь.

– Да, составим тебе компанию.

«Когда-нибудь Вы заткнётесь, наконец».

– Какие предложения будут? – спросил Гил. – Мне лично это видится так: в бывшую Третью Зону (это и была нейтральная территория) посылаем часть наших людей – думаю, разбираться в Первой никто не будет. А там уже как им повезёт: либо в них полетят ракеты, и вечная память героям, либо – если Первая Зона не рискнёт – наши, как обычно, разобьют вражескую армию, и всё, что нам останется, это разобраться с Четвёртой. Ну это уже пустяки.

– А ещё говорили, что у нас каждый человек на счету... – усмехнулся Каэл. – Где Вы возьмёте столько? А если и возьмёте – кто же, интересно, на это пойдёт?

– А кто же, интересно, скажет им, на что они идут?

– Но даже если так... Их количество, оно слишком мало.

Гил на секунду задумался. Ситуация была тупиковая; и казалось, что, несмотря на всю её сложность, выход лежал на поверхности. Вообще, хотелось закончить уже это всё поскорее. И в этот раз данное желание стало, можно сказать, отправной точкой. У Гила появилась мысль.

– А если брать не количеством, а качеством?

До людей пока не дошло; и только лицо Эстер начало про-

ясняться.

– Я, конечно, не смогу ничего сделать, если туда полетят ракеты. Ну что ж – стать героем посмертно я тоже не против. Но если они всё же будут честны, то я вполне смогу заметить то небольшое количество людей, и даже более того. Хм, кстати... Ведь они тогда и ракеты вряд ли запустят, так ведь?

– Маловероятно... Но они должны почувствовать подвох, – сказала Эстер.

– Ну и что они тогда будут делать? Им ничего не останется: проблему надо как-то решить.

– Гил, они ведь очень хорошо вооружены.

– Я тебя умоляю. Количество людей, которые в состоянии управлять техникой – как и людей в целом – теперь ничтожно мало по сравнению с тем, что было. Ну да, разумеется, мне придётся прихватить кого-то для поддержки – найду какого-нибудь активиста.

Люди молча обдумывали сказанное. Эстер сидела бледная как смерть – даже при том, что холодного оттенка освещение выбеливало лица всех присутствующих.

– И да, ещё кое-что... На случай, если от планеты всё же останется выжженная пустыня... Полагаю, разумно было бы отправить космический корабль с несколькими людьми; я, конечно, не знаю, кто бы мог их принять, после Третьей-то Межпланетной; но попытка не пытка.

– Разумно. Главное, не забыть отозвать их в случае победы... – усмехнулся Каэл.

– Да уж, а то обидненько будет. Ну, – Гил потянулся, – кому жить, кому сдыхать – решили, и, если все согласны, предлагаю перейти к деталям.

После он попросил остаться Каэла и Эстер.

– Надолго не задержу. Кто из вас готов был бы обсудить со мной вопрос личного характера?

Прошло около секунды.

– Я, – ответили оба.

– Так, понятно... Спрошу по-другому: как вы относитесь к собакам?

– У меня две кошки... – ответила Эстер.

– Совершенно нейтрально, – ответил Каэл.

– Дело в том, что у меня есть пёс. И если я вдруг умру по каким-либо иным причинам, кроме ядерных ракет, мне не хотелось бы, чтобы он попал в приют. Ему нужны забота и должное воспитание. Кто-нибудь из вас готов?

– А какая порода?.. – спросила Эстер, колеблясь.

– Белая швейцарская овчарка, возраст – около года, отклонений и врождённых заболеваний нет, на улицу ходить приучен, спокойный, по ночам не лает. Насколько мне удалось определить – порода чистая, без примесей. Единственное – первое время придётся давать лекарства: предыдущий хозяин с ним не очень хорошо обращался. По этой же причине я бы не стал на него сильно кричать.

– Овчарка... – протянула Эстер задумчиво. – Думаю, с

кошками это плохая идея...

– Каэл, а ты как?

Всё это время он сидел, разглядывая стол.

– Вряд ли, – отрезал он. – Я не умею ни о ком заботиться.

– Успокойся, это по тебе и так видно, – улыбнулся Гил. –

Однако всё же подумай: собакам хоть и много времени нужно уделять, но зато оно действительно может стоить того.

– Гил, знаете, – сказала Эстер, – если Вы... умрёте, то я возьму собаку к себе. Можете не переживать на этот счёт – я буду о нём заботиться должным образом.

– Это правда? – Гил посмотрел ей в глаза.

– Да.

– Что ж, в таком случае большое тебе спасибо. Я дам адрес, по которому его можно будет найти.

– А как его зовут, кстати?

– Пока не знаю, – усмехнулся Гил.

Поняв, что разговор окончен, оба засобирались.

Встав с места, Каэл спросил:

– Могу я остаться ещё ненадолго?

– Пожалуй.

Когда Эстер вышла, Каэл продолжил:

– Я только хотел задать вопрос. Вы так быстро и с такой готовностью приняли решение отправиться в одиночку в Третью Зону. Мне всегда казалось, что Вы тоже хотите увидеть будущее, даже, наверное, в первую очередь. Мне сложно понять Ваше поведение.

– А зачем тебе его понимать? – Гил посмотрел на него с улыбкой.

– Интересно.

Тогда собеседник Каэла прошёлся туда-сюда, заложив руки за спину. Затем он повернулся к заместителю и проговорил, смотря куда-то вверх него:

– Внимание. Всё, что мне нужно – это божественное внимание. Я не просто так рассказывал тебе обо всех своих догадках на этот счёт. И мне всё равно, какими способами это внимание будет получено; хорошо, когда методы совпадают с тем, что я считаю своим священным долгом. А уж в случае героической смерти и самопожертвования достижение моей цели мне обеспечено.

Каэл слушал, в задумчивости чуть наклонив голову вбок.

– Внимание, значит... Любопытно, – край его губы дрогнул, создав впечатление мимолётной ухмылки. – Во всяком случае, спасибо за ответ.

Этим утром пробуждение Рэйта было не совсем обычным. Первое, что он почувствовал – вместо обычно накатывающей волны тошноты и омерзения от жизни – это что-то, больновато давящее на него какими-то острыми предметами, которых было аж четыре штуки. Когда нечто лизнуло его чуть ли не в глаза, он вскочил с бешено колотящимся серд-

цем.

Тут же после этого он почувствовал вину – животное не успело спрыгнуть с внезапно поднявшегося тела и почти что шмякнулось на пол. Однако пса это не смутило: он поставил передние лапы на кровать и принялся изо всех сил вилять хвостом, пару раз при этом тьякнув.

– Тише!.. – звук был таким резким, что Рэйт невольно приложил ладони к ушам.

Собака тут же слегка прижала уши и положила морду между лапами, уже не так сильно мотая хвостом. Рэйт погладил её по голове; затем одёрнул руку – «Я же не её хозяин», — и стал аккуратно почёсывать шею, тем временем пытаюсь понять, откуда пёс взялся.

Вообще, первой его мыслью было то, что к ним пришли гости с собакой. Но, с другой стороны – так рано?.. Однако затем он начал припоминать события ушедшего дня – щенок казался очень знакомым – и вздрогнул, когда вспомнил ситуацию целиком. Загадкой оставалось то, как пёс попал к нему и куда делись те люди; а голова до сих пор побаливала в области виска...

«Прямо как по мановению волшебной палочки... – в замешательстве думал Рэйт. – Во всяком случае, теперь ему ничто не угрожает, и это главное».

Тут по спине пробежал холодок.

«Но как отреагирует мать?!»

Не успел он об этом подумать, как дверь его комнаты осто-

рожно открылась.

– Сын, проснулся уже? – спросил робкий, тихий, нежный голос.

А главное, неподдельный.

Если бы Рэйта попросили перечислить удивления наибольшей степени за всю жизнь, то этот случай он бы точно включил в список, причём на лидирующее место.

Она закрыла дверь и подошла к кровати.

– О, и пёсик уже встал; небось, на улицу хочет? – всё это время она как-то ненатурально-натянута улыбалась, смотря Рэйту в глаза – будто пыталась прочесть в них что-то. – У тебя всё нормально?

Вопрос был уж очень натянутым. Ошарашенный Рэйт рассеянно проговорил:

– Да, а что не так?..

Она взяла его за голову, посмотрела-посмотрела и сказала:

– Фух, ну вроде и правда нормальный. Так напугал меня вчера... – тут её губа дрогнула; секунда ушла на раздумья, стоит ли закатывать истерику, и здравый смысл в кои-то веки победил.

– Не забудь его выгулять, – бросила она, выходя из комнаты.

«М-да. Вот это чудеса», – думал Рэйт.

Однако на долгие раздумья времени не было. Он вскочил с кровати и наскоро оделся, намереваясь погулять с псом до

завтрака.

Оценив все возможности, Гил решил объединить две техники в одну для победы над тем, что осталось от Первой Зоны. Он не зря опасался за свою жизнь: то, что он собирался сделать, запросто могло убить его, стоило ему хоть немного зайти за тончайшую грань. Он был уверен на 99% в том, что умрёт – Гил никогда не был хорош в поддержании баланса.

Тем, кто не мог спокойно существовать перед этим событием, была Эстер. Она напряжённо думала; однако, как выяснилось, беспокоилась не о том.

– Гил, я и мои люди могли бы взломать систему запуска ракет. Нужно лишь каким-то образом проникнуть туда незамеченными. Если мы сделаем всё быстро, они не успеют...

– Но если успеют, то твои благие намерения перейдут в разряд тех, которыми выложена дорога в ад, – усмехнулся он. – Просто успокойся. Здесь стратегия мало чем поможет; я чувствую, что стоит положиться на обстоятельства.

– Каэл сказал, что вероятность того, что нас заметят и запустят ракеты, составляет около 85%...

– Пожалуйста, не надо доверяться оставшимся 15. Мне страшно, – рассмеялся Гил.

– Как скажете...

– Всё, что вам надо будет сделать – это согнать побольше

облаков⁵ и наблюдать за ситуацией.

Изучив обстановку, Гил прыснул. Эти наивные люди выставили зенитно-ракетные установки.

«И где они только откопали этот антиквариат. И чем он им поможет...»

В целом техники, как и ожидалось, было не так-то много. Эти последние отчаянные остатки усилий, пожалуй, и были страшны своей отчаянностью.

Несмотря на то, что выдёргивать никого из тех, кто занимал высшие руководящие должности, не хотелось, сделать это всё же пришлось: там сосредоточились сильнейшие люди Организации, а мало кто смог бы держать защитный экран такой мощности и столь долго, да ещё при таких условиях.

И эта мера оказалось более чем необходимой: на Гиля обрушился такой поток снарядов, что, будь он один, то либо погиб бы со временем от невозможности делать две вещи одновременно, либо потратил бы все силы исключительно на защиту. А так он занялся созданием воронки из облаков, которая должна была перерасти в торнадо, центром которого были бы Гил с напарником.

Когда торнадо сформировалось, держать защиту стало легче – относительно лёгкие снаряды попросту до них не до-

⁵ Технологии данного мира позволяют управлять погодой; делается это исключительно при необходимости и с учётом всех условий, во избежание нарушения природных процессов.

летали. Тут второй человек в какой-то степени стал помехой – ведь стоило ему сделать неверное движение, как вихрь затянул бы его. Ещё и эта необходимость постоянно глушить восходящие потоки воздуха, чтобы удержаться на ногах; не говоря уж о жутком гуле. Впрочем, последний был достаточно равномерным и потому не сильно мешал.

По крайней мере, Гилу он только помогал сосредоточиться. Будучи центром и инициатором данного природного явления, он будто бы чувствовал торнадо целиком, в то же время обращая внимание на малейшие звуковые колебания. Он был полностью сконцентрирован, полностью контролировал обстановку, но в то же время... будто не существовал.

Да, столь масштабные действия всегда порождали такие ощущения. Тело будто растворяется; потоки энергии гуляют сквозь него так свободно. Чувство невообразимой эйфории, со временем становящееся лишь сильнее; оно и приближало к той грани, зайти за которую означало умереть.

Умирать Гил пока не собирался. Ведь торнадо было лишь частью представления. Прежде, чем пустить его свободно гулять по всей территории на огромной скорости, нужно было закончить картину – положить, так сказать, вишенку на торт.

Надо сказать, что слова Гила о том, что он прекрасно концентрируется на двух вещах сразу, брошенные как-то Каэлу в Первой Зоне, не были лишены смысла. Поддерживая торнадо, он, предварительно сделав условный знак напарнику,

начал разрабатывать небесный огонь⁶ – наивысший вид использования энергии. Редкие экземпляры могли похвастаться владением этой техникой; данное умение составляло значительную часть авторитета Гила – люди Организации действительно превосходно чувствовали иерархию.

Теперь предстояло самое сложное – объединить техники. Не просто же воронку пускать на этих горе-воjak – куда эффективнее огненная воронка. К тому же данный вариант позволял сделать этакий контрольный выстрел в конце – на случай, если кто-то останется в живых.

И, наконец, третья ступень. Когда всё было готово к наступлению, оставалось выйти из торнадо. Для этого Гилу требовалось установить защитный экран наряду с напарником и поддерживать его то короткое время, которое понадобится им, чтобы отойти на безопасное расстояние.

Внезапное осознание того, что сил ещё очень много, придало уверенности. Гил с подчинённым успешно покинули эпицентр, и вот уже воронка пошла гулять. Не завидна была участь тех, кто попался бы на её пути; а попасться суждено было всем врагам.

Хотя Гил был предельно сосредоточен, его мозг всё же не был полностью свободен от мыслей. Впрочем, так бывало всегда; мысли не отвлекали, они просто шли необходимым беспорядочным фоном.

⁶ Огонь синего цвета, способный мгновенно сжечь объект, на который направлен.

«Ну вот и что вы можете, когда ваше оружие бессильно?.. Ничего. Ваш мёртвый создатель сотворил вас ровней животным, которым просто не дано использовать что-либо, выходящее за рамки подручных средств. Вы разрушаете без конца и края; без эмпатии, без какой-либо цели – если, конечно, выживание в этом бессмысленном мире не считать целью, что само по себе абсурдно. Вы бросаетесь своей и чужой жизнью, как игральными костями; вы даже не пытаетесь окрасить своё существование смыслом. Я не видел, чтобы у кого-то из людей была полноценная картина мира – иначе этот человек совершил бы самоубийство тотчас же. Вы будто живёте в тумане, не осознавая той сети страданий и боли, которая оплетает и пронизывает этот мир – начиная с бессмысленной борьбы за выживание среди животных и заканчивая необоснованными мучениями, причиняемыми друг другу людьми. Кажется, вы и не пробовали взглянуть на мир глазами адекватного, эмпатичного существа; и как иронично, что вы возвышаете того, кто начал все эти страдания, и ненавидите тех, кто вас навсегда от них избавит!»

Торнадо уничтожило большую часть оставшейся армии Первой Зоны. А в качестве финального штриха на них обрушился огненный дождь – не просто в воздух же ушёл небесный огонь.

Когда всё стихло, и специальный дрон показал, что живых – ну или по крайней мере боеспособных – врагов не осталось, Гил уже лежал на потрескавшейся земле без сил, стара-

сь размеренно дышать носом и ртом; в глазах предательски темнело. Напарник держался получше – по крайней мере, он мог стоять на ногах. Впрочем, он всё равно присел на землю, неуверенно положив голову Ги́ла себе на колени – всё же не очень хорошо, когда такой человек валяется в столь неудобном положении. Так они ждали, пока за ними прилетят.

Гил уже не мог думать о ядерных ракетах. Он вообще ни о чём думать не мог; нужно было держаться, а в голове если что-то и мелькало, то только какие-то отдельные, неуместные реплики и картинки.

Организация не заставила себя долго ждать. Ги́ла аккуратно положили на специальные носилки, и вскоре он уже лежал на довольно мягкой кровати. В таком состоянии человеку нужно было попросту дать хорошенько поесть и отоспаться, предварительно поделившись частью своих сил – иначе была опасность умереть во сне.

Поэтому Гил не удивился, когда в помещение, где он лежал, вошёл Каэл. Всё-таки заместитель был вторым по уровню развития способностей человеком в Организации; у него должно было получиться чем-то помочь. Тот подходил как-то неоправданно медленно; или у Ги́ла уже было замедлено восприятие?..

Вроде бы нет. Каэл присел на край кровати, осторожно взяв руку лежащего. Если бы Гил мог нормально видеть в этот момент, ему в глаза бросилась бы необычайная, удивительно холодная и резкая, заставляющая бегать мурашки по

позвоночнику своей надменностью и отчаянностью, усмешка.

– Как Вы себя чувствуете? – спросил Каэл, не переставая улыбаться.

Гил, который даже не способен был удивиться вопросу, собрал все силы.

– Ты же видишь, как... – еле выдавил он. – Помоги мне...

– Конечно, я помогу Вам, – ухмылка растянулась кривой линией от уха до уха; по непонятной причине – вероятно, от нервов – Каэл начал поглаживать руку. – Поскорее отправиться в рай.

Мерзость произнесённых слов подпитывала Каэла живительным ядом.

«Вот и кончилась наклонная».

Глава 5. Принятие себя способствует принятию других

У Рэйта была одна особенность: когда ему сообщали нечто из ряда вон выходящее, то, что могло нанести потрясение – он на несколько мгновений замирал. Причём не в прямом смысле; как бы замирали процессы в голове, реальность на это короткое время отключалась – при этом он вполне мог продолжать функционировать, будто был задан автоматический режим. На долю секунды в голове образовывалась пустота, и что-то пронзительно падало вниз.

В таких случаях частенько подводил эмоциональный интеллект. Впрочем, не то чтобы это было совсем плохо: просто, будучи впитанной мозгом, информация не сразу доходила до чувств – порой могло пройти около недели или даже нескольких. Это давало Рэйту своеобразное преимущество: ничто не нарушало способность мыслить в момент получения новости.

У Гила была та же особенность. Поэтому нет, не превратился его мир в осколки и не вонзились они в его душу с достаточной силой, чтобы вызвать агрессию. Перед ним просто была задача, которую надо было решить: заключалась она в сохранении собственной жизни. Осложнялась ситуация тем, что для того, чтобы над чем-либо думать, нужно было прилагать значительные усилия – а силы отчаянно стремились

покинуть тело окончательно.

Ситуация казалась безнадёжной. Каэлу ничего не стоило убить его, не оставив никаких повреждений, и сказать, что, к сожалению, Гил умер по дороге назад. В актёрском мастерстве заместителя последний не был уверен до конца, но с фактом никто ничего поделать бы не смог, и доказательства найти невозможно.

Однако Гил давно работал с Каэлом. Первый, конечно, не мог не догадываться о непомерных амбициях последнего, прячущихся за расчётливо-равнодушным спокойствием и прагматичностью. Однако не одними амбициями он жил, и потому у Гила было основание предполагать, что не убьют его просто так, молча. А это значит, что лучшим выходом из данной ситуации было бы сделать так, чтобы Каэл не смог всё сказать прямо сейчас.

Впрочем, Гилу можно было и не думать – обстоятельства решили всё за него. Он потерял сознание; ощущения были такие, будто провалился куда-то с большой высоты. Наконец-то желанная пустота и совершенное отсутствие какой-либо связи с внешним миром.

Однако в небытии он пребывал недолго. Приглушённое освещение ударило в глаза яркой вспышкой; по телу будто прошёл электрический разряд.

«Вот же... Мог бы и поаккуратнее, сволочь».

Предательская слабость всё ещё сковывала тело, но говорить и думать, по крайней мере, можно было.

– Нет, просто так ты не уйдёшь, – сказал Каэл.

– Чего ты добиваешься? – резко и холодно спросил Гил. – Тебя убьют за это; подумай головой.

– Нет уж, извольте заткнуться. Здесь я буду говорить, – сказал Каэл и тут же ощутил сильное раздражение на себя за привычку обращаться к Гилу на «Вы», автоматизм которой ничто не могло поколебать.

– Слушаю, – усталым голосом ответил Гил, борясь с желанием отвернуться к стене.

Нет, ну это было попросту издевательством. Еле как подавив порыв сделать этой нагло-самодовольной физиономии больно – всё-таки состояние того не позволяло – Каэл глубоко вдохнул, выдохнул и сказал:

– Итак, начну с того, что я Вас ненавижу.

– Я в курсе; и что? Это повод меня убивать?..

Тут Каэл просто чуть не взорвался. Достав пистолет (с глушителем), он выстрелил в светящуюся панель, находившуюся непосредственно над койкой; Гил едва успел закрыть рукой глаза от осколков.

– Я только начал. Не нужно меня перебивать.

Гил кивнул и прикрыл глаза.

«Он же не собирается спать, правильно?..»

– Я несколько не ниже Вас, – отчеканил Каэл, проглотив своё опасение.

Будто бы прочитав его мысли, Гил слегка кивнул.

– Моя личность и жизнь несколько не менее ценны, чем

Ваши. Если, конечно, не более, – он усмехнулся. – Это лишь глупая случайность, что главой Организации стали именно Вы. Но я это исправлю.

– Каэл, ты способен в одиночку победить армию – пусть и не полную?

Всё, что тому оставалось, это раздражённо цыкнуть сквозь зубы.

– Стало быть, не случайность, – продолжил Гил, не дав оппоненту вставить слово. – Хватит уже вокруг да около.

Нет. С этим человеком невозможно было вести диалог. Даже сейчас, когда он находился в невыгодном для себя положении. Каэлу просто хотелось выброситься в окно.

– У меня такое чувство, что я на допросе, – процедил он. – Я могу оборвать твою жалкую жизнь в любой момент. Считай, что я уже глава Организации, а ты просто полумёртвое ничто. Так что заткнись и слушай!!! – последнюю фразу ему очень хотелось прокричать, но, поскольку кричать было нежелательно, он её практически прошипел.

– Но ты мне до сих пор ничего вразумительного не сказал. Тут Каэл не удержался. Внезапно Гилу стало трудно дышать, и следующий вдох у него сделать уже не получилось. В общем-то, это не могло нанести никаких повреждений при кратковременности, но напугать могло неплохо.

Прошло, наверное, полминуты, прежде чем он смог дышать снова. Восполнив недостаток воздуха, он как-то сосредоточенно замолчал и замер.

– Так вот, – с улыбкой сказал Каэл. – Помнится, Вы как-то говорили мне про божественное внимание. И, знаете, Вы сами – лучший пример того, что происходит с человеком при отсутствии этого внимания. Я сейчас не говорю про нашу деятельность; я говорю конкретно про Вас.

Нервничая, Каэл стал ходить туда-сюда, хрустя пальцами.

– Ваш способ привлечения внимания странен, но он понятен. Конечно, обидно, когда тебя забросили невесть куда и, что бы ты ни делал, упорно игнорируют. Но, знаете...

Он снова присел на кровать, посмотрев Гилу в лицо.

– Рано или поздно наступает момент, когда понимаешь, что достаточно. Желая, чтобы и у Вас он когда-нибудь наступил. А впрочем... Разве что в следующей жизни. Пожелайте мне удачи на новой должности.

– Удачи, Каэл.

В следующий момент заместитель главы Организации уже лежал на полу с больно заломленными за спину руками, и все его попытки освободиться – как и атаковать – были тщетны.

– Надо же, какое у тебя самомнение, – продолжил Гил. – Ты так уверен, что я не убью тебя после этого, а просто понижу в должности. Как наивно.

Он сел на кровати, положив ноги на спину лежащего на полу Каэла.

– Странно. Вроде умный, а такой недальновидный. Ты фильмы что ли не смотрел, где главная ошибка всех злодеев – это нежелание убивать протагониста быстро, без предид-

словий?

– Да как?! – прохрипел Каэл сквозь боль. – Вы же полумёртвый лежали!..

Он искренне не мог понять. При всём своём стратегическом мышлении он даже не подумал бы допустить такую возможность. Гил и сам, по правде, удивился.

– Да так, что, пока ты там болтал, я нашёл способ передать себе твои силы. Да, вот так, без твоего ведома. Ни разу этого не делал и не знал, что так можно. Спасибо, Каэл.

Ядерные ракеты Первая Зона так и не запустила. Точную причину выяснить не удалось; вероятнее всего, они до последнего момента надеялись на удачу, а потом вся их техника была попросту выведена из строя. А может, сработал всё же какой-то глубинный человеческий инстинкт.

Около недели понадобилось Гилу для полного восстановления. Примерно столько же – на то, чтобы выявить сообщников Каэла. Их можно было пересчитать по пальцам; Гил удивился, что они вообще были. Нет, он знал, что многие должны были его яростно недолюбливать. Но идея Каэла была настолько абсурдной; он и сам должен был это понимать и не втягивать других людей. Хотя он, похоже, и правда собирался стать главой Организации... Чужая душа – потёмки.

Впрочем, с сообщниками было даже интереснее.

Световая панель в одном из помещений бункера посто-

янно мигала, от чего, пребывая там на протяжении долгого времени, можно было сойти с ума. Этот идиотский психологический приём – когда человека оставляют в одиночестве в неприятной обстановке, чтобы он мог обдумать содеянное – действительно очень идиотский. Так думал Каэл, проводя после-предательский досуг в этой несчастной комнате.

Когда туда наконец зашёл Гил, Каэл чуть было не закатил глаза. А глядя на улыбку во весь рот, хотелось ударить тому по лицу.

– Да ты не переживай, я всего пару слов сказать хотел, – проговорил вошедший, которого реакция Каэла забавляла. – Главный сюрприз тебя ждёт впереди.

– Вы не могли бы просто меня убить? – многозначительно спросил Каэл.

– А чего ж ты сам этого не сделал? Сколько времени было!

– Вы издеваетесь? У меня нет оружия, а любая попытка сделать это по-другому – хоть я и плохо представляю, как – была бы пресечена.

– Сразу видно – не человек, – рассмеялся Гил. – Эти хороши в нахождении выхода, когда прижмёт. Меня всегда поражала эта приспособляемость к внешним условиям... Впрочем, сейчас не об этом. Я вот что хотел спросить: Каэл, ты в курсе, что намеревался проделать лишнюю работу?

– Да я уже понял, что она была лишней, – Каэл посмотрел на Гила многозначительно-зло.

– Нет же, ты меня не понял. Она изначально была лишней.

Ведь я планировал сделать это за тебя – только чуть попозже.

– Да ладно...

– Да, представляешь. Мог бы вообще-то и догадаться – при том, что о своей основной цели я тоже тебе говорил. Вдобавок к этому – ты думаешь, таким психопатам, как я, есть место в новом мире? – он издал смешок.

– Да нет, не думаю, – Каэл усмехнулся в ответ; хотя, по правде, услышанное его слегка ошарашило.

– Ну вот. Решил, что я настолько глупее, чем ты; как-то это нехорошо... А теперь серьёзно. Какого чёрта ты решил, что можешь нарушить свой долг? Кем ты себя возомнил, чтобы подумать, что имеешь на это право? Мы все – винтики в механизме: наша задача священна, а ты хотел поставить под сомнение успех её выполнения. Ты хотел нарушить ход, и это было чревато последствиями. Теперь же последствия настигнут только тебя, – Гил улыбнулся. – Я хотел, чтобы люди в новом мире вспоминали эту эпоху, как кошмарный сон. Логичный, справедливый мир без неоправданного насилия – а затем и вовсе без него; таким, как я, там точно не будет места... Но мне казалось, что при должном развитии ты мог бы жить там. Однако раз уж ты ступил на этот путь – что ж, ладно. Я принимаю этот факт. Идём.

После этих слов он молча пошёл к двери; так же молча Каэл проследовал за ним.

На выходе Гил сделал знак рукой временным охранникам уйти. Слегка удивлённые, те разошлись, одаривая Каэла пре-

зрительно-непонимающими взглядами.

Надо сказать, что задумка Гила стала понятна Каэлу сразу же, как только он вошёл в одно из помещений бункера, куда они, собственно, и направлялись. Первый пропустил заместителя вперед, заботливо прикрыв дверь.

Поверхность лица Каэла приняла вид отшлифованного белого мрамора. Гил небрежно сделал знак лишним людям покинуть комнату, оставив только ровный ряд из нескольких человек, стоящих у стены.

– Послушайте, это уже слишком. Это я их в это втянул; их нельзя считать предателями.

– Каэл, ты меня удивляешь, – Гил сделал наигранно-разочарованное лицо и развёл руками. – Вообще, – он прошёлся туда-сюда, – я долго думал, как именно их убить. А потом понял, что решение лежит на поверхности.

Сказав это, он достал из-под куртки пистолет.

– Это отвратительно, – выдохнул Каэл.

– Как и твой поступок, – холодно отрезал Гил.

Коротко прицелившись, он выпустил несколько пуль в крайнего человека слева. Дёрнувшись, тот повалился на пол без дыхания.

– Каэл, будь добр, не отводи взгляд. А то мне придётся сделать так, чтобы хотя бы их крики привлекли твоё внимание.

Тот поднял глаза, сконцентрировав взгляд на тёмных подтекающих пятнах на стене.

– Вы лицемер. Говорили, что дорожите жизнью каждого.

– Я сказал – жизнью нужных людей. А если ты вспомнишь мои слова по поводу чувства иерархии, то всё встанет на свои места, и у тебя отпадёт желание задавать ненужные вопросы.

Следующий на очереди человек, видимо, не был готов умереть. Прежде, чем в него полетели пули, он установил защиту. Безнадёжный, отчаянный жест.

Во взгляде Гиля сверкнуло раздражение. Не прошло и секунды, как что-то хрустнуло, а тот человек запрокинул голову, стукнувшись ей о стену, не в силах даже нормально закричать. Тут же его страдания закончила пуля.

Гил перестрелял почти всех, оглядываясь после каждого на Каэла; тот покорно смотрел, и, казалось, с каждым убийством его взгляд становился всё стекляннее и стекляннее.

Когда остался последний человек, у Гиля от напряжения слегка подустала рука. Пока он разминал кисть, осуждённый осторожно сказал:

– Прошу прощения, а можно вопрос?

– Конечно, – Гил приподнял бровь, даже не посмотрев в его сторону.

– А Вы не могли бы меня не убивать?

Гил прыснул и спросил:

– А на каком основании?

– Я искренне раскаиваюсь в содеянном и, насколько я небезосновательно могу предположить, буду полезен в будущем.

Тут даже Каэл чуть было рот не раскрыл от удивления. Гил покрутил пистолет в руке, подумал и подошёл вплотную к человеку. Смотрел ему в глаза на протяжении нескольких секунд, потом неспешно отошёл и сказал:

– Ну ладно, иди. Сейчас только, охране скажу, а то всё-таки сдохнешь.

– Благодарю Вас, – человек склонил голову.

Проходя мимо ошарашенного Каэла, он чуть задержался и сказал:

– У Вас шнурки на левом ботинке развязались. Завяжите, а то упадёте и разобьёте нос.

– С-спасибо...

Каэл посмотрел на ноги – и правда; машинально он присел и стал завязывать шнурки под сдавленный смех Ги́ла.

– Чёрт, надеюсь, у него там крыша не поехала, – сказал последний, когда тот человек вышел. – И надеюсь, это не какая-нибудь ваша кодовая фраза; впрочем, не похоже, да и убить меня практически невозможно – ты это уже понял.

– Что за цирк... – рассеянно проговорил Каэл.

– Это не цирк, это трагикомедия, – ответил ему Гил. – Но сейчас будет трагедия, ну или драма⁷. Отсмеюсь только... А то этот мне всё испортил...

Успокоившись и сделав несколько глубоких вдохов и вы-

⁷ Трагедия, как правило, имеет несчастливый финал; обстоятельства, в которые попадают герои – исключительные, многое происходит по воле рока. В конце же драматических произведений конфликт чаще всего разрешается; ситуация более приближена к реальности, многое зависит непосредственно от воли персонажа.

дохов, Гил встал напротив заместителя и обратился к нему:

– Итак, остался только ты. Как мне поступить с тобой? Ты знаешь, что я делаю либо то, что хочу, либо то, что считаю своим долгом. И какую из двух опций мне выбрать?

– Я бы предпочёл, чтобы Вы, следуя долгу, убили меня по-человечески.

– Обычная человеческая смерть для того, кто возомнил себя сверхчеловеком? У-у-у, как скучно.

– Зачем тогда спрашивать?..

– Проверить твою самокритичность.

– Хорошо, надеюсь, Вы удовлетворены результатом. Однако я вижу, Вам доставляет удовольствие надо мной издеваться.

– Нет, я просто подготавливаю тебя психологически, поскольку собираюсь морально добить. Впрочем, как я уже и говорил: трагедия это или драма – решать тебе.

«Что там ещё», – подумал Каэл, ощутив, как его окатило холодом.

– Насколько я понял из твоих слов тогда, – начал Гил, с интересом наблюдая за смущением на лице собеседника, – ты страдаешь от того, что якобы недооценён. Ты не можешь смириться с тем, что при твоих выдающихся способностях ты не первый. А тут ещё – вот незадача! – оказывается, что к человеку, на которого ты так долго работаешь, ты испытываешь какую-то собачью привязанность и ничего не можешь с этим поделать. Но ладно бы это – этому человеку как будто

на тебя совершенно наплевать. И вот тебе начинает казаться, что тебя специально не замечают с высоты своих возможностей; что бы ты ни делал, тебя обесценивают, да ещё и не упускают повода поиздеваться. А ситуация всё ухудшается, и вот уже этот человек становится для тебя центром Вселенной – образно выражаясь – настолько сильно ты его ненавидишь. Нет, ты не можешь жить с этой тварью на одной планете. Именно ты восстановишь справедливость, избавив мир и себя от этого недоразумения – подождав, правда, пока оно выиграет войну против другого недоразумения этой планеты; ну да это так, мелочи...

– Достаточно.

– Я не прав?

– Вы правы, но хватит. Можно я пойду и выстрелю себе в голову?

– Ты опять пытаешься привлечь внимание или уже серьёзно?

– Я на полном серьёзе хочу пойти и застрелиться.

– Хорошо, но сначала дослушай – я ведь только начал; это было предисловие, так сказать.

Каэл не нашёл в себе силы ответить.

– Что, если сейчас ты поймёшь, насколько твои стремления были никчёмны и в то же время закономерны?

– Вы медлите.

– Да, ты прав. Мне ещё никому не приходилось это говорить. Я наполовину обычный человек, Каэл.

В практически пустом помещении повисла такая мёртвая тишина, что по ушам бил гул одной из светящихся панелей, которой требовался ремонт.

– Простите, что?.. – слабеющий голос разорвал тишину, отдавшись от стен лёгким эхом.

– У меня раздвоение личности, и моя вторая личность – обычный человек, к тому же неудачник: не помню уже, сколько у него было попыток самоубийства, в которые приходилось вмешиваться, чтоб он и правда ненароком не сдох. Собственно, это и есть основная причина, по которой мне не будет места в новом мире.

Каэл приложил руки к лицу и медленно осел на пол.

– Нет, неправда, – полушёпотом проговорил он.

– Нет, правда, – ответил Гил.

– Нет!!! – прокричал Каэл, не вынося в этот момент иного голоса, кроме своего.

Затем он резко вскочил и принялся с силой трясти Гила за плечи; сопровождалось это полу-истеричными стенаниями.

– Да как такое вообще возможно?! Вы же глава Организации, Вы самый сильный из наших людей, не может этого быть!!!

Потом он просто наклонил голову и завыл; а в следующую секунду отцепился наконец, кинувшись к двери.

– Ты стреляться? – спросил Гил.

Каэл уже держался за ручку. Тут он снова наклонил голову, не в силах выносить услышанное.

– Вы хоть понимаете, что Вы мир мой разрушили... Мои идеалы, мою жизнь, всё, всё... – он рыдал уже в открытую.

– Понимаю. Я же предупреждал, что собираюсь тебя морально добить.

– И у тебя это получилось! Я не буду больше работать на человеческую сволочь!!!

Он выбежал. Гилу очень, очень было его жаль; наверное, это была сильнейшая эмпатия, когда-либо испытываемая.

«Всё-таки трагедия... Ну ничего, скоро это закончится».

Он присел на корточки, смотря в стену.

Минут через 15-20 за дверью послышались тихие, убитые шаги. Вскоре в помещение обратно вошёл Каэл с видом побитой собаки.

– Ты за пистолетом? – поинтересовался Гил. – Вот, держи.

Каэл немного смутился: он даже и не заметил, что оружия-то при нём не было.

– Нет, – ответил он. – Я просто подумал...

Он сделал паузу. Ему трудно было говорить.

– ... что всё это время я работал именно на ту личность, которая обычным человеком не является. Я не знаю того, другого. Я знаю только Вас. А Вы – целиком и полностью один из нас, ещё и сильнейший представитель на данный момент. Вы... Вы два разных человека... Так ведь?

На Гила смотрели ищущие, какие-то по-детски наивные глаза.

– Наверное, – Гил пожал плечами.

Поймав тут же нечеловеческое отчаяние в глазах Каэла, Гил поспешно сказал:

– Да, определённо разные.

Тот мгновенно успокоился; взгляд снова стал твёрдо-равнодушным.

– В таком случае...

Он медлил. Смотрел в стены, в пол, покусывал губы и хрустел пальцами.

– Я не знаю, что Вы собираетесь сделать со мной дальше. Я готов ко всему. Но прежде я хотел бы принести свои искренние извинения за этот поступок. Гил, простите, – конец фразы был произнесён тише.

Затем, не повышая голоса, он добавил:

– Когда я выходил, я понял, что... Нет, ничего. Это всё, – он с большим трудом посмотрел в глаза собеседнику.

Гил не ответил. Он подошёл и крепко обнял человека, который уже считал себя мёртвым, но по-прежнему являлся его заместителем.

Отчаяние Рэйта было не передать. От досады в бессилии сжимались кулаки и хотелось плакать – чувство, будто он теряет бесценное время, не покидало его ни на секунду; оно изводило, и Рэйт даже сам не понимал, почему. Кого он из себя возомнил, что хочет присоединиться к этим полубогам. Но

как можно было не думать об этом, когда их деятельность, казалось, единственная в этом мире имела смысл, поскольку прекращала бессмысленность. Как можно было не думать об этом, когда при одной лишь мысли о взлёте на эту пронзительную высоту захватывало дух. Как можно было не думать об этом, если их идея стала тем единственным, что захватило сознание Рэйта, сделавшись его ориентиром, и что могло стать смыслом жизни. Но могло ли?..

И, наконец, как можно было не думать о вступлении в Организацию, когда где-то глубоко внутри, ещё с самого детства, Рэйт ощущал за собой какое-то странное полномочие на правосудие.

Он уже ни о чём не думал, вбивая запросы со словосочетанием «вступить в организацию»; да и глупо было задумываться о таких мелочах на пороге смерти. Однако это так же ничего не дало.

Впрочем, Рэйт зря расстраивался раньше времени – определённый эффект его попытки всё же оказали. Когда он в очередной раз вышел из дома, намереваясь поползти в школу, у выхода его уже ждала машина; а то, что ждали именно его, стало понятно по внезапной потере сознания вследствие использования электрошокера.

Да, это было странно, что при том, что правительство уже давно сдалось Организации, кто-то всё же дёргался. Это чем-то напоминало последние усилия Первой Зоны – отчаянно-безнадёжные в своей опрометчивости и бессмыслен-

ности. Возможны и те, и другие были исключительно вследствие того, что людей Организации было не такое большое количество: основной контроль они держали, но следить за всеми деталями едва ли возможно, да и не всегда нужно.

Очнулся Рэйт, лёжа на твёрдом полу. Ах нет, это был не пол – он сидел вплотную к стене. Когда ориентация в пространстве стала потихоньку возвращаться, он почувствовал, что его руки скреплены наручниками за спиной.

Сначала он не понял. А когда понял, то аж в глазах потемнело от осознания. Нет, не будут с ним церемониться. Да и вряд ли у этого всего есть какая-то практическая цель. Ужасающее чувство полнейшей незащищённости перед бессмысленной человеческой жестокостью, которое так часто будило Рэйта по ночам и не покидало, притуплённое, днём, теперь возникло во всей красе своей реальности. Именно то, чего он всю жизнь боялся, то, из-за чего хотелось исчезнуть и никогда не появляться, неминуемо настигнет его теперь – он умрёт мучительной смертью, беззащитный перед какими-то людьми, которым эмпатия даже и не снилась. Стало холодно, очень холодно.

И не верилось до конца. Не могло это с ним случиться. Он слишком слабый, этого слишком много; если бы только кто-то мог помочь – этакий *deus ex machina*⁸; и всё равно уже

⁸ «бог из машины» (лат.) – приём в античной трагедии, когда на сцене внезапно появлялся бог и спасал героев из безвыходного положения; осуществлялось это при помощи специальных механизмов.

было, каким образом – хоть лезвие где-то найти или верёвку. Но куда там. Он бы даже не смог освободиться от наручников, прикреплённых к тому же к стене.

Спустя несколько секунд он пожалел о том, что открыл глаза и зашевелился. Очевидно, это увидели, потому что в коридоре послышались быстрые уверенные шаги, которые хоть и не были очень громкими, но всё же будто вдавливали что-то в пол каждый раз – чувствовалась какая-то агрессия. Сердце Рэйта готово было пробить грудную клетку, а ещё он был почти уверен, что, когда сюда зайдут, он попросту задохнётся – настолько тяжело стало дышать.

Вот шаги стали слышны совсем близко. У входа чуть помедлили, и наконец дверь распахнулась – с каким-то неестественным шумом и как-то резко. В камеру вошёл человек и, поймав взглядом Рэйта, чуть заметно кивнул.

Нет, Рэйт не задохнулся; он теперь даже не знал, что и думать. Он очень хорошо запомнил ту внезапную встречу ночью в лесу. И, по правде, со временем начал воспринимать это как какую-то галлюцинацию. Вот и сейчас к Рэйту приближался тот же человек, а он пытался понять, кажется ему это или нет.

Каэл остановился примерно в метре от Рэйта и проговорил:

– Мне кажется, Вы надо мной просто издеваетесь.

Сказано это было без каких-либо эмоций, но не враждебно. В целом голос был довольно приятный и даже какой-то

успокаивающий.

Момент – и наручники со звоном шмякнулись об пол. Рэйт осторожно встал, не переставая пялиться Каэлу прямо в глаза, что было ему никак, ну совершенно не свойственно.

– Вы кто? – спросил он, хотя прекрасно видел, что перед ним – заместитель главы Организации собственной персоной.

Только сейчас мозг Рэйта провёл соответствие между тем человеком в лесу и тем, кого он видел сейчас. От волнения думалось с трудом.

Каэл чуть было не закатил глаза. Он взял Рэйта за локоть и сказал:

– Идём. Я здесь, чтобы тебе помочь.

Услышав эту фразу, Рэйт молча кивнул и с готовностью последовал за своим загадочным спасителем. Ему оставалось только удивляться при виде лежащих на полу людей в форме, по-видимому, мёртвых.

Когда они сели в машину, Каэл коротко сказал:

– Мне жаль, но домой ты вернуться не сможешь. Иначе тебя снова заберут.

– Да мне и не слишком-то хочется...

Ответ хоть и несколько озадачил Каэла, но в целом успокоил.

«Этот хотя бы сговорчивый».

– Поедешь пока ко мне, дальше посмотрим. Я не причиню тебе вреда – мне это невыгодно, чтоб ты понимал. Ты знаешь,

кто я?

«И зачем я только спрашиваю...»

– Разумеется; но то, зачем я Вам нужен, даже не представляю. Простите, можно быстро вопрос, пока мы далеко не уехали? Я больше никогда не вернусь домой?

– Да нет, когда-нибудь, конечно, сможешь вернуться за вещами.

– А можно ещё вопрос?

– Ну.

– У меня собака дома, она от голода умрёт, если я её не заберу, поймите, пожалуйста...

Рэйту просто ничего не оставалось. Он не мог бросить пса там, он совсем недавно стал его хозяином, совесть не дала бы ему спокойно жить до конца дней.

«Мне ничего не остаётся: Гил сдерёт с меня кожу и делает из неё коврик, в который завернёт собаку, если она умрёт».

– Хорошо, едем к тебе, – отрезал Каэл. – Введи адрес.

Когда машина приняла нужное направление, Рэйт спросил (без надежды, однако, что это прояснит ситуацию):

– А Вы не скажете мне, что происходит?

Болтать у Каэла совсем не было настроения.

– Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Я всё это делаю по приказу главы Организации, вот у него и спросишь.

«Господи, сделай так, чтобы он перестал задавать вопросы».

– Главы Организации?! Я что, увижу главу Организации???

«Это ещё что за реакция...»

– Нет, сегодня не увидишь. А зачем он тебе?

– А зачем я Вам?

– Пожалуйста, отстань от меня, – Каэл схватился бы за голову, если б мог. – Скоро сам всё узнаешь, честное слово.

Рэйта будто что-то ужалило. Всё это могло происходить не иначе, как во сне; но это происходило в реальности. Поразмыслив и решив, что, возможно, не стоит злить заместителя, Рэйт замолчал. Удивительно, но более спокойно и защищённо он себя в жизни не чувствовал.

Спустя время Рэйт уже попивал чаёк на кухне Каэла, смотря на то, как пёс поедает корм прямо из пакета. Удивительно чистая, с тёмными стенами и полом, квартира поражала обилием белоснежных статуй, резко контрастирующих с общим фоном – высотой примерно в полчеловека, выполненных в стиле, чем-то похожим на классицизм; наверное, такое впечатление создавала одежда в виде больших кусков ткани, перекинутых и перевязанных на все лады. Правда вот черты лица были довольно острыми, а тела – худощавыми; наконец, все люди были бесполоыми.

Рэйт сразу с волнением отметил, что они очень похожи на придуманных им людей, но сказать не решился. Он ходил по коридору и комнатам, как по галерее, тем самым смущая

Каэла, который уже на стену готов был лезть от того, что в его квартире находился посторонний человек.

Пёс вёл себя на удивление спокойно – наверное, незнакомая обстановка приводила его в замешательство. Он обнюхивал скульптуры, а одной внезапно положил передние лапы на плечи и лизнул лицо.

– Каэл, фу!!! – прошипел Рэйт, с опаской оглядываясь назад.

Нет, не повезло. Заместитель главы организации как раз зачем-то вышел из комнаты и теперь озадаченно-недовольно на него смотрел, слегка прищурив глаза.

– Простите, пожалуйста, – быстро проговорил Рэйт. – Он ничего не испортил; если надо, я протру.

– Как зовут эту собаку? – он прищурился ещё сильнее, а из глаз едва ли не бил лазерный луч.

– А, его зовут Каэл. По-моему, ему очень подходит, – Рэйт улыбнулся и взъерошил псу шерсть.

Каэл не ответил. Он резко развернулся и исчез в комнате, из которой вышел, забыв, очевидно, зачем выходил.

– Каэл, скажи, а что это за статуи у тебя дома? – Гил хитро смотрел ему в глаза.

– А, это. Да так, давно скульптурой интересуюсь – они были сделаны на заказ, одну из них пытался сам, использовал

предыдущие как образец.

– Но они все почти одинаковые и выполнены в одном стиле. Почему?

Каэл не очень понимал, зачем Гилу эта информация.

– Мне просто нравится этот стиль – я, можно сказать, сам его выдумал.

– Ты уверен?

– Вам, я вижу, есть что сказать.

– Да, и это принципиально важно. Обрати, пожалуйста, внимание.

Гил достал электронный носитель, и на тёмную, отшлифованную поверхность пола упали блики от появившейся голограммы. Она изображала некую планету, напоминающую их собственную по цветовой гамме.

– Это работа моей второй личности, – предупредил Гил. – Не обращай внимания на несовершенства.

Планета на подавляюще большую часть состояла из воды; голограмма медленно вертелась вокруг собственной оси, и видно было, что от одного большого материка как бы по кругу отходит несколько маленьких, соединённых с основным относительно тонкими полосками земли разной длины.

Гил поменял картинку. Взору Каэла открылся типичный пейзаж: небо, какое-то более насыщенно-синее; зеркальная гладь горного кратерного озера, которое окружали скалы вершины той горы, на которой оно располагалось; прочие горы на заднем плане, похожие на потухшие вулканы. Гил по-

казал ещё несколько пейзажей с горными озерами и лугами – у одного из водоёмов сидело животное полностью белого цвета, похожее то ли на рысь, то ли на пуму, и с большими крыльями.

Затем начались городские пейзажи. Их была буквально пара – сложная архитектура не позволяла сделать много. Высокие здания острых форм – в основном с треугольными или ромбическими элементами; многие из них соединены левитирующими «дорожками», а какие-то из таких путей попросту «обвиваются» вокруг здания. И белизна, которая бьёт в глаза.

– Ну а теперь самое интересное, – улыбнулся Гил.

Очевидно, это был фрагмент какой-то площади. Фонтан, в середине которого возвышалась белоснежная скульптура, которую будто бы взяли из дома Каэла; вокруг неё «обвивалась» водяная спираль. Он показал ещё одну голограмму, изображавшую очередную скульптуру того же стиля; она, правда, была не законченна.

– Хочешь сказать, вы мыслите одинаково? – спросил Гил.

– Это интересное совпадение... – медленно проговорил Каэл, не сообразив ещё, как это сопоставить.

– И, собственно...

Гил показал последнюю голограмму, изображавшую жителя данного мира. Как выяснилось, скульптуры почти не искажали черт – разве что грани на них были куда острее: высокий человек без каких-либо признаков пола, с длинными

и тонкими – относительно стандартных – конечностями, с тонкими и острыми чертами лица, сравнительно большими глазами, и, наконец – с полностью белой кожей и того же цвета длинными прямыми волосами.

– Интересная фантазия, – растерянно сказал Каэл.

– Если честно, я примерно это имел в виду, когда говорил о рае, – сказал Гил. – Пожалуй, главная черта – это отсутствие насилия по причине отсутствия у живых существ тяги к насилию, что во многом зависит от окружающей среды и биологических особенностей. Как следствие, основная цель жизни – это не выживание, как здесь, а развитие: под развитием я понимаю приближение к высшему, а основным способом является созидательная деятельность. Хотя, мне кажется, в таком месте грех заниматься только созидательной деятельностью, – усмехнулся Гил. – Я имею в виду, там даже жизнь в качестве обыкновенного наблюдателя будет наполнена смыслом.

Каэл не стал говорить о том, что ему странно слышать от Гила такие восхищённые слова по поводу отсутствия насилия. Однако тот вроде сам как-то назвал себя «психопатом»...

– Но в нашем мире, думаю, без агрессии не обойтись, – сказал Каэл с грустной усмешкой. – Взять хотя бы ту же враждебную окружающую среду и те же биологические особенности. Да и способность управлять энергией...

– А вот последнее вполне можно использовать в мирных

целях.

– Предметы с высоких полок доставать? – он прыснул, будучи старше и потому выше, чем Гил.

– Медицина, строительство, духовная сфера, соревнования, управление природными явлениями, восстановление разрушений. Или ты думал, что только определённые люди могут при помощи способностей создавать? Каэл, даже я могу.

– То есть, Вы хотите сказать, что вот так же, допустим, как Вы остатки армии Первой Зоны с лица планеты стёрли, можете и здание возвести?

– Разумеется, так с ходу не могу. Но и направлять энергию на разрушение я долго тренировался, собственно, только это я и развивал, как и вы все. Этого требовала необходимость. Но в новом мире такой необходимости не будет. Только бесконечное развитие, всё выше...

– А как же иерархия? – перебил Каэл.

Гил поморщился, а потом отчеканил:

– Знаешь, Каэл, мне кажется, что адекватные люди её прекрасно чувствуют, и им нет смысла её нарушать. Учитывая ещё и то, что ни у кого не будет никаких психологических травм, нанесённых обычными людьми. Да, будут конфликты, будут разногласия, но не будет этой *бессмысленной жестокости*, вроде той, которая особенно преобладала в Третьей Зоне. Слава Богу, мы не животные.

– Это верно, – улыбнулся Каэл. – Вообще, Ваши слова зву-

чат очень разумно.

– Так вот, – продолжил Гил. – Всё выше, выше, вплоть до той точки развития, когда человека можно будет создать искусственно, и тогда...

– И тогда Вы хотите, чтобы создали тех беловолосых красавчиков?

– Хватит меня перебивать, я ещё не умер и всё ещё твоё начальство. Нет, тем беловолосым красавчикам место в другом мире; но это не значит, что здесь нельзя создать кого-то наподобие сверхлюдей. А потом обычные – ну то есть такие как мы – и вовсе не будут нужны, останутся только сверх. По-моему, это вполне можно считать высшей целью...

– «...да будет сверхчеловек смыслом земли!»⁹

– Да я сам это придумал!!! Ты прекрасно видишь явные расхождения.

– Да, вижу. Просто сразу вспомнилось.

Когда они уже были дома, Каэл спросил:

– Вы так хорошо описали новый мир. Самим не хочется пожить в нём хоть чуть-чуть?

Гил посмотрел на него уничтожающе.

– Ты уже забыл о Рэйте? Ну ничего, скоро опять вспомнишь. А, да, это второй себя так называет.

«Самомнение не в пример Вашему».

⁹ Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»; фраза не является аллюзией и отчасти вырвана из контекста.

– Но мне показалось, что Рэйт довольно приятный человек, – сказал Каэл.

– Ты поэтому даже особо с ним не разговаривал и старался избегать? – спросил Гил, хитро усмехнувшись.

Потом, глядя на расширившиеся глаза собеседника, он добавил:

– Да, я знаю, что происходит с ним, но он, естественно, не знает, что происходит со мной. Я доминирующая личность; а он вообще ошибка природы какая-то...

– Ну, как знаете, – Каэл вздохнул, не зная, что ещё добавить.

Сказать тут и правда было нечего: в словах Гила был резон, и очень досадный.

– Погодите, так Вы, выходит, в курсе, как он назвал собаку...

– Вероятно, это потому, что мне всегда нравилось твоё имя, – рассмеялся Гил. – А у нас с ним интересы похожие. Честно, Каэл: красивое звучание – не более того.

Глава 6. Лишь тот, кто в силах с прошлым распротиться, в себе спасёт начальную свободу¹⁰

*So war es nur ein Tag,
Den keiner kommen sah,
Der dir das Leben nahm
In einem Augenblick.
Doch auch wenn dein Licht erlischt,
Das Feuer im Innern nicht mehr brennt.
Du lebst weiter in meinem Herz,
Du lebst in Erinnerung.
Du lebst so lang ich atmen kann
In Erinnerung. ¹¹
Varg „Ascheregen“*

Четвёртая Зона приятно удивила Организацию: те, наблюдая за всем, что творилось в мире, вполне резонно осознали, что сопротивление бесполезно. По факту они надеялись, что чем спокойнее будут себя вести, тем большее количество людей получит право остаться в живых. Впрочем,

¹⁰ Цитата из стихотворения Германа Гессе «Ступени»

¹¹ (нем.) Что ж, это был всего лишь день; Кто мог предвидеть, что в мгновение Он вырвет жизнь твою – огонь, Что был внутри, неся в забвение. Твой свет погас, но ты живёшь, Пока тебя я вспоминаю. Пока я жив, ты не умрёшь. Но жив ли я? Я сам не знаю. (авторский вольный перевод)

вряд ли это количество могло зависеть от каких-либо факторов, кроме объективных.

«Чувство иерархии или же последняя надежда, продиктованная страхом?..» – думал Гил.

Эстер так и не смогла понять, почему Каэл до сих пор жил. По крайней мере, так она объясняла состояние почти что шока, в котором существовала в последнее время. Оно никак не влияло на работоспособность – просто от её выражения лица и манеры говорить теперь мурашки бегали по коже. А стоило ей наткнуться на Каэла где-нибудь (что в силу их высоких должностей случалось часто), она окатывала его таким презрением, что пару раз они чуть не поцапались.

У Каэла же – причём с того самого момента, как он узнал о раздвоении личности главы Организации – появился возрастающий интерес к этому явлению. На удивление, обычная несговорчивость Гила тут отошла на второй план – он, хоть и равнодушно, но довольно подробно отвечал на все вопросы Каэла, которые тот сначала пытался делать завуалированными, стараясь подъезжать издалека, чтобы не получить очередную словесную оплеуху.

Всё, что ему стало известно по этой теме, сводилось к следующему: одно и то же (по предварительным предположениям) сознание контролировало два абсолютно идентичных тела – второе было получено на основе первого при помощи клонирования ещё на этапах зарождения Организации. Естественно, что одновременно тела функционировать

не могли, поэтому цикл «сон-бодрствование» почти строго составлял 12 часов на каждый элемент. Тут Гил даже не упустил возможности пожаловаться на вечные обвинения в сторону Рэйта по поводу того, что тот долго спит.

«Спал бы он меньше, больше людей сейчас осталось бы в живых», – усмехался он.

Также Каэл выяснил, что Гил, являясь основной личностью, мог управлять жизнью Рэйта. Впрочем, это стало понятно ещё на том этапе, когда Гил вскользь упомянул, что неоднократно спасал Рэйта от самоубийства.

«Технически, Рэйт “просыпается” и “засыпает” тогда, когда хочу я. Однако порой приходится создавать дополнительные условия, чтобы не злоупотреблять этой властью. Я рисковал, когда отправил его под машину – он тогда отрубился надолго – но переговоры с Первой Зоной стоили того. Хорошо, что сейчас он паразитирует в твоей квартире, и в ближайшее время мне не придётся идти на ухищрения. Кстати, ты ведь не против?»

Нет, Каэл не был против. Обычно Рэйт забивался в один угол, в котором проводил большую часть дня. Трижды в день он выходил – порой очень надолго – гулять с собакой. Да, единственное, к чему Каэл не мог привыкнуть, это постоянный стук когтей о ламинат.

Из слов Гила Каэл мог заключить, что стоит одному телу перестать существовать, умрёт и второе. Когда он осторожно спросил об этом, Гил ответил:

«Пф-ф, да понятия не имею. Но проверять не хочется».

То, что Гилу теперь не надо было организовывать своё время и время Рэйта так, чтобы не возникало ничего подозрительного, пришлось как раз кстати. Четвёртая Зона выдвинула просьбу – настолько необычного характера, что чем-то она походила на осторожный вопрос одного из сообщников Каэла о том, чтобы ему сохранили жизнь. Они просили, чтобы взамен на отсутствие сопротивления в живых оставили не только нужных Организации людей, но и их семьи.

– Ну-у, типичные люди, – протянул Гил. – Сделают что-то разумное и тут же ждут поощрения.

Тёмная отшлифованная столешница стала уже наиболее привычной поверхностью для руки – конкуренцию ей составлял разве что пистолет. Впервые Гил поймал себя на том, что на стол хотелось упасть и головой.

– По идее, ничего криминального в их просьбе нет. От нас не убудет, – сказал Каэл.

– Ага, а если они размножатся... Худшее, что можно себе представить, это необходимость потом преследовать их и убивать; увольте... – Гил зевнул.

– Ну так что нам мешает проделать с ними то же, что и с необходимыми нам людьми?

– И так-то сложновато проследить, чтоб все эту таблетку проглотили, а тут ещё лишние. Впрочем... Не знаю. Давайте проголосуем.

На Гила мгновенно обратились глаза всех присутствующих, и казалось, что можно слышать изумлённое хлопанье век – такая образовалась тишина от произведённого шока.

– Кто за то, чтобы тех людей убить в надлежащем порядке?

Осторожно поднялись руки, и, кажется, их была большая часть.

– Ну а кто за аттракцион неслыханной щедрости?

Ещё более робко обозначило себя несколько человек.

– Хм, вижу, кто-то воздержался от голосования, – протянул Гил. – Например ты, Каэл.

– Какой смысл... Я вижу, Вам поразвлекаться охота.

– А вот и нет. Просто мне нужно было время, чтобы подумать. Короче, считаю возможным сохранить им жизнь. В принципе, они это заслужили – терпеть не могу, когда оказывают сопротивление, как это делали остальные.

За время жизни с Рэйтом в одной квартире Каэл о многом успел задуматься. Прежде всего, ему было интересно, можно ли объединить эти личности; впрочем, он не был уверен на 100%, что это один и тот же человек, и проверить это никак нельзя было...

Нет, он видел, что Рэйт не жилец – да и может ли тень существовать отдельно от объекта. Людям не был нужен, поскольку не родился посредственностью; до людей нового типа попросту не дотягивал. А эта его пугливость и отсутствие

какой-либо воли к жизни, эти постоянные просьбы отвести его к главе Организации, на которые ответ всегда был один: «Ты пока ещё не готов». Каэл и в самом деле не знал, готов ли Рэйт узнать правду о том, что он всего лишь ненужное приложение к оригиналу, без которого, однако, последний не может существовать. В глубине души он понимал, что это пойдёт тому на пользу; но по какой-то причине медлил.

А тот день Каэл запомнил надолго. Вот и сейчас он сидел на веранде своего дома после одной из бессонных ночей, смотря на то, как туман, исчезая, медленно оголяет тёмные вершины гор, а небо цвета глубокого индиго постепенно приобретает сиреневый оттенок.

Перепрофилировавшиеся на мирную жизнь люди Организации сосредоточились в основном на севере Первой и в Четвёртой Зоне. В то утро Гил посетил Каэла в его новом доме, побывав накануне во второй раз в найденном им когда-то храме. Эта атмосфера запустения вгоняла в непреодолимую тоску; хотелось вдохнуть в это здание жизнь и поддерживать её.

«Если бы только подобное возводили и в других местах...»

Тут Гил поймал себя на внезапной мысли. «Интересно, а мог бы я стать кем-то вроде... жреца?..»

С непонятным волнением он обратился с этим к Каэлу.

– Как ты думаешь, смогли бы мы построить что-нибудь

такое и здесь? Я ведь говорил, что при помощи способностей можно и создавать, надо только научиться...

– Я знаю, что время от времени кто-то да посещает это место, и у меня есть все основания предполагать, что в будущем интерес возрастёт. Странно, что он не появился с самого начала... Впрочем, это же не люди, которым вечно нужно на что-то опираться.

Гил только кашлянул в ответ.

Он лёг спать с необъяснимым чувством эйфории, которое укутало его, как мягкая волна. И казалось, это не небо светлеет на горизонте, а внезапно проявившееся смутное будущее.

А потом Каэл и Рэйт вышли на прогулку вместе с псом. Гил по очереди с Рэйтом как раз начал тренировать собаку, обучая различным командам.

Небо всё светлело, но Рэйту казалось, что это для его сознания постепенно выходит из тьмы путь, освещаемый внутренним огнём. Его захлестнула невесть откуда взявшаяся эйфория; он шёл, почти не чувствуя дороги под ногами – неожиданно на горизонте забрезжило будущее; его нельзя было облечь в конкретную форму, но оно было здесь, близко, хотя Рэйт даже не знал, что оно из себя представляет. Но одно он знал наверняка – такого в жизни он ещё не испытывал.

Вот он в очередной раз бросил пластмассовый летающий диск собаке – очень далеко получилось, и пёс с радостью понёсся за предметом; он бежал так быстро, что непонятно бы-

ло, в какой момент лапы отрываются от земли.

Каэл ушёл далеко вперёд – Рэйт собирался догнать его. Он полюбил это место с самого начала: вид на горы и обилие лугов поблизости в сочетании с ярким солнцем создавали атмосферу сна – Рэйт часто такое видел. Да, Первая Зона хороша была наличием в некоторых местах – особенно высоко в горах – своеобразных эко-городов, технологии которых позволяли не выпадать из жизни цивилизации, при этом не загрязняя природу.

От восторга Рэйт начал поворачиваться вокруг себя, как бы желая охватить пейзаж целиком. Однако, обернувшись на 180 градусов, он остановился – его взгляд зацепила фигура, появившаяся неподалёку, внезапно вклинившись в окружающую обстановку. Первое, что бросилось в глаза, это взгляд – Рэйт не понимал, почему он так враждебен и холоден; а ещё почему-то запомнились волосы цвета скошенной засохшей травы – наверное, потому, что вокруг пахло скошенной травой и росой. Внезапно стало страшно, как во сне с погоней. Он даже не успел заметить чёрный предмет в руках у женщины...

Выстрел отдался эхом.

«Я не потерплю полукровок в новом мире», – почти прошептала Эстер с яростью, опустив пистолет.

Тот день Каэл запомнил надолго. Вот и сейчас он сидел на веранде и ёжился от утренней свежести, а всё светлеющее

небо приближало, казалось, то, что произошло тогда. Сколько раз он уже переживал то утро, сколько раз выстрел эхом отдавался в голове.

Выстрел ударил Каэлу по ушам – дёрнувшись, он резко обернулся. И тут же установил защиту в ответ на внезапную атаку; Эстер он узнал даже издалека.

Дальше всё произошло так стремительно, что едва ли в этот момент Каэл мог о чём-либо думать. Откуда ни возьмись в обзрении появилась стремительно приближающаяся белая точка. Впрочем, о чём-то Каэл всё же подумал: ему хватило мозгов не концентрировать взгляд на точке, которая в считанные секунды превратилась в собаку, повисшую на руке, всё ещё державшей оружие. А пронзительный от неожиданности крик стал как нельзя более ясным сигналом к действию. Эстер просто не успела опомниться и что-либо предпринять, тут же повалившись на землю со свёрнутой шеей.

Каэл сам не знал, зачем потрогал пульс у человека с дырой в аккурат посреди лба. Всё, что ему оставалось, это прикрыть рукой распахнутые глаза. Не в силах выносить вой собаки, он с какой-то отчаянной надеждой кинулся домой.

У Гила тоже не было пульса.

И тут только до Каэла дошло окончательно. Он внезапно согнулся в три погибели, как от сильной физической боли – но не способный издать ни звука. Окружающая среда стала

давить: свет, воздух, ощущения – всё будто стремилось расплющить, выдавить крик. Нет, невозможно. Выпрямившись – так резко, будто струна – он выбежал из дома.

Вот они все, на месте. С брезгливостью достал он из руки Эстер пистолет, проверил, заряжен ли; скорее, только бы прекратить это, выключить безумствующий окружающий мир; всего пару секунд – рука бесконечно долго поднимается к голове, это невозможно выносить; быстрее...

...но мир не оставлял попыток атаковать. С рычанием в руку Каэла вцепился пёс – видимо, это была реакция на оружие. Острая боль заставила мгновенно разжать пальцы и согнуться снова – уже по вполне ощутимым причинам.

Болевые рефлексы вернули к реальности. Резко обратив взгляд на пистолет, Каэл отпихнул его ногой подальше. Проводив рычанием антикварную железку, собака уставилась на Каэла своими чёрными, слегка миндалевидными глазами.

«Это был один и тот же человек...» – понял он внезапно.

Только сейчас Каэл осознал полностью. Как и то, что так и не начавшийся эксперимент можно считать завершённым.

Он встал, всё ещё не в силах оторвать взгляд от тела.

«Теперь я.. свободен?..»

Каэл закрыл рукой лицо – становилось всё светлее. Понималось привычное постукивание когтей об пол – пёс положил голову на колено хозяину. Машинально тот провёл ладонью по его мягкой шерсти.

Вот и сейчас в его глазах будто плясали те самые языки пламени, медленно поглощавшие два идентичных тела на погребальном костре. Вот и сейчас он невольно сказал про себя:

«Надеюсь, он получил желаемое...»

Вообще, Каэл не вспоминал тот случай. Стёрся он, и снова потекла память ровным потоком после бурного кратковременного шторма. Но в такие особенные ночи, плавно переходящие в утро, в голове появлялся один и тот же вопрос, ввинчивался, создавая туман и пресекая на корню дальнейшие размышления.

«Я долго спал в лунном свете, и вот я очнулся, увидев мир в лучах солнца. Но жив ли я?»

Ветер слегка ерошил волосы цвета скошенной травы – не сразу было убрано тело, лежащее на дороге, ведущей высоко в горы. Часть лица неуклюже уткнулась в землю; одна рука подогнулась под туловище, другая неестественно выпрямилась в сторону.

При жизни Эстер очень хорошо помнила день вступления в Организацию. Она ещё тогда удивилась, что её будет принимать сам глава – всё ещё нереальным казалось то, что её способности соответствуют этому уровню. Но они соответствовали.

Сначала было по-настоящему трудно – даже несмотря на то, что настрой не покидал её никогда. Эта цель была действительно стоящей – хотелось выложиться на полную, отдать всё ради её достижения; но этого было мало – уверенная в победе, Эстер жила будущим: в кои-то веки она увидела явный ориентир, и в кои-то веки она имела значение – реальное значение.

«Хочу Вас обрадовать – с этого дня Вы можете вступить в Организацию. Искренне надеюсь, что не пожалеете; я же очень рад видеть в наших рядах такого ценного сотрудника, как Вы».

Тут Эстер не могла не улыбнуться – на неё смотрел приветливый человек с глубоко посаженными серыми глазами, и после всех этих выматывающих проверок даже как-то спокойно стало...

Эстер видела куда меньше убийств, чем все остальные. Привыкнув работать с техникой, она с головой погружалась в информационное пространство; в Первой Зоне её частенько называли «бездушной машиной», недолюбливали и, вероятно, побаивались за спиной. Здесь же она окунулась в среду таких же, как и она, сосредоточенных на своём деле людей; она знала, что многие ей восхищались.

Её не смущали жестокие особенности поведения Гиля. В них она по умолчанию видела необходимость и со временем даже стала чувствовать некое превосходство над теми, кто этого не видит. Вообще, у неё начал появляться интерес, на-

сколько далеко может зайти этот человек и насколько высоко он может взлететь. И как-то так вышло, что эта планка по умолчанию стала и её собственной.

А в каком она была восторге, когда Гил рассказал ей о некоторых проектах на будущее. Эстер и сама, естественно, над этим задумывалась, и решилась-таки поделиться своими мыслями; в ответ ей была представлена целая «галерея» из захватывающих дух перспектив.

Со временем она стала замечать, что ей просто нравится смотреть на то, как он говорит. Странное это было время – время не отступающей эйфории: когда ты уверенно движешься к невероятной, пока ещё ослепляющей мечте, а совсем рядом с тобой находится удивительный, такой яркий и в то же время загадочный человек, за которым – нет, вместе с которым – хочется идти напрямиком в светлое будущее... Так это виделось Эстер.

И стали игнорироваться все недостатки; скажем, она и бровью не повела, когда Гил нетерпеливо и с раздражением попросил показать ему столицу Первой Зоны на карте, сильно после этого смутившись. А когда он вызвался выступить один против армии, первой её эмоцией был именно всепоглощающий восторг, а потом уже беспокойство, боязнь потери.

«Самопожертвование без раздумий, без колебаний. Да, это именно то, что надо. Именно так», – думала она.

Каэл никогда не внушал ей доверия. Ей всегда казалось,

что этот скрытный человек обладает коварностью, которая бедному Гилу даже и не снилась; и удивительно, просто невозможно, что его замысел по убийству главы Организации остался незамеченным ею и кем бы то ни было.

А потом... а потом Эстер, конечно, переполнило бы негодование на Гила за то, что он не убил предателя. Если бы осталось место для чего-то ещё, кроме непередаваемой, отчаянной пустоты, которой будто бы выстрелило в неё, стоило ей услышать правду о главе Организации. И поэтому вышло наоборот – она ненавидела Каэла: да неужели нельзя было нормально сделать задуманное, ведь это невозможное кощунство, когда их всех, людей несравнимо высшего уровня, чем обычных, возглавляет... нет, об этом даже думать страшно.

Единственным, что как-то её успокаивало, было то, что Гил собирался убить себя. Ну и, конечно же, приближающаяся новая эра всегда являлась неизменным стимулом; только вот несколько померкла она в глазах Эстер после того, как в осколки разбился созданный ей идеал.

Когда Четвёртая Зона попросила оставить в живых больше людей, чем нужно, Эстер даже не удивилась решению Гила выполнить их просьбу. Этот призрак уже настолько упал в её глазах, что она старалась делать вид, будто его не существует; над его решением оставалось только горько посмеяться. К этому моменту Эстер уже в каком-то смысле радовалась тому, что знает больше, чем остальные: кому понравит-

ся жить в обмане. Ей было приятно, что так быстро восстанавливается её равновесие; пожалуй, после такого не может быть ничего, что могло бы его нарушить. Скоро все недолго умрут; она останется в истории как один из основателей нового мира, может даже, как один из самых ярких, а может даже... Ладно, не стоит загадывать наперёд.

Будь это человеческая история, она бы в ней действительно осталась. Было всё же нечто, что нарушило равновесие: победа была одержана, а это недоразумение всё ещё жило и, кажется, не собиралось умирать?..

Но какая ей вообще разница? Тем не менее Эстер почти физически ощущала, как факт существования этого человека выводит её из себя. Надо было сделать последний штрих.

Ну и сделала. Только вот картина некрасивая получилась; ладно ещё, её тело нашли раньше, чем оно начало разлагаться.

(много лет спустя)

Светлело. Тени, отбрасываемые высотными зданиями столицы, постепенно становились всё короче. Ветер слегка колыхал длинные вертикальные флаги, вывешенные людьми

на балконах и украшающие здание Правительства. Замечательная атмосфера – прозрачная, лёгкая; улицы пока ещё пустые, и, если выглянуть в такой ранний час в окно, можно насладиться ей сполна.

Каждая коммуна отмечала день образования мирового государства по-своему; всем хотелось сделать это ярко, по возможности оригинально и в то же время величественно. Что уж говорить о столице: те позаботились о том, чтобы вывести флаги, никак не нарушая при этом архитектурное своеобразие города. Находящаяся в существовавшей когда-то давно так называемой Первой Зоне, столица была несомненным культурным, политическим, образовательным центром страны, состоящей из множества мелких компонентов, расположившейся в бывших Первой и Четвёртой Зоне. Хотя, сейчас эти названия вспоминали разве что только те, кому была охота копаться в хрониках.

Райнер высунулся в окно после от силы трёх часов беспокойного сна, вдыхая эту утреннюю атмосферу; хотя длился праздник, по сути, целую неделю. Будучи студентом старших курсов архитектуры, в этот день он должен был сдавать выпускной экзамен, который, впрочем, и экзаменом-то можно было назвать с натяжкой: за время учёбы у него накопилось столько проектов – несколько из которых были даже оценены верхушкой – что тому просто оставалось официально получить статус.

Да, в конце он всё-таки выбрал именно эту профессию,

хотя столько вариантов, помнится, не давали ему покоя раньше. Сначала он было метнулся в армию: значительными способностями он обладал ещё с раннего детства и с этого же времени начал их развивать. На него с самого начала возлагались надежды, и, пойдя учиться на столь престижную специальность, он их оправдывал как нельзя лучше. Да, там он, помнится, чувствовал себя спокойно и на своём месте; а как ему нравилось одерживать победы над сверстниками и совершенствовать собственные навыки.

Дни недели, отведённые на саморазвитие, Райнер проводил в правительственных заведениях. Закон о профессиональном самоопределении, в рамках которого студенты могли посещать почти любое учреждение, представлявшее для них интерес, позволял попутно приобретать там кое-какие навыки. Почему-то Райнер чувствовал, что его ждёт великое будущее; это было время вдохновенной эйфории.

А потом он как-то побывал в культурной столице государства, располагающейся на территории бывшей Четвёртой Зоны. Нет, он, конечно, был наслышан об этом месте и предполагал, что оно произведёт на него сильное впечатление; однако оно оказалось не просто сильным, а решающим.

Бродя по залам картинных галерей, он мечтал сделаться художником и создавать подобные произведения искусства. Слушая оперу, он хотел пойти в оркестр. Смотря на здания, на обилие продуманных деталей и высокотехнологичность постройки, он желал непременно сделаться архитектором и

внести свой вклад, создать нечто самобытное.

Однако то, что добило его окончательно, было впереди.

Культурная столица славилась не только своими новшествами в сфере искусства, но и хранением достояния глубокой древности, преобразованного, впрочем, под современные реалии. И каждый, кто бывал в этом удивительном городе, просто не мог не посетить Храм имени Неизвестного Божества, найденный когда-то давно предводителем движения Возрождения, построенный ещё более давно и спроектированный архитектором, чьё происхождение, однако, точно известно не было.

К таким вещам в обществе было двоякое отношение. Самодостаточные и целеустремлённые, люди как-то не задумывались о религии; да и зачем она была нужна тем, кто от рождения обладал способностями приручать энергию, пронизывающую всё вокруг, используя её для своих нужд. Вряд ли бы кто-то осудил какую-либо веру, но человека посчитали бы странноватым. Сам Храм рассматривался исключительно как произведение искусства и мировое достояние.

Но только так ли его воспринимали те, кто порой часами мог стоять где-нибудь в углу или же сидеть на скамейке, созерцая обстановку и обращая взгляд на внушительную скульптуру на месте, где должен располагаться алтарь? Так ли его воспринимали те, кто в ранние часы отворял большую дверь, как-то боязливо озираясь, чтобы побыть там в одиночестве – стараясь не обращать внимания на таких же преду-

смотрительных посетителей? Да и те, кто играл там концерты классической музыки, включающие в себя лучшие образцы года наряду с прочими композициями, вряд ли воспринимали это место исключительно как концертный зал.

Однако спроси кто-либо об этом напрямую, собеседник бы скорее притворился, что не услышал.

Да, именно это место и определило путь Райнера. Он и представить не мог, что стоит ему войти в это здание с высоченными резными сводами, как его буквально захлестнёт невероятной атмосферой созидания, витающей в воздухе – других слов он просто подобрать не мог. Храм сочетал в себе все виды искусства, созерцаемые Райнером до этого по отдельности – архитектуру, живопись (многочисленные фрески и витражи), музыку. Выполненный в стиле, похожем на готический, преимущественно тёмно-сине-фиолетовый изнутри, он будто возвышал каждого входящего до небес, и это нельзя было передать – это надо было прочувствовать.

Вообще, Райнеру многие говорили до этого, что, стоит побывать в культурной столице, долго потом будешь находиться под впечатлением. Он это знал; но даже когда его бурное впечатление более-менее осело, осталась фоном некая струна, задающая жизненный строй. И он не мог её игнорировать: её колебания задевали сознание то тут, то там; сдавшись, Райнер поступил на архитектурный, оставив боевую подготовку на дни саморазвития вместо того, чтобы делать это основной карьерой.

Райнер глубоко вдохнул утренний воздух; ему не терпелось уже пройти по этим торжественно украшенным улицам, увидеть восторженные улыбки на лицах остальных, услышать поздравления и ответить тем же.

Внезапно в тишину вклинился ненавязчивый звонок. Бросив взгляд на наручный гаджет, Райнер улыбнулся и коснулся пальцем кнопки вызова.

Перед ним возникла голограмма, изображающая его знакомую ещё со времен его обучения в армии – они состояли в одном подразделении, и она, собственно, до сих пор была там.

– Хайди, ну ты-то чего не спишь?

– Да я сплю, сплю, а потом как вспомнила, что даже не пожелала тебе удачи! Прости, пожалуйста, так замоталась за эти дни...

– Да ладно тебе, я же этого не требую, – усмехнулся Райнер. – Но вообще спасибо; я думал, ты уже давно забыла о моих привычках вставать с первыми лучами.

– Да нет, ты ж сам, как солнце, – она рассмеялась и тут же глубоко зевнула.

– А теперь иди досыпай. Насколько я помню, у вас подъём через 2 часа.

– Ну подожди-и, – она зевнула ещё раз. – Когда я ещё с тобой поболтаю...

– Да хотя бы завтра на коллективных работах; мы же в одном отряде, забыла?

– Ах да, это как раз то, о чём я хотела сказать... – казалось, девушка мгновенно проснулась; её глаза приобрели щенячье выражение. – Понимаешь, я так усиленно тренируюсь...

– Ну, Аделхайд. Тебе, значит, по потребностям, а от тебя не по способностям? – с наигранным укором спросил Райнер.

– Вот когда на нас нападут, увидишь, как от меня не по способностям. Если серьёзно – Райн, ну я опять переборщила, и у меня совсем нет сил.

– Так перезапишись на интеллектуальную работу!

– Там скучно; ну пожалуйста, тебе же ничего не стоит – мы строим здание, ты архитектор...

– Я промолчу.

– Пожалуйста!

– Да ладно, ладно. Естественно, я тебе помогу. Просто думаю... А чем ты занимаешься в дни для саморазвития?

– Хожу в соседний корпус.

– Ясно, понятно. Короче, это последний раз.

– Ра-а-айн, я тебя обожаю!!! Удачи тебе ещё раз на экзамене, уверена, ты станешь величайшим архитектором за всю историю...

– Всё, всё, успокойся.

– Погуляем вместе на выходных?

– Если ты к этому времени ещё живая будешь...

– Буду живее всех живых!

– Ладно.

Несмотря на своеобразный характер подруги, Райнер уважал её. Они находились примерно на одной ступени иерархии; она была по-настоящему способным человеком и действительно хотела работать на благо себе и обществу – просто не всегда знала меру.

До того, как пора будет выходить из дома, оставалась ещё куча времени, и Райнер, не выдержав, решил-таки пройтись по пустынным улицам. О, ну не идеально ли... Флаги так колышутся, будто под водой, и сам он не идёт, а как будто плывёт... Впрочем, он, как оказалось, не был один. Вдали показалась довольно быстро (несмотря на почтенный возраст) приближающаяся фигура; человек шёл, засунув руки в карманы и смотря в пол. Райнер узнал его – он не раз видел того в своём округе; кажется, это был единственный человек из старого мира. Вернее, родился он уже в разгаре нового – по чистой случайности – но к новым людям не принадлежал: бедняга не обладал никакими способностями, но коммуна худо-бедно нашла ему пусть и скудное, но применение – не пользоваться же общими благами за просто так.

Даже не надо было задумываться над тем, куда он так рано спешит: очевидно, наберёт продуктов на неделю, чтобы лишний раз не выходить на улицу – он искренне недолюбливал и этот праздник, и этих людей. Это было немного смешно, и к нему относились со старательно скрываемой снисходительностью.

«Он не застал эпоху “эффекта стрекозы”¹², но всё равно очень болезненно переживает отсутствие таких же людей, как и он. Всё же меня никогда не перестанет интересовать: неужели они нуждались в обществе только за тем, чтобы усложнять друг другу жизнь и самоутверждаться?..»

Проходя мимо Райнера, человек ускорился. Он был долгожителем: его возраст перевалил за сотню.

Когда тот остался позади, Райнер даже как-то расслабился. Он снова полностью отдался атмосфере; к тому же глаза отдыхали, смотря вдаль, и это тоже было очень приятно. Он жил в районе, состоящем из уютных, выложенных плиткой улочек; летя быстрым шагом, он сам не заметил, как оказался на небольшой площади с фонтаном. Вода струилась с небольшой левитирующей геометрической фигуры; под ней красовалась белая острогранная скульптура. А на краю фонтана сидел...

Ну конечно. Райнер даже не удивился, увидев знакомого – они частенько пересекались с ним на учёбе, а потом как-то разговорились и обнаружили общие интересы. Этот товарищ был яростным фанатом нового, сравнительно недавно появившегося архитектурного стиля, отличительной чертой которого были здания в виде комплекса геометрических фигур с острыми углами – преимущественно ромбов и тре-

¹² «Эффект стрекозы», а также движение Возрождения – название периода истребления обычных людей Организацией; такое сравнение связано с тем, что, по определённой версии, стрекозы – как и прочие живые существа, сбрасывающие старую оболочку – чувствуют боль.

угольников – и наличие множества левитирующих составляющих. Подобных сооружений пока что было буквально две-три штуки, и те в центре столицы; однако по инициативе жителей района миниатюрное подобие было выстроено и здесь. Собственно, его знакомый Райнера и вычерчивал.

Хотя, при более близком рассмотрении стало понятно, что не совсем. Тот чертил нечто принципиально новое и куда более сложное, основанное на имеющемся.

Райнер знал, что окликать его бесполезно – тот бы всё равно не услышал в своей сосредоточенности. Да и неприлично это. Однако Райнер уж очень настроен был на разговор; поэтому он мысленно дал о себе знать. Не захочет – так не захочет.

Впрочем, знакомый среагировал довольно быстро.

– О, утречко доброе. Смотри!!!

Без всяких предисловий он показал Райнеру работу.

– Замечательно, не правда ли? Это просто прекрасно; я чувствую такие перспективы для этого стиля, а ещё я, кажется, на пороге создания ответвления от него. Ты как считаешь?

Тот внимательно рассматривал чертёж, затем начал говорить:

– Обилие деталей аж дух захватывает. Для непрофессионала превосходно; однако мне кажется, что...

– Что равновесие держаться не будет? Я это прекрасно знаю. Это только набросок.

– Ну конечно, я понимаю. А ещё...

– Оно и не должно быть симметричным, Райн. Ну лишь бы покритиковать, честное слово. Не знаю, что ты там себе думаешь, а я твёрдо намерен стать первопроходцем, – он раздражённо сдул упавшую на лицо золотистую прядь.

– Да я и не сомневаюсь, – рассмеялся Райнер. – Ты же знаешь, я тебя очень уважаю.

После небольшой паузы он спросил:

– А чего ты тут так рано? Не спится, что ли?

– Люблю, когда никого вокруг нет. Нет, не извиняйся; да и ты же всё равно скоро уйдёшь.

– Ну да, это верно, – внезапно Райнер хихикнул.

– Чего?

– Да что-то представил, как бы тебе было жить до Возрождения. Подруга историей увлекается, вот и рассказала кое-что, – быстро добавил он.

– А у неё что, собственной культуры нет, раз она в антиквариате копается?... – собеседник презрительно приподнял бровь.

– Да нет, есть, конечно. Просто, знаешь, была как-то в культурной столице, ну и заинтересовалась Возрождением...

– Превеликая Вечность. Это ж какие крепкие должны быть нервы. Мимо меня буквально этим утром один из тех животных прошёл – нет, ну повезло же, что он обитает именно в нашем районе! – так меня аж передёрнуло.

– Ладно тебе, он же безобидный, – усмехнулся Райнер.

– Да я не в этом смысле! Настолько веет чем-то инородным и непредсказуемым, что аж нехорошо. Как представишь, что ни уважения, ни чувства иерархии, ни заслуг, ни способностей...

Его собеседнику оставалось только вздохнуть. Да, этот человек обладал по-настоящему чувствительной творческой натурой. И, чего уж греха таить, иногда этим весело было пользоваться.

– А ты знаешь, между прочим, что, по одной из теорий, предводитель движения Возрождения был наполовину низшим?

– Да какая мне разница?! Поубивал себе подобных и сам погиб – можно ли было придумать лучший исход!

– Ну ладно, ладно; вижу, это тебя не впечатлило, – Райнер подумал; затем ему в голову пришла новая мысль. – А знаешь ли ты, откуда пошёл стиль вот этих вот скульптур? – он указал назад, на фонтан.

– Не знаю, да мне и незачем.

– Тоже со времён Возрождения.

– Ты проснулся сегодня утром с целью завалить меня антиквариатом?

– Нет, с другой.

– Ну договаривай уже, раз начал.

Райнер снова усмехнулся и продолжил:

– Впервые подобное сделал заместитель предводителя движения Возрождения, уже задолго после смерти последне-

го; первая скульптура изображала его же, и сейчас находится в культурной столице в составе небольшого мемориального комплекса. Как тебе такой антиквариат? И не отвертисься: скульптуры в этом стиле повсюду, да ты и сам наверняка такую делал.

– Ну ладно, допустим, в твоих словах есть резон. И чего тебя это так интересует...

– Вообще, не интересует. Просто иногда задумываюсь, что, не будь «эффекта стрекозы», нашего мира бы тоже не было; а мы были бы, как и раньше, рабами на службе животным потребностям тех, кто населял эту планету. У них ведь даже понятия «собственная культура» не было, только «общая»; и под ней они подразумевали совокупность каких-то диких ценностей и обрядов, обязательных для исполнения...

– Я тебя очень прошу, хватит мне душевное равновесие нарушать. Так хорошо сидел...

– Прости, я не за этим подошёл. Я только хотел сказать, что те, кто прекратил этот кошмар, действительно заслуживают внимания... А ещё я хотел поздравить тебя с праздником.

– Взаимно, Райнер. Спасибо тебе в любом случае за твоё внимание.

Райнер шёл дальше по улице. Он и сам не заметил, в какой момент пейзаж вокруг стал расплываться; а когда щёку обожгла линия, идущая от глаза, он понял, что плачет.

Да, похоже, за этим он и выходил. Он всегда плакал в этот

праздник. И всегда радовался, что никто этого не видит.

Часть 2. Мгновение перед смертью

Глава 1. Благими намерениями выложена дорога в ад

– Вы понимаете, что у меня сын пропал?! Про-пал сын! Это нормально, по-вашему, когда сыновья пропадают?!

Мать Рэйта яростно-истеричным взглядом вперилась в полицейского, который смотрел на неё чуть более внимательно, чем на муху, ползающую по окну. Его товарищ уже на протяжении нескольких минут звучно размешивал сахар в чае; но нет, её этим не проймёшь. Когда не надо, она и ухом не поведёт.

– А сколько лет Вашему сыну? – равнодушно промямлил полицейский. – Школьник, вроде как...

– Тринадцать!!! Тринадцать годиков всего; скоро вот четырнадцать будет, если будет... – её губа задрожала; полицейский, размешивавший чай, громко зевнул.

– Ну что ж, если Вы хотели знать моё мнение, – начал тот, первый, – то да, это абсолютно нормально, когда сыновья в таком возрасте пропадают. Подождите денёк-другой, вернётся, куда денется.

Это было ошибкой.

– Вы меня что, за дуру принимаете?! – женщина вскочила, ударив руками об стол. – Гилрэйт никогда никуда не пропал; и вообще он очень спокойный и тихий, добыча для любого маньяка!..

Полицейский, внаглую распивавший чай, подавился, быстро подошёл к коллеге и что-то шепнул ему на ухо. Тот изумлённо кашлянул и выпалил:

– Так этот экземпляр ещё и пропал?!

Мать Рэйта вперилась в обоих изумлённым взглядом.

– Простите, что?..

– Кхм, да как бы Вам сказать, – затараторил первый, – буквально недавно на Вашего сына в один и тот же день написало заявление аж пятеро человек; внятно объяснить ничего не смогли, поэтому пришлось зафиксировать как «вандализм» и «посягательство на частную собственность», а также... м-м-м... что там ещё было? – он обернулся к коллеге и напоролся на его уничижительно-испепеляющий взгляд, тут же смешавшись. – Ну и всё, – тихо закончил он.

– Во всяком случае, это дело высших инстанций, а не наше, гражданка, – сказав это, будто вбив гвоздь, второй отхлебнул чай.

– Погодите, секунду... – растерянно начала мать Рэйта.

– Да, Вы правильно поняли – нам больше нечего Вам сказать. Можете быть свободны, и желаю удачи.

После этого он непринуждённо начал говорить со вторым на другую тему, делая вид, что в помещении, кроме них дво-

их, никого уже не было.

Мать Рэйта медленно поднялась с места в совершеннейшем замешательстве.

– Да вы перепутали его с кем-то!!! – крик раздался так резко, что второй полицейский дёрнулся – от пролитого на одежду напитка спасло только то, что кружка уже была наполовину пустой.

Ответить он не успел. Дверь кабинета открылась, и вошёл человек – невысокого роста, юркий, в гражданской одежде. Не успел он ступить на порог, как оба сотрудника вскочили с мест.

– Здр...

– Да сидите, нужны вы мне больно. Я вижу, у нас посетитель, – переведя взгляд на мать Рэйта, он улыбнулся. – Ну и что здесь происходит?

– А Вы, простите, кто? – недовольно спросила она.

– В самом деле. Прошу прощения, – он показал документы, принадлежавшие якобы следователю.

– Ну наконец-то нормальный человек! – она вскинула руки. – Просто вопиющее нахальство: я мать, у меня пропал сын, я пришла сюда за помощью, а меня ещё и в чём-то обвиняют, говорят: «Идите-ка Вы, дамочка, нахрен отсюда»!

– А вот это неправда, – подал голос первый полицейский.

– Будьте так добры, – поморщился посетитель, изобразив презрительную мину, – не мешайте мне беседовать с клиенткой. Так Вы говорите, у Вас сын пропал?

– Да! Его зовут... – она торопливо начала перечислять приметы; он тем временем открыл базу данных на наручном гаджете.

– Это он?

– Д-да... – она приложила ладони ко рту.

– Как видите, мы активно занимаемся поисками Вашего сына. Прошу прощения за причинённые неудобства; обещаю, скоро он будет у Вас в целости и сохранности, – он улыбнулся как можно более доверительно.

– Вы и правда уже его ищите?!

– Ну конечно, Вы оставляли заявление, и мы оперативно на него среагировали. Можете быть уверены, мы делаем всё возможное.

Он дал понять, что разговор окончен.

– А Вы бы лучше даму чаем угостили, – обратился вдруг посетитель ко второму полицейскому. – Впрочем, Вы может и угостили бы, будь у Вас там чай...

– Да когда ж он, наконец, очнётся... Второй день уже.

– Тебе-то что?

– Интересно.

– А если он ноги тебе оторвёт?

– Да тут же стекло...

– Хм.

«Ч-чёрт, как голова-то кружится...»

Решив пока не открывать глаз, Гилрэйт задумался. Он отчётливо ощущал, что его конечности и шея были прикованы к какой-то полувертикальной койке; ни идеи о том, где он. Но, судя по речи, услышанной только что – он не во Второй Зоне. Так, интересно...

Он попытался вспомнить то, что произошло накануне. В последний раз, когда сознание контролировал он, там был пустырь, и почему-то ночь; ах да, и пара каких-то домов на горизонте – это можно было понять по светящимся окнам. Да, точно. Тогда он впервые опробовал свои способности. И как оно только получилось... Он сам не помнил. Он просто почувствовал и поверил.

А как оно проходило... И это вспоминалось смутно. Только выжженная земля вокруг в конце; пронзительный звук сирены; он был настолько оглушён, что не мог какое-то время сдвинуться с места. Уязвимость для звуков и прочих ощущений ударила с невероятной силой.

А тут ещё какой-то крик и стремительно приближающиеся шаги, распространяющие ударные волны по земле...

«Да заткнитесь же вы все!!!» – он схватился за голову.

Но не тут-то было.

– Эй, ты, да, ты! Я всё видел, что ты тут творишь!!! Мой дрон всё заснял, сам мне новую тачку покупать будешь, понял?!! Расплодились, дьявольские отродья... – далее последовали ругательства.

Тогда Гилрэйту показалось, что из его ушей сейчас пойдёт кровь. Да и не то чтобы только оттого, что звуки были болезненны в общем.

«Скорее отсюда».

Вскочив на ноги, он побежал так быстро, как только мог, помня досадный крик вдогонку: «А, чёрт с тобой!..»

И всё. На этом память обрывала киноленту.

– Погоди, я 100% видел, что он веками хлопнул.

– Да кажется тебе уже; небось, во сне дёргается...

«Ладно, достаточно. Пора разобраться с этим».

Гилрэйт резко открыл глаза.

– Твою ж!!!

– Тише ты...

Замечательно. Он смотрит на двух людей в белых халатах за толстым стеклом, которые, в свою очередь, уставились на него.

– У меня шея затекла, – сказал он. – Вы не могли бы... – он выразительно дёрнулся.

Один из людей нажал какую-то кнопку. Заговорить никто из них не решался.

Спустя довольно короткое время в помещение вошёл новый человек. Небрежно накинутый белый халат, небольшой чемоданчик в руках. Вот и она уставилась на Гилрэйта, не говоря ни слова.

– Добрый день, – сказал Гилрэйт, кашлянув.

– Кхм... Добрый.

– Как у Вас дела?

– Спасибо, нормально. А у Вас?

– Да вот, плоховато. Шея что-то болит, и конечности. От чего бы?.. Может, Вы знаете? А то одеты в белый халат, прямо как врач.

Женщина всё не отводила взгляд, пытаясь понять обстановку; ни единого импульса не исходило от тела за сверхпрочным стеклом. Все до одного экземпляры тут же начинали сопротивляться; вколотая доза вещества, затрудняющего работу определённой части мозга, делала эти попытки ничтожными.

Гилрэйт тем временем отчаянно пытался понять, что происходит и зачем он здесь. Стоило ему начать об этом думать, как внезапное осознание заставило его отвести взгляд.

«А где этот, второй?»

– Как Вы себя чувствуете? – спросила женщина неуверенно.

– Чего-то не хватает, – неожиданно для себя ответил Гилрэйт.

Она вздохнула и задумалась. Ситуация была немного тупиковая. Чем только ради науки не пожертвуешь; риски в этой работе обеспечены.

– Я глава Института внешних исследований, специалист в области биологии и геной инженерии. Полагаю, нам лучше продолжить разговор в другой обстановке, – она показала удостоверение.

– Посмотрите на свои руки.

Неожиданная просьба. Гилрэйт покорно опустил взгляд... и оторопел. Повертел руками туда-сюда. Чистая кожа. Ни шрама, ни царапины.

– Вероятно, чуть позже это поможет Вам понять, почему Вы чувствуете себя неполноценно. А пока ответьте, пожалуйста, на мои вопросы. Кто Вы, по-Вашему?

Вопрос, всегда вызывающий ступор.

– Ч-человек.

– Ладно, первый вопрос Вы благополучно провалили. Но ничего страшного. Расскажите что-нибудь о себе.

– Меня зовут Гилрэйт, мне... 13 лет, да.

– Хорошо; Вы ходите в школу?

– Изредка...

– А что Вы делаете в остальные дни?

– Занимаюсь своими делами...

– Можно поподробнее?

– Хорошо, я каждый день хожу в школу.

– Что вызвало такую перемену мнения? Вы не помните, что делаете в другие дни?

– Я-то помню.

– Уточните.

– А давайте Вы мне сначала расскажите, почему я в Первой Зоне, чем конкретно занимается Институт внешних исследований, какое право вы имеете выхватывать людей из их

среды обитания и увозить, куда заблагорассудится, а также производить манипуляции с их телами без их согласия? И почему, кстати, я летел сюда на военном самолёте?..

– Кто Вам это сказал? – собеседница слегка насторожилась, однако виду не подала. – И с чего Вы взяли, что находитесь именно в Первой Зоне?

Гилрэйт закатил глаза.

– Вы довольно долго маячили передо мной своим электронным удостоверением; по какой-то причине Вы не захотели показать мне оригинал и просто вбили себя в базу данных. Очевидно, так Вам было быстрее. Очевидно, и вкладки Вы не закрываете, чтобы удобнее было найти, что надо; предпоследняя была с рейсом самолёта военной модели – буквы, отвечающие за этот класс, стояли после номера; а это, извините, школьная программа. Маршрут – из Третьей Зоны в Первую. Совсем мелким шрифтом была написана дата – вчерашний день; то, что я здесь со вчерашнего дня в бессознательном состоянии, мне уже известно от Ваших коллег. Но не могли вы за такое короткое время провести какие-либо манипуляции с моим телом – стало быть, происходило это не на территории Первой Зоны. Во Вторую вы чёрта с два бы свободно прибыли, в Четвёртой вам бы тоже не обрадовались; остаётся Третья, которой, в общем-то, ответить нечем.

– П-подождите, но что дало Вам возможность заключить, что этот рейс имеет какое-то отношение к Вам? – протараторенная информация сбивала её с толку.

Гилрэйт вздохнул.

– Сразу после этой вкладки следовала другая – там просто был длинный номер с буквами. Точно такой же номер, как на моей одежде, посмотрите, – сказал он, вкрадчиво улыбаясь.

– Погодите, секунду, – она приложила пальцы к вискам. – С чего Вы взяли, что две эти вкладки взаимосвязаны? У меня были открыты и другие, тогда уж, – она посмотрела на него с подозрением.

– Ну, эти две были последние... – Гилрэйт посмотрел в сторону. – Мне просто так показалось. Не знаю, подвела меня моя интуиция или нет, – он снова посмотрел ей в лицо.

– Да нет, Вы всё правильно поняли...

«Срочно пора заканчивать с рассеянностью. Срочно».

– И кстати, – сказал он, улыбаясь, – не нервничайте так. Я не причиню Вам вреда.

– С чего Вы взяли, что я нервничаю?

– Ну что Вам всё объяснять. Вы сели нога на ногу, руки скреплёнными держите, и я уже несколько раз заметил, как у Вас рука дёргается – очевидно, Вы хотите поднести её ко рту; и верно: стоило мне начать говорить сейчас, как Вы поправили волосы – не грызть же ногти при посторонних. Они у Вас и обрезаны-то под корень – видимо, пытаетесь удержаться от соблазна.

Женщина издала нервный смешок.

– М-да, сначала я хотела, чтобы Вы сами попытались догадаться, что произошло с Вашим телом, но вижу, с интел-

лектом у Вас всё в порядке. Единственное – ногти под корень у меня подстрижены по другой причине: я же учёный, мне неудобно было бы с длинными.

– Что ж, прошу прощения.

– Теперь я отвечу на Ваши вопросы – полагаю, с Вами вполне можно вести диалог. Права выхватывать людей из их «среды обитания», как Вы выразились, у нас нет. Однако под определение *Homo sapiens sapiens* Вы не вполне подходите, стало быть и человеком не являетесь; я это говорю, естественно, не в обиду Вам. Цель данного направления исследований – найти компромисс с подобными Вам, скажу сразу. К сожалению, Ваше государство такие исследования не поддерживает и не финансирует; нам удалось Вас выкупить, как бы грубо не прозвучало.

– Но, погодите... Человек или не человек – у меня документы есть и гражданство. Вас это никак не смущает?..

– Переходя к этому. Думаю, Вам известно что-то о технологии клонирования?

– Да.

– Нами была сделана точная копия Вашего тела – Вы правильно догадались, в Третьей Зоне. Заодно интересно было проверить – останется ли у второго экземпляра возможность использовать способности. Что ж, она перешла Вам; механизм нам неизвестен. Оригинал же сейчас находится во Второй Зоне, в состоянии комы; мы ещё не знаем наверняка, что стало её причиной – можно проводить сколько угодно мани-

пулящий с телом, но сознание неподвластно никому.

Она сама не понимала, почему не возникает страха перед тем, чтобы ходить по лезвию. Как-то сразу поверилось в благоразумие этого человека.

– То есть сейчас я просто бесправная собственность вашего института, так? – устало спросил Гилрэйт.

– Я уже говорила: моя цель – диалог и компромисс. Вы принадлежите к уникальному явлению; возможно, именно с Вашей помощью будет выстраиваться благоприятное как для вас, так и для людей, будущее. Не недооценивайте свою роль.

«Я её видел как-то немного по-другому», – подумал Гилрэйт, а вслух сказал:

– Но с чего такая исключительность? Насколько я понял из Ваших слов, таких людей много.

– Верно, мы работаем не только с Вами, – осторожно сказала собеседница. – Но Вы в каком-то смысле и правда исключительны: понимаете, судя по данным, предоставленным людьми из Второй Зоны, Ваши способности довольно велики. Вы выжгли пустырь на несколько километров, нанеся серьёзные повреждения близлежащим домам. Прямо как стихийное бедствие какое-то; подобных случаев ещё зарегистрировано не было.

«Ага, понятно. Хорошо хоть, она не знает, что это был первый и, судя по всему, последний раз».

– И Вы просто так вот сидите со мной разговариваете? – усмехнулся Гилрэйт.

– Вы разумный человек, это видно. Да и сотрудничать с нами в Ваших интересах – это ведь, возможно, не предел. Область мозга, отвечающая за использование способностей, нам уже известна; Вы поможете нам в исследовании, мы поможем Вам в развитии.

– Хм, звучит многообещающе, – Гилрэйт думал.

– И всё же у меня есть к Вам один вопрос, с этим связанный. Вы даже не попытались сопротивляться, очнувшись. Это первый случай такого рода.

«Да если б я мог...»

Он прокашлялся.

– Ну а зачем? Мне никто не угрожал. К чему лишняя агрессия?

Женщина посмотрела на него какое-то время, снова поправила волосы и усмехнулась:

– Вам нужно научиться врать. Вы смотрели мне прямо в глаза в двух случаях: когда нервничали от нехватки информации, ожидая от меня ответа на вопрос, и сейчас, когда произнесли последнюю фразу. В остальное же время Ваш взгляд гулял по помещению или же был направлен мне не в лицо. Вы пока не контролируете свои способности, так ведь?

Гилрэйт молчал. Он не знал, что на это ответить.

Это время запомнилось Гилрэйту как бесконечные психологические тесты. Много раз подключали его голову к специальному аппарату, стараясь засечь какие-то импульсы; но

больше всего ему нравилось разговаривать с главой Института внешних исследований. Она и впрямь интересовалась им, расспрашивая порой даже о мелочах, которые, на первый взгляд, не имели отношения к делу. Сказать по правде, в сравнении с жизнью во Второй Зоне это был отпуск.

Особенно ему запомнился один из разговоров.

– Гил, скажите, неужели Вы никогда не чувствовали за собой какого-либо особого предназначения? Дело в том, что подавляющее большинство чувствует, в разной степени; а с Вашими-то способностями...

– Я ведь их даже не использовал больше, – грустно усмехнулся Гил.

– Почти уверена, это временно. Вероятно, на Вас повлияло клонирование; Ваша вторая половинка до сих пор лежит в коме.

– Ему же лучше, – грустная усмешка всё не сходила с его лица.

– Почему?

– Да нет, неважно. Вы спрашивали про предназначение – да, конечно, это чувство у меня есть. Однако мне не хотелось бы распространяться на этот счёт.

– Какая же причина? Вы же знаете, мне можно говорить, что хотите. Я пытаюсь понять Вас.

– Простите, конечно... Ладно. Полагаю, то, что касается предназначений – наши дела, и спрашивать об этом как-то... неэтично, что ли.

– Гилрэйт, Вы планируете завоевать мир? – она улыбнулась.

– Я? Ну сами даже смеётесь; я ущербен, и мне глупо было бы такое планировать.

– Ясно.

Она отвела взгляд, вздохнула. Затем, поправив волосы – неизменная привычка – подошла к Гилрэйту и села рядом.

– Ничего страшного?

– Нет.

Тогда она положила свою руку на его, заглянув в его глаза своими, карими, глубокими.

– Гил, послушайте, пожалуйста. Вам 14 лет – Вы ещё очень молоды, и это значит, что впереди у Вас целая жизнь. Вы и подобные Вам люди уникальны; такого наш мир ещё не видел, и у меня есть все основания предполагать, что это очередная ступень эволюции. Эволюции, Гил, понимаете? Вероятно, Вы видели жизнь пока что только с одной стороны. И, скорее всего, с не очень хорошей. Но это не значит, что она только такая; для всех живущих есть место, пусть Вам даже сначала кажется, что это не так.

– Это Ваша точка зрения, и она весьма оптимистична, – перебил её собеседник.

– Да, моя. Но я живу дольше, чем Вы, и видела я больше, чем не слишком приятная жизнь во Второй Зоне и институт, в котором ты в качестве подопытного. Поймите, я не хочу Вас оскорблять. Я искренне желаю для Вас самого лучшего

и постараюсь сделать всё, что в моих силах. Но мне нужны общие усилия, – она не отрывала от него взгляд.

Гил думал.

– Вы очень... хороший человек, – только и смог выдохнуть он тогда.

Иногда в жизни бывает так, что сложный выбор разрешается обстоятельствами. Не всегда в лучшую сторону, но всё же.

Глава Института внешних исследований и правда сделала всё, что могла. Но это не убедило Министра Обороны. Они и без того-то долго терпели на своей территории посторонних, и так-то долго не вмешивались в работу каких-то там учёных. А чем они там занимаются вообще, напрасно тратя финансы, не предоставляя никакого конкретного результата?..

– Зачем Вы тратите моё время? – заместитель Министра Обороны со скучающим лицом смотрел на главу Института внешних исследований; он не хотел приходить на эту непонятно зачем организованную встречу. Но она так настаивала; а за пренебрежение просьбами Института могло влететь и от самого Президента.

– Вы вообще слушали, что я Вам сказала до этого? – она смотрела на него так разъярённо, что тёмные глаза, казалось, посветлели, приобретя оранжеватый оттенок.

– Да, я слушал. Дальше что? Вы тратите бюджет, и ладно бы ещё с результатом. Признайте: Ваша работа неэффектив-

на...

– Вы хотите таких быстрых результатов?! Человек – это не игрушка, особенно такие люди; если мы не найдём с ними общий язык сейчас, то потом будет поздно!

– ... и поэтому мы забираем её себе, – невозмутимо продолжил собеседник, едва не зевнув. – И давайте предоставим будущим поколениям решать, чей способ «нахождения общего языка» более эффективен.

– Вы же понимаете, что ваши меры вызовут только агрессию, так ведь?

– И что за меры такие, а? Вы ведь даже не в курсе.

– Не смешите меня.

– Я на полном серьёзе заявляю, что это не Ваше дело. И я хотел бы закончить на этом бессмысленный разговор, – он поднялся с места.

У неё внутри всё упало. Эти люди были просто непробиваемы; у неё уже даже не осталось страха за будущее – только тупая безысходность.

Когда он был у двери, она не удержалась и выкрикнула:

– Если хотите Мировой войны – пожалуйста, флаг в руки!..

– Честь имею, – сказал заместитель Министра Обороны, закрывая за собой дверь.

Хорошего много не бывает – это общеизвестный факт. Потом Гил часто вспоминал, каким раем было пребывание

в Институте; а ад, в который он попал, в дальнейшем сохранился лишь на задворках памяти, незримо влияя, однако, на всю его последующую жизнь. Но были моменты, запомнившиеся особенно ярко.

Очень хорошо Гил помнил комнатку со стенами цвета металла. Её и комнаткой-то сложно было назвать – скорее, большая морозильная камера. И сравнение это не случайно.

Холодно стало не сразу – она охлаждалась постепенно. Сначала Гил даже не понял, что от него требуется. Доходить до него стало, когда зубы от холода начали стучать. Ясно было, что те хотели, чтобы он использовал свои способности для того, чтобы согреться. Он слышал о таком. Да если бы только это было возможно...

Церемониться с ним не стали: он не мог двинуться с места. Конечности были предусмотрительно защищены от холода – им не нужен калека с самого начала. Он трясся уже весь.

До какого-то момента холод казался невыносимым, а время тянулось бесконечно медленно. Оказалось, что вся предыдущая тряска тела в сравнении с нынешними судорогами была лишь лёгкой дрожью. Это было мучительно; Гилрэйту казалось, что сквозь него пропускают электричество. Кожа приобрела синеватый оттенок; сколько ещё терпеть это?..

Он уже не мог держаться; дыхание он вроде чувствовал, но каждый редкий вздох был таким тяжёлым и пронзитель-

ным. Перед глазами стала появляться муть, а голова предательски потяжелела. Откуда эти синие и красные ромбы вокруг?..

Прежде, чем голова Гилрэйта упала, он успел почувствовать внезапный, всепоглощающий жар, распространившийся по телу.

Но лучше всего запомнилось другое. Очевидно, те решили, что штуки вроде переохлаждения оказались недостаточной мерой.

Гил всегда боялся сдавать анализ крови. Вот и сейчас, когда его рука лежала в каком-то странном аппарате – ему сказали, это было что-то медицинское – он чувствовал подступающую панику.

Конечно, он понял, что никак это не связано с медициной. Но ничего не мог поделать. Зажмуренные глаза, голова, повернутая в другую сторону, не помогли. Вместе с характерным треском раздался его пронзительный крик, с последующим плачем и стонами; нет, он по-прежнему был не в силах что-либо сделать.

Но ведь это не конец; он и сам не заметил, как там же оказалась и вторая рука – его крики в этот момент были не для слабонервных, коих там, впрочем, кроме Гилрэйта, и не было.

Второго раза он не выдержал, потеряв сознание.

Когда он очнулся, над ним стоял человек. Министр Иностранных дел не носил ещё тогда свой любимый белый костюм – а может, просто побоялся запачкаться.

Гил попытался встать, но ощутил такую боль в поменявшихся положение руках, что закричал и сел на пол. Нет, никто и не думал накладывать гипс. Он боялся даже смотреть в ту сторону.

– Слушай, ну что ты дурака валяешь, а? Нам нужен идеальный солдат, а не плачущая рухлядь. Сверхчеловек, называется...

– Да я и не претендовал на такое звание, – прошипел Гил.

– Мне всё равно, претендовал ты или нет, – глаза Министра Иностранных дел сверкнули холодом. – У тебя наивысший индекс способностей среди всех известных нам случаев. Тебе самому-то не хочется?

– Я хочу умереть; мне больно! – он плакал уже в открытую.

Министр только пожал плечами и, потоптавшись ещё немного на месте, вышел.

Всё когда-нибудь доходит до крайней точки. Так сказать, точки кипения.

Когда в помещение зашли люди с какой-то ёмкостью в руках, Гилрэйта будто на месте подбросило. Попутно крича из-за боли в руках, он метнулся в угол, вжавшись в него и пытаясь вдавиться в стену.

Но нет. К нему подходили всё ближе и ближе. Его мозг работал с такой скоростью, будто не далеко был момент смерти. Но какое можно найти решение в такой ситуации; он отчаянно пытался вспомнить свои ощущения во время использования способностей, предпосылки, но безрезультатно. Это ледящее кровь чувство беспомощности на всю жизнь осталось в его памяти.

«Помогите, помогите, помогите...»

К горлу подступал крик, а душа будто готовилась вылететь из тела от ужаса – через верх головы. По крайней мере, так это чувствовал Гил. А в следующий момент по телу прошёл такой разряд, что он, казалось, на какое-то время оторвался от земли; он перестал что-либо воспринимать – даже руки больше не болели.

«Только бы не отключиться».

Нет, он не отключился. Человека отбросило к стене; от сильнейшего ожога разлившимся кипятком его спас только специальный костюм.

«Неужели сработало...»

Сработало, да ещё как. Сгладило эффект то, что в этом жутком месте Гилрэйту регулярно вкалывали вещество, блокирующее область мозга, отвечающую за способности. Именно поэтому вошедшего попросту впечатало в закрытую дверь.

«Уходи же. Уходи же отсюда, проваливай же!!! – Гил всё ещё не мог отлипнуть от стены; глаза его вперились в чело-

века, который еле как вставал. — Ну п-пожалуйста...»

Всё, дальше он терпеть не мог. Согнувшись, он зарыдал в голос, не в силах остановиться; всё вокруг пропало, только вскрики выталкивались из горла, сжимая его. Казалось, всё то чувство незащищённости и бессилия, накопленное за это время, вырвалось наружу.

Он даже не заметил, как тот человек ушёл, а в помещении появился новый. Кажется, ему пытались что-то сказать, но он не слышал. Спустя какое-то время он почувствовал сильный укол и отключился.

Гилрэйт сидел на койке и сосредоточенно думал. Вспоминал и анализировал всё, произошедшее до этого и случившееся накануне.

Теперь, когда его способности не вызывают сомнений, надо что-то делать. Что конкретно, ясно пока не было; но то, что из этого места пора бежать, он знал наверняка.

«И сколько ещё таких же, как я, страдают за просто так. Сколько ещё способностей блокируется и сколько ломается жизнью, по-настоящему ценных жизнью».

«Однако... Зачем им было испытывать меня температурой? Разве не известно уже давно, как реагирует тело человека на превышение нормы? Значит... либо до меня ни с кем так не делали, либо они считают, что в зависимости от способностей устойчивость тела к внешним условиям варьируется. Но, в таком случае... они повторяют все эти испытания?»

«Срочно. Срочно сваливать».

Но вот о том, как это сделать, Гил представлений не имел. Ему оставалось лишь в досаде сжимать кулаки.

«Эволюция, Вы говорили... Нет, это не то. Тут другое: либо они, либо мы. Третьего, к сожалению или к счастью, не дано».

Он свернулся.

«Только бы кто-то думал так же, как и я! Только бы эта идея уже была у многих из нас, если бы только где-то существовало какое-то объединение; я ведь даже не знаю, сколько таких людей, я ничего не знаю, совсем ничего...»

«Но даны же мне зачем-то такие способности. Тогда зачем?»

Через маленькое окно начал литься едва заметный утренний свет.

«Уже?»

Утро предвещало новый день. А новый день предзнаменовывал новые страдания. Внезапно у Гилрэйта началась паника; он уже не мог ни о чем думать. И чем светлее становилось, тем ощутимее было это чувство; вот оно уже сковало его, не выпуская парализованное сознание из своих лап.

«Руки. Вот я идиот... Я должен попробовать вылечить руки».

Однако в следующую секунду он вспомнил о вколоте ему веществе. Чёрт. Не выйдет...

Но ведь появилась же у него такая мысль. Значит, на то

были причины. Мозг отчаянно не хотел думать, но Гилрэйт его заставил. Состояние. Да, именно, у него сейчас совсем другое состояние. Как будто... Сквозь тело вертикально проходит некая струна, оканчивающаяся в самом верху головы. Такого ещё не было; хотя нет. Было. Такое было тогда, на пустыре во Второй Зоне.

Внезапно Гил рассмеялся со своей глупости. Он тут сидит и боится рассвета, когда ему предоставлена полная свобода действий. Дай только волю этой струне – и она развернётся. И ещё как. Даже сейчас она будто накаляется; стоит только захотеть...

Руки. В первую очередь – срастить, привести в дееспособное состояние. Странно, но в этот момент он даже не подумал о том, что, вообще-то, ни разу подобного не делал. Он не знал, сколько просидел в неподвижном трансе; но, когда пальцы ладони спокойно сжимали гипс, и малейшее их движение без боли ощущалось во всей нижней части руки, Гилрэйт понял, что сработало. А ещё то, что с этого момента слова Министра Иностранных дел о сверхчеловеке отнюдь не беспочвенны. На этой мысли он самодовольно, с не испытываемым никогда прежде наслаждением усмехнулся.

Приподнято-возбуждённое состояние не дало ему подумать над тем, почему же способности не блокировались. Да и если бы он подумал, то вряд ли догадался бы, что в этот раз обычной инъекции он не получил.

Тут как раз и дверь открылась... Смешно, да и только.

Гил повернулся, чтобы разорвать вошедших на куски. Однако его взгляд напоролся на раскрытое удостоверение со знакомой фотографией – главой Института внешних исследований. «Корнелия Аганвард», затем длинная должность и лицо, выглядящее совсем не так, как в реальности. Трудно сказать, какое чувство у него в этот момент преобладало – надежда или разочарование. Человек закрыл документ менее чем через секунду; встретившись с ним глазами, Гилрэйт встал и, как ни в чём не бывало, прошёл следом.

Ничего особенного. Те же самые коридоры, та же самая охрана. Гил поддерживал защиту и для себя, и для спутника.

Он сам не заметил, как оказался в машине.

– Я доведу тебя до аэропорта; в 8:30 шаттл во Вторую Зону, в центральный столичный аэропорт; полетишь в багажном отделении – я надеюсь, согреться ты сможешь – это единственный способ, поскольку досматривать меня не будут. Когда они спохватятся, ты будешь уже на месте.

Гилрэйт никак не ожидал, что встретится с ней ещё когда-либо. Смотря на отражение сосредоточенного знакомого лица в зеркале, он думал над тем, чему Корнелия себя подвергала.

– Что будет с Вами? – спросил он прямо.

– Об этом не беспокойся.

– Не надо увиливать напоследок!..

– Я убью себя при помощи капсулы с ядом, лежащей в данный момент у меня в кармане. Иначе мне не избежать

тюрьмы и пыток.

– Зачем Вы это делаете... – спросил Гил в каком-то трансе.

– Есть вещи и ценности важнее человеческой жизни. Когда-то беспредел нужно прекращать. Чёрт, ты перебил меня... – она нахмурилась. – Так вот, во Второй Зоне есть какое-то объединение, состоящее из таких, как ты. Больше ничего не скажу – это всё, что мне удалось узнать. У тебя открылись способности?

– Да.

– Хорошо. Ты должен каким-то образом сделать так, чтобы эти люди тебя заметили. Я не знаю, как – я понятия о вас не имею, хотя посвятила этой работе значительную часть жизни. Всё понял?

– Да...

Гилрэйт никак, совершенно ни в какую не мог осознать, почему именно ему так повезло. Впрочем, наивысший индекс, конечно...

– Я вижу, они не успели ничего с тобой сделать? – голос Корнелии дрогнул.

Гил еле удержался, чтобы не усмехнуться.

– Я вылечился, – только и ответил он.

На подъезде к аэропорту она медленно проговорила, будто сама себе:

– Жизнь ничего не стоит... Стоит только идея.

Пауза.

– Полежай в чемодан.

Прежде, чем застегнуть молнию, она пожелала ему удачи. Сам того не ожидая, Гил прикусил губу и одёрнул руку, которая отчаянно потянулась к её руке, исчезающей вместе со светом извне. Последнее, что он успел заметить, это аккуратный маникюр с накладными ногтями.

– Выживи уж, пожалуйста... – донеслось до Гилрэйта, после чего щёлкнула разблокированная дверь.

Лететь в багажном отделении было откровенно холодно. Благодаря всех богов за то, что теперь-то он мог согреться, Гил сосредотачивал всё внимание на этом, пытаясь не вспоминать лицо Корнелии. Пытаясь не вспоминать эти едва заметные морщинки по краям глаз и между бровями; этот добрый взгляд, всегда светившийся каким-то пониманием; эти руки, такие тёплые и не враждебные, такие мягкие ладони... Сейчас, скорее всего, уже холодные и затвердевшие.

Внезапные, непрошенные слёзы полились ручьём, тут же образуя неприятную корочку.

Стоило ему почувствовать посадку, как состояние резко переменялось.

«Достаточно. Наигрался в маленького мальчика... Клянись, Вы умерли не зря».

«И, чёрт, как же я надеюсь, что здесь не так холодно сейчас...»

Спустя какое-то время чемодан взяли в руки; а ещё через

несколько секунд Гилу в глаза ударил свет. Он тут же установил защиту; и вот он уже пялится в глаза отскочившему назад сотруднику службы охраны.

«М-да, наверное, не слишком приятно, когда ты смотришь в чемодан, а чемодан в ответ смотрит в тебя».

Гилрэйт не дал ему вызвать подкрепление. Не успев ничего понять, человек повалился на пол. А за ним и все, кто там присутствовал.

«Значит, те люди должны меня заметить... Ну что ж, будет феерично».

Зубы стучали от холода, а внутри будто горел огонь. Ощущение вседозволенности, брошенности на произвол судьбы опьяняло. Чувствуя непонятное злорадство, Гил внезапно заметил, что той мягкой подстилкой, на которой он лежал, будучи запакованным в качестве багажа, оказалась тёплая одежда. Наскоро он оделся. Похоже, все его упования на то, что здесь будет потеплее, благополучно провалились.

«Вряд ли кто-либо не заметит то, что я сделаю сейчас. Одно дело – какой-то там пустырь; совсем другое – международный аэропорт».

По пути к выходу Гилрэйт смеялся. Смех просто спазмами сдавливал горло; и падающие то и дело на пол сотрудники аэропорта, пытавшиеся выстрелить в него или что-то подобное, только раззадоривали, подогревали веселье. Непривычное это было ощущение.

Покинув наконец здание, Гил посмотрел вокруг. Да, всё

верно: в свете луны поплёскивал снег – рыхлый, обжигающий. А каждый вдох будто пронизывал горло... Стараясь не думать о той морозильной камере, Гилрэйт зашагал подальше от здания.

Отойдя на достаточное расстояние, он обернулся.

«Вы спрашивали, не хочется ли мне стать сверхчеловеком... Да я и есть сверхчеловек, чтоб Вы знали».

Такого эффекта не ожидал даже он сам. Высвободившись и будто пронзив тело множеством потоков, энергия как бы стала им самим. Можно сказать, что он повторил случившееся на пустыре; здание рушилось, будто карточный домик, а синий огонь пылал над ним сокрушительным, уничтожающим светом.

С непривычки Гилрэйт не мог нормально думать, и всё же восхищение захлестнуло его. Мог ли кто-либо что-либо поделаться с этой бесконечной мощью, с тем, что людям неподвластно – но в какой-то степени управляется такими людьми, как Гил. Своим величием зрелище почти что вышибало слёзы; удивительно, но появилось желание упасть на колени – будто всё это делалось невидимым, всемогущим божеством... От восторга Гил даже не слышал оглушительного грохота, с которым рушилась постройка.

Когда всё закончилось, он сел прямо на землю; вдалеке уже слышались сирены.

«Прекрасно. Новость разлетится быстро».

Он дышал часто, как собака. Внезапно Гилрэйт понял, что

не остановился бы, если бы его целью не был только аэропорт. Тогда ему казалось, что он может всё, становясь сильнее с каждой секундой; сейчас же он ощущал опустошение и усталость. Дикую усталость. Когда он, собрав все силы, поднялся на ноги, в глазах заплясали искры.

А ещё он понял, что стоит на морозе, уже без возможности согреться. Небо чистое – ни облака, ни снежинки; луна светит фонарём, а нос вот-вот отвалится.

«Кора, я готов молиться Вам за куртку. Как раз Вы уже умерли...»

«Что я несу. Тепло, я должен найти тепло».

«Не думать о морозильной камере».

«Не думать...»

В подступающей панике Гил сорвался на бег, заметив вдалеке огни одинокой кафешки. Так пронзительно дышать, чуть ли не до боли; он бежал всё быстрее, боясь, что цель вот-вот исчезнет, оказавшись миражом.

Да нет, вполне реальное кафе. Даже дверь не закрыта – видно, покидали его в суете и страхе. Гил захлопнул за собой дверь и сел у батареи, прислонившись к ней спиной. Мысли о морозильной камере начали отступать на второй план; а затем и вовсе потихоньку растворились...

«Так, не спать».

Широко раскрытые глаза остановились на витрине. Кажется, это была какая-то кофейня – разнообразие кексов и пирожных завораживало. Машинально разглядывая това-

ры, Гилрэйт вдруг осознал, что ужасно голоден. Недолго думая, он подошёл к витрине и схватил первый понравившийся маффин. Он был мягкий, с шоколадной начинкой – однако Гил его попросту проглотил; за ним последовали и остальные, вплоть до того, что витрина осталась полностью пустой.

Немного кружилась голова и подташнивало, но в целом терпимо. Он же не виноват, что нормальной еды там не было... А вот теперь и правда тошнить стало. Зайдя за витрину и обнаружив там кофемашину, он налил себе кипяток в стакан. Потом подумал-подумал, отыскал капсулу с заваркой и кинул туда же. Медленно подошёл к понравившемуся столику, сел.

«Так бы и уснуть сейчас...»

Чай разлился по телу приятным теплом; Гил откинулся на спинку стула, и взгляд его случайно упал на небольшое табло с сегодняшней датой и временем. Цифры, обозначающие дату, как-то зацепили внимание; он всё никак не мог оторваться... а потом вдруг резко засмеялся.

«Сегодня мне исполнилось 15 лет».

Глава 2. Восхождение

Рэйт лежал в коме около года. Его мать, полностью извёдшаяся, уже оставила всякую надежду на то, что её сын вырастет нормальным, полноценным человеком. Что с ним произошло, где и как его нашли – никто внятно не объяснял. Таким образом, надежда на выяснение обстоятельств тоже канула в бездну. Особенно тогда, когда ей пригрозили, что в случае дальнейших изысканий государство перестанет финансировать поддержание жизни её сына в рамках программы помощи матерям-одиночкам, о которой до этого она, впрочем, слыхом не слыхала.

И после того, как Рэйт наконец очнулся, странные вещи не закончились. Он стал периодически – а так-то, ежедневно – падать в обморок ни с того ни с сего. Обычно случалось это поздно вечером или ночью, и проблема заключалась в том, что ничто не могло его из этого состояния вывести, прежде чем он очнётся сам. Пару раз он падал так прямо в школе; хождения по различным врачам так и не помогли выяснить причину.

А чтобы её выяснить, и ходить никуда не надо было; достаточно лишь знаний о том, что Первая Зона располагается на другой стороне света, и когда там ночь, то во Второй Зоне – день.

Гилрэйт не думал пока о том, куда пойдёт дальше и что будет делать. Сейчас была другая проблема – он отчаянно боролся со сном, который с каждой секундой захватывал всё больше позиций. Другая причина, по которой думать о том, чтобы выйти, не хотелось – холод.

Однако и в этот раз обстоятельства всё решили за него. Когда его веки уже готовились опуститься, глаза вдруг засекли какое-то движение снаружи – окна в кофейне были от пола до потолка. Гил мгновенно встряхнулся и установил защиту; тут же его сильно пошатнуло, и если бы он в этот момент стоял, то с большой вероятностью упал бы.

Хотелось выругаться с досады на свою неосмотрительность. Он потратил все силы и теперь не в состоянии был даже защитить себя. Сколько требуется времени для восстановления, Гил пока не знал...

Если обороняться возможности нет, то остаётся замаскироваться под окружающую среду. Решив так и сделать, Гилрэйт принял трагично-идиотское выражение лица, для лучшего эффекта опрокинув пустой стакан.

Как раз дверь вскоре открылась, и в кафе вошёл человек. Гил отметил некую тщательно скрываемую напряжённость в его движениях; но это было уже во вторую очередь. В первую очередь он почувствовал сильнейшее защитное поле – буд-

то человек заходил не в какую-то кофейню, а во вражеский штаб среди бела дня.

Гилрэйт не знал, радоваться ему или бояться. Он был совершенно беззащитен и уязвим; к тому же он ни разу не сталкивался лицом к лицу с такими людьми и не знал, как себя вести.

«Замечательно. Так хотел с ними встретиться, а теперь трясусь как лист. А если он почувствует мой страх...»

Гил дал себе клятву впредь всегда оставлять резерв.

Зато теперь ему даже не нужно было притворяться. Он и без того сидел бы, застывши.

Посетитель тем временем аккуратно закрыл за собой дверь, спустил шарф с лица и вздохнул – то ли от волнения, то ли от того, что наконец зашёл в тепло. Гил старался не моргать.

– Ну и холодно же снаружи, – осторожно сказал человек, забавно сложив руки.

Ноль реакции.

Вошедший потоптался-потоптался, затем разжал пальцы и спросил:

– Вы разрешите мне присесть?

«Итак, – думал Гилрэйт. – Теперь я должен либо изобразить дичайший страх, либо спокойно ему ответить».

И что-то ему подсказывало, что паника была бы ненужным театром.

– Да, садитесь. Я не причиню Вам вреда, – добавил он на

всякий случай, тут же об этом пожалев.

– Да я знаю, – улыбнулся посетитель. – Я Вам, кстати, тоже.

Облегчённо вздохнув, Гил поставил опрокинутый стакан, как надо.

– Вы интересуетесь современным искусством? – спросил человек, сев напротив и снова сложив руки.

Тут Гилрэйт, по правде говоря, опешил. Стоило прилетать во Вторую Зону, терпеть все испытания бесправного багажа, чтобы к тебе в одиноком безлюдном кафе поздно вечером пристал какой-то фанатик-искусствовед?..

– Нет, – коротко ответил он. – Спасибо.

– Действительно? – сидящий напротив приподнял бровь.

– Сожалею.

– И совсем никогда не интересовались?

– Увы.

– Откуда Вы такой взялись?.. – недоумённо спросил собеседник.

Устав от этого цирка, Гилрэйт выпалил «на отвали»:

– Из Первой Зоны.

– О, действительно? Вы так хорошо говорите на нашем языке!

Гил откровенно устал. Он распахнул куртку – под ней всё ещё была та форма, в которой он существовал в Первой Зоне.

– Я местный, там провёл около года в качестве экспери-

ментальной крысы, вот можете посмотреть, – он небрежно кинул на стол специальный браслет с данными. – Меня купили по причине наивысшего индекса способностей из всех, известных до этого, – он приложил руку к голове, гадая, зачем всё это говорит. – А ещё у меня нет ни гражданства, ни прав человека, – зачем-то добавил он, уставившись в стену, полагая, что собеседник забудет всё, о чём он сказал, в следующую секунду.

– Разрешите, я и правда посмотрю? – спросил посетитель, протягивая руку к браслету.

– Да пожалуйста; только верните потом.

Изучая информацию, человек всё сильнее округлял глаза. Закончив с этим и аккуратно положив браслет на место, он устался на Гилрэйта.

– Поверить не могу, что Вы ни разу не слышали о нашем обществе, – озадаченно проговорил он.

– Каком обществе? – наострился Гил.

– Секундочку... – внезапно на лице посетителя появилось подозрение. – Аэропорт ведь Ваших рук дело, так?

– Да, – к лицу Гилрэйта прилил жар. – И что? – ошетинился он.

– А с какой целью, извините?

– Привлечь внимание... – задумчиво проговорил Гилрэйт, смотря на стену.

Собеседник думал. Тут до Гила дошло.

– Я не шпион. Будь это так, не стал бы я тратить все си-

лы; Вы же видите, я совершенно беспомощен сейчас. Поймите, мне еле как удалось сбежать из Первой Зоны. Мне помог один человек, пожертвовав своей жизнью; она сказала, что здесь есть какое-то объединение из таких, как я, и что мне нужно как-то сделать так, чтоб меня заметили. Я спалил аэропорт. И, желая согреться, прибежал сюда. Скажите, Вы ведь оттуда?

Посетитель раздумывал.

– Ну вот приведу я Вас, куда надо, – начал он медленно, – а Вы это место, как аэропорт...

– Зачем? – удивлённо спросил Гилрэйт.

– Ну а кто знает намерения Первой Зоны... Впрочем, я тут подумал, – он резко поменял мнение, когда Гил начал было закатывать глаза, – для шпиона Вы и впрямь ведёте себя очень нелогично. Думаю, стоит Вас отвести к одному замечательному человеку, обмануть которого невозможно.

– Прекрасно. Так мы сваливаем отсюда? Сирены вокруг слышите?

– Пожалуй, – собеседник резко поднялся.

– И что за дичь Вы мне втирали про современное искусство?.. – полунасмешливо спросил Гил.

– Увидите, – только и ответил человек, поморщившись от этой манеры общения и раздумывая, не пытается ли незнакомец таким образом сойти за местного, показав знание языка.

Пока они шли до автомобиля, Гилрэйту казалось, что от холода он сейчас умрёт. Поэтому, плюхнувшись на заднее сидение, он облегчённо вздохнул, напоследок передёрнувшись и даже не заметив водителя. Его спутник сел вперёд.

– Ну что, нашёл террориста, спалившего аэропорт? – спросил человек за рулём, не обращая ни малейшего внимания на нового пассажира.

– Приятно познакомиться, – буркнул Гил.

– Да ну, правда, что ли? – водитель вновь обратился к человеку, сидящему справа от него.

– Что-то не так? И кстати, я не террорист, – ответил ему Гилрэйт.

– Я вообще-то не к тебе обращаюсь, – внезапно в голосе человека за рулём появился холод, граничащий с презрением, что целиком и полностью вывело Гила из себя.

– А я к Вам обращаюсь!!!

Прежде, чем он успел продолжить, его спутник проговорил:

– Успокойтесь. Пожалуйста, будь поаккуратнее, – с укором сказал он в сторону водителя. – Вы тоже не нервничайте так, – обратился он затем к Гилрэйту. – Он со всеми такой.

– Ладно, – проворчал Гил.

Собеседник вбил адрес, и какое-то время ехали молча. «Террорист» на заднем сидении отчаянно думал над тем, как ему доказать им, что он не шпион. За окном мелькали заснеженные деревья – впрочем, из-за скорости их едва ли можно

было разглядеть.

«Такие дотошные. Неужели они считают, что в Первой Зоне тоже есть какое-то сообщество? Или они думают, что я работаю на людей?..»

– Разрешите обратиться? – спросил Гилрэйт чуть погодя, вклинившись в тишину.

«Что ни реплика, то очередной перл», – насмешливо подумал его спутник, а вслух сказал:

– Да конечно, обращайтесь.

– Вы ведь понимаете, что в Первой Зоне проводят эксперименты над людьми? – прямо начал Гил.

– Ваши данные ещё не подтверждены, – осторожно заметил человек впереди.

– Я сейчас не о себе говорю. Кажется, я сказал «над людьми», не так ли? Стало быть, их много.

– Откуда такая информация?

– Вам известно что-либо об Институте внешних исследований?

– Ну да; и что?

– А Вы в курсе, что Первой Зоне не выгодны такие исследования?

– Почему же; мне казалось, напротив.

– Потому, что конкретных результатов они не дают. И потому, что у Министерства обороны другое мнение на этот счёт.

– Если Вы сейчас пытаетесь улучшить своё положение, –

аккуратно заметил собеседник, – то у Вас не очень хорошо получается. Вы теперь похожи на провокатора.

Гил закатил глаза. Ладно: нашёл их – уже что-то. Пусть проверяют сколько душе угодно.

Потом перед Гилрэйтом, конечно, извинились за это недо-разумение. Более того, он был приятно удивлён, узнав, что способность управлять небесным огнём является наиболее редкой и ценится выше всех. Выходит, помимо наивысшего индекса, он обладает ещё и этим. Неплохой статус для начала.

С другой стороны, индекс этот можно было считать формальным, ведь он наивысший из всех зарегистрированных случаев. Стало быть, в этом сообществе могут таиться экземпляры и посильнее.

Надо сказать, Гилу даже стало смешно, когда ему показали штаб организации, коим являлась... галерея, в которой выставлялись картины современных художников. А точнее – её обширные подвальные помещения.

Всей картины до конца он не понял, но оказалось, что данное сообщество уже долгое время пряталось под маской культурного; да и безрезультатно – в нём действительно были в том числе и художники. Когда-то нынешний глава общества, будучи весьма состоятельным человеком, основал его вместе со своим другом, который как раз-таки и был художником по специальности. Точного механизма Гилрэйт не

знал, но главе сообщества каким-то образом удалось привлечь туда множество людей со сверхспособностями, вплоть до того, что обычных там не осталось. Возможно, дело и впрямь было в картинах.

Благодаря хорошей рекламе и, конечно же, притягивающим работам – а вследствие этого и обилию выставок – общество стало довольно известным, а после получения награды «За неоценимый вклад в культуру» стало финансироваться государством. Тут тоже были свои причины – болезненно восстанавливающаяся после Третьей Межпланетной Вторая Зона быстро осознала, что без некой идеологической составляющей далеко не уйдёшь: население было скорее похоже на недоумерших насекомых, которые по инерции ещё ползли куда-то – непонятно куда, без надежды и без будущего. Грубая идеология была опробована прошлым и потому не могла ничем помочь – разве что усугубить ситуацию. Поэтому «поднимать дух» старались постепенно, при помощи общей культуры. А тут уж люди из сообщества безупречно подгадали и момент, и настрой.

Гражданство Гил так и не получил; да и как об этом могла идти речь, если в той же самой стране, в том же самом городе – разве что не на той же самой улице – проживала его точная копия? Не без бури эмоций, Гилрэйт смирился с отсутствием официального статуса гражданина.

Его случай изрядно нашумел по всему сообществу, вплоть

до того, что глава лично захотел встретиться с человеком, чей индекс способностей к тому же был, по предварительным данным, наивысшим. Прodelки Первой Зоны были в прямом смысле из ряда вон выходящими; они всерьёз пошатнули веру руководителя в возможность создать отдельное государство, которое существовало бы в мире с людьми.

Гилрэйт хорошо помнил их первую встречу. На него смотрел человек, у которого, казалось, не было ни пола, ни возраста – такая необычная внешность. Сеть морщин у глаз и складка промеж бровей, тонкие черты лица, светлые глаза – смотрящие будто сквозь и невероятно спокойные – и длинные, слегка волнистые волосы пепельного цвета создавали совсем уж загадочную картину. Помнится, Гилу сначала было даже как-то неудобно рядом с этим человеком присутствовать.

И голос такой мягкий, внушающий доверие – впрочем, тогда глава сообщества просто переборщил с тем, чтобы не напугать ребёнка. Обычно его голос не выражал ровным счётом ничего.

«Интересно, смог бы я его убить?..» – подумал тем временем ребёнок и тут же дал себе мысленную оплеуху: порой Гил и сам не знал, откуда у него в голове появляются разного рода мысли.

Ещё Гилрэйта удивило, что тот даже не пожелал протестировать его способности. Этот человек просто подошёл к нему на довольно близкое расстояние, смотря какое-то вре-

мя ещё более «сквозь», чем обычно. Затем его взгляд, вернувшись в реальность, переместился Гилу в глаза; длилось это так долго, что последний не выдержал и мягко намекнул на то, что чувствует себя некомфортно.

Потом они поговорили, и никак Гилрэйт не мог предположить, что по итогу их разговора глава сообщества решится лично обучать его совершенствованию навыков.

Ну что ж. Это будет замечательно.

Когда Рэйта выписали из больницы, он чувствовал – если это состояние можно было назвать чувством – что из него вырвали часть, выкинув другую, то бишь его самого, в свободное плавание. Невыразимая пустота наполняла всё его существо; наряду с апатией она утопила его в своём мутном болоте, не давая вырваться, затягивая всё глубже. Если не считать времени, когда Рэйт рыдал с отчаянными криками, обычно он попросту лежал, смотря в какую-либо точку, или же шатался по улице – куда мать, впрочем, первое время боялась его отпускать.

Когда возобновились его занятия в школе, жизнь и вовсе превратилась в ад. Его отсутствие в реальной жизни, вечная отрешённость по какой-то непонятной причине приводили одноклассников в бешенство. Почувствовав безнаказанность и неспособность Рэйта ответить, они нещадно вы-

мещали на нём свою глубинную человеческую натуру.

Его мать, конечно же, не могла этого не замечать. Ломая голову над тем, что же произошло с её сыном, она решилась-таки сводить его к психологу – и этот первый визит запомнился Рэйту настолько хорошо, что впредь он решил в такие места не ходить.

Наибольшую трудность, конечно, вызвал вопрос о том, что же его, собственно, беспокоит. Рэйт сидел, пялясь в стену; на какое-то время он даже улетел куда-то – но потом вспомнил, что от него ждут ответа.

– Н-не знаю...

Потом вздохнул, собрался с мыслями.

– Меня не существует.

Смотря на ничего не выражающее лицо психолога, он продолжил:

– В смысле... Сейчас объясню. Ну вот Вы человек, да? У Вас наверняка есть какая-то цель... – он стал жестикулировать. – И Вы наверняка себя осознаёте...

– Ну, никто не осознаёт себя полностью. А проблемы с самоопределением в твоём возрасте – не такое уж редкое явление. Но я здесь, чтобы помочь тебе.

«Тебе?.. Как-будто мы знакомы!..» – с раздражением подумал Рэйт, но данное обращение проглотил. Кто он вообще такой; он ничтожество. А человек, сидящий неподалёку, хотя бы профессию имеет и статус.

– Вы меня не вполне поняли... – устало ответил Рэйт. – Я

не хочу самоопределяться; я вообще ничего не хочу.

– Ну, что ты такое говоришь. Твоя мама вон как для тебя старается, а как беспокоится за тебя – разговаривала со мной вся в слезах.

– Мне жаль, но я не виноват.

– Ну а кто же виноват, Гилрэйт? Знаешь, каждый человек – творец своей судьбы. Ты молод, у тебя есть природные задатки, а главное – все условия. Много кто хотел бы оказаться на твоём месте.

– Например, кто?

Психолог вздохнул и медленно снял очки, начав машинально их протирать.

– Знаешь, – начал он, – мне как-то приходилось общаться с детьми из Третьей Зоны, которым здесь предоставили убежище после того, как их семьи были убиты террористами.

– Это же совершенно разные случаи...

– И знаешь, многие из них говорили, что хотели бы жить нормальной жизнью, как полноценные граждане. Понимаешь, Гилрэйт? Они хватались за эту возможность, как за спасительную соломинку, после того ужаса, который пережили, и после которого – как кажется на первый взгляд – пути дальше нет. Но у них он есть. А знаешь, почему?

– Потому, что жизнь – это дар, и глупо не использовать возможности, если они даются; а ещё надо благодарить богов за каждый прожитый день и не впадать в уныние, – Рэйт даже на какое-то время вернулся к реальности от раздраже-

ния, которое у него вызывал этот человек. – Но Вы, конечно, извините, но что мне прикажете делать, если не нужна мне жизнь? Вообще, ни в каком её виде. Я не вижу смысла и не понимаю, зачем; тем более не хочу становиться её участником и быть причастным к людям.

– погоди, – психолог прищурился, – ты не хочешь участвовать в жизни; но как же ты собираешься существовать? Или же ты планируешь... умереть?

– Было бы неплохо, – хмыкнул Рэйт победно, полагая, что на этом очкастый зануда отстанет.

– Так бы сразу и сказал, – протянул собеседник. – Это тебе, дорогой, не ко мне надо. Сейчас напишу тебе адрес одного моего знакомого психиатра – ты не переживай, она замечательная женщина; повторишь ей всё сказанное – в частности, про планирование суицида – и она тебе обязательно поможет. И советую обратиться незамедлительно; ну я скажу ещё твоей маме.

– Да не планировал я суицид... – пробурчал Рэйт удивлённо-насмешливо. – Я боли вообще-то боюсь, так что это бесполезно – можете быть уверены.

– Ну вот психиатру это тоже скажешь, – улыбнулся собеседник.

Стоящий на окне фикус в грязно-жёлтом горшке подбросил поленьев в огонь раздражения Рэйта; поняв, что говорить с этим человеком бесполезно – да впрочем, как и со всеми людьми – он вышел прямо навстречу матери, которая, ка-

залось, только этого и ждала. Быстро сказав, что её ждёт психолог, он увернулся от её рук; когда дверь захлопнулась, он с облегчением плюхнулся на диван, закинув ногу на ногу и тихо напевая какую-то мелодию. Мелодия заглушала чувство пронзительного одиночества, больно разливавшегося по сознанию.

Он не думал о том, чем всё это кончится. Он просто надеялся на то, что долго на этом свете не задержится.

– Итак, почему же ты хочешь убить себя? – приторно-ласково спросила психиатр.

Часть её лица вечно беспокойно подрагивала; а улыбка была такая, что лучше б она не улыбалась.

– Да не то чтобы прям хочу... – пробормотал Рэйт, удерживаясь от того, чтобы не закатить глаза. – Но если б оно само как-то, и быстро – было бы замечательно.

– Ну-у, почему же так? Тебя кто-то обижает? Одноклассники, может быть?

– Пф-ф, да они меня терпеть не могут и всячески это показывают. Но дело не в этом; я просто не хочу жить, поскольку не вижу смысла. Мне ничего в этом мире не интересно, а ещё я себя не осознаю и в целом ненавижу.

– Знаешь, Гилрэйт... Можно ведь так к тебе обращаться?

– Лучше просто Рэйт, – процедил он.

– Хорошо. Знаешь, Рэйт: ты не сказал мне ничего нового. Люди твоего возраста действительно часто испытывают

кризис – особенно касаясь того, что связано с определением своего места в мире. Но этот этап надо преодолеть. Понимаешь, в жизни у тебя будет ещё много проблем – жизнь в целом непростая штука. Но люди всё равно идут вперёд; идут ради будущего, ради себя, ради своей семьи. И если пока ты не знаешь, для чего пригодишься – это не значит, что тебе нет места.

– Да не хочу я искать место, – тут уж Рэйт закатил глаза. – Мне неинтересна жизнь в этом мире ни в каких её проявлениях; я не её участник. Тем более... – он сделал паузу, раздумывая, стоит ли вдаваться в подробности; затем плюнул – «Будь что будет». – Тем более, когда я ничтожество и смысла жизни у меня нет. Его будто отобрали, вырвали.

– Как же так произошло? И какой у тебя был смысл жизни – если, конечно, не секрет?

– Я не знаю, как это произошло. Просто я внезапно понял, что все мои стремления не имеют под собой почвы. Я с детства чувствовал себя кем-то исключительным; мне всегда казалось, что у меня какое-то великое предназначение и что я медленно, но верно иду к его исполнению. Я ощущал за собой какую-то великую роль; но потом все иллюзии разрушились. Больница и кома будто вырвали какой-то внутренний стержень; я чувствую себя... бесполезным...

– Как ты поэтично говоришь, – осторожно заметила психиатр. – Ты, наверное, книжек много читаешь?

Рэйт понял, что этот диалог ещё более бесполезен, чем он

сам. Он сухо ответил:

– Нет. Книжки я только в последнее время начал читать, чтобы пустоту чем-то заполнить. А ещё в моих книжках подобных персонажей нет.

Они ещё немного поговорили; она задавала банальные вопросы, вроде таких, как спланировал ли Рэйт суицид или пока не думал над этим подробно. Получив в очередной раз ответ, что убивать себя он не планирует, психиатр пришла к гениальному и, конечно же, единственно возможному выводу о том, что он, следовательно, и не хочет умирать.

«Прекрасно. Просто не трогайте меня уже...»

К Гилрэйту в сообществе относились весьма положительно – и это для него на данный момент было главным. Несмотря на отсутствие гражданства и прав, он обрёл некую защищённость и, что более важно – принадлежность. Иными словами, всё то, о чём его вторая половинка не могла и мечтать.

Вопрос о том, что происходило в Первой Зоне, вот уже долгое время стоял на повестке дня. Определённо, нужно было каким-то образом разобраться с тем, что над их людьми там ставят эксперименты похуже, чем над животными – не говоря уж о том, чтобы узнать масштабы, и о том, чтобы вообще проверить достоверность информации.

Гил быстро освоился в сообществе и, благодаря своему

учителю, уже получил какой-никакой статус. Честно говоря, не всё его устраивало в этом объединении; далеко не всё. Говоря конкретнее, не устраивала его сама суть. И один-единственный день решил эту проблему раз и навсегда.

Тогда ему разрешили присутствовать на очередном совещании касаясь вопроса Первой Зоны. Казалось, не представилось бы лучше возможности, чтобы высказать свою позицию.

– А почему мы не можем решить проблему силой? – сказал он, когда спросили его мнение.

– Что конкретно ты имеешь в виду? – прищурился глава сообщества. – Поясни.

Гилрэйта эта реплика откровенно смутила. Ведь всё было предельно ясно.

– Я имею в виду, – начал он не без страха, – что у каждого из нас есть способности, и я искренне считаю, что они не просто так даны. И, насколько я понимаю, нас довольно много.

Тишина.

– Но это так, моё мнение, – уточнил он, от чистого сердца не понимая, почему все смотрят на него с таким ошеломлением.

Если бы Гил в этот момент смог посмотреть на лица присутствующих, то понял бы, что далеко не у всех реакция однозначна. Эти его высказывания как будто проглотили, и остаток он досидел наполовину в смущении, наполовину в

раздражении.

После совещания, когда он, в числе других, вышел, к нему приблизился некий человек —высокого роста, с длинными рыжевато-золотистыми волосами, собранными в хвост — и спросил разрешения поговорить. Не без удивления, Гилрэйт согласился, и они вышли на улицу.

– Меня зовут Каэл, – представился человек. – Про тебя мне известно – ты личность довольно нашумевшая, – он приветливо усмехнулся.

– Очень приятно, – ответил Гил.

– Много времени я у тебя не отниму; мне просто кое-что интересно. Не понимаю, почему остальные не обратили внимание на твоё резкое высказывание. Ты ведь знаешь, что у нас мирное сообщество?

– Вас что, глава общества подослал?.. – он закатил глаза. Каэл засмеялся.

– Ну что ты, зачем ему таким заниматься? Да и, полагаю, он и сам в случае чего может с тобой поговорить, так ведь?.. – он отчаянно пытался убрать эту идиотскую провокационную интонацию из голоса; но что поделать – ему ещё не приходилось разговаривать с подростками.

– Полагаю, что да, – это передразнивание вышло совершенно неосознанно. – Но моего мнения это всё равно не изменило бы. Может, хотя бы Вы объясните, почему применение силы для вас – табу?

«Это я его провоцирую или он меня?..» – лихорадочно

думал Каэл.

– Ну, понимаешь... – аккуратно начал он. – Мы всё-таки выше, чем люди; это последним вечно нужно применять насилие, а мы должны искать более разумные методы. Ты так не считаешь?

– А зачем нам тогда даны способности, извините?..

– Ну-у... Для созидательной деятельности, – ответил Каэл, ни разу в жизни не использовавший их таким образом.

– А если говорить своими словами, а не так, как глава сообщества?

Собеседник чуть было не отшатнулся. Чего этот юнец от него хочет?

– Никто не знает, зачем они даны, – только и ответил Каэл.

– В таком случае их направленность на разрушение так же правомерна, как и на созидание. А чтоб Вы, наконец, от меня отстали – не думаю, что появление таких, как мы, наряду с обычными людьми нужно для мирного взаимодействия. В этом нет никакого смысла – это два совершенно разных уровня, и я искренне считаю, что остаться должен кто-то один. Надеюсь, больше ко мне вопросов нет?

– Есть, – если до этого Каэлу казалось, что он ходит по краю обрыва, то сейчас он будто кинулся в пропасть головой вниз. – Твой учитель рассказывал тебе что-нибудь об оппозиции?

Вот так оно всё и началось.

Интересно, но даже в глубине души Гилрэйт был равнодушно-спокоен по поводу сложившейся ситуации. Его ни капельки не смущало то, что теперь он, обучаясь у самого руководителя сообщества и являясь объектом его доверия (а Гил это знал наверняка), также входит в состав оппозиции, целью которой является устранение лидера и, как следствие, свержение существующего порядка.

А принципы Гила были предельно просты – если их можно было так назвать. Идеи оппозиции почти полностью соответствовали его собственным и казались чем-то самым собой разумеющимся, ставя непреодолимый барьер между ним и остальной частью сообщества. Но, естественно, без навыков далеко не уйдёшь – как бы ни были сильны природные задатки. Поэтому Гилрэйту и в голову не приходило, что он делает что-то неправильное, пользуясь доверием главы общества. Иными словами, рассматривать людей как инструмент для достижения цели не было его сформировавшейся в дальнейшем привычкой – это было данностью.

Каэл – который, кстати, был негласным лидером оппозиции, а официально даже к ней не принадлежал – первое время ходил как на иголках. Его подозрения касаясь чистоты намерений Гила всё ещё не улетучились; он понимал, что проверить это можно будет лишь в финале.

Было, конечно, ещё кое-что, и игнорировать это было сложновато – в особенности для Каэла. Разумеется, он рассчитывал, что Гилрэйт, обладая наивысшим индексом спо-

собностей – выше этот индекс был разве что у главы сообщества – в итоге убьёт последнего. В том, что это возможно – как с технической, так и с моральной точки зрения – Каэл не сомневался. Но что дальше будет делать человек, почувствовавший безграничную власть? К тому же ещё и подросток, им дай автомат – они людей без разбора стрелять пойдут, а дай сверхсилу – они мир уничтожат и не моргнут.

В общем, единственным, что сохраняло душевное равновесие Каэла, было всемогущее и всепроникающее чувство долга – и безоговорочное следование идее, которую нужно было воплотить любой ценой.

Впрочем, были всё же плюсы в бросающейся в глаза беспринципности Гила. Каэл надолго запомнил одно из совещаний, на котором присутствовал Гилрэйт. Проводилось оно уже незадолго до переворота и касалось вполне практических вопросов дальнейшего существования.

Планы оппозиции в общих чертах сводились к следующему: милитаризация сообщества, перепрофилирование в отдельную полноправную организацию, дальнейшее создание собственного государства, которое постепенно расширяло бы свои границы. Наиболее остро на данный момент стояла проблема ресурсов – каким бы потенциалом ни обладал человеческий ресурс, им одним всё же не довольствуешься.

– А почему бы нам не заключить договор с Первой Зоной, а в самом конце его благополучно не нарушить? – предложил

Гил, которому решение казалось очевидным.

Он помнил, какая в этот момент повисла тишина – прямо как тогда, когда он выдал фразочку про решение проблемы силой. Лихорадочно думая, что же не то он ляпнул в этот раз, Гилрэйт глянул на Каэла.

Вид того мало чем мог утешить. Каэл провёл рукой по лицу, вздохнул и сказал:

– Прошу прощения за это недоразумение.

Не дав Гилрэйту вставить слово, он добавил:

– Он совсем недавно в нашем сообществе, и пребывание в Первой Зоне не прошло для него даром.

Отсидев остаток совещания с красными ушами – благо, их прикрывали волосы – Гил подбежал к Каэлу, когда все разошлись, и потребовал разъяснений.

– Ты и правда ничего не понимаешь? – Каэл внимательно всматривался в глаза собеседника, ничего, впрочем, в них не видя.

– Что я должен понимать? Все ваши решения – это лишь обходные пути; они сложны и ненадёжны. Все вы прекрасно знаете, каким должен быть итог – но вы все старательно увиливаете. Зачем?

– У тебя что, и правда нет никаких принципов?

– Принципов?..

Вопрос поставил Гила в тупик и сбил с мысли.

– Я не думал пока, есть они у меня или нет и что это вообще такое, – ответил Гилрэйт. – И зачем они... Я вам конкрет-

ное решение предлагаю. Переделай мы наше сообщество в милитаристскую организацию, заключить договор будет раз плюнуть...

– Погоди.

Каэл приложил пальцы к вискам.

– Дай мне обдумать это. Не предпринимай ничего.

Гил даже удивился. Что такого он мог предпринять?.. На него и смотрят-то косо.

Спустя пару дней Каэл подошёл к Гилрэйту и сухо сказал:

– Твои слова имеют смысл.

– Так Вы всё-таки изменили своё мнение?

– Дело не в этом.

Каэл стал перебирать пальцами; затем нетерпеливо достал сигарету и закурил.

– Дело в том, – продолжил он, – что ты озвучил общую идею.

– В смысле?

– Мы давно уже все об этом думали – но никто не хотел выносить на обсуждение.

– Но в чём проблема...

– Забудь. Тебе не понять. Иногда мне кажется, что в тебе есть что-то от обычных людей – это не плохо. Но сейчас не об этом. Просто... Просто в следующий раз говори мне, пожалуйста, заранее то, что собираешься сказать при людях, ладно?

– Но зачем?.. Это же моя идея, а не Ваша, – прищурился Гил.

– Да нет, просто я смогу это преподнести так, чтобы никого не ошарашить.

Весеннее небо мягко светилось розоватым светом; слышалось чирикание птиц. Воздух тоже был каким-то мягким и, как бы это объяснить – многообещающим. Воздух чего-то зарождающегося; воздух надежды. Всё бы хорошо... если бы в него снова не вклинился сигаретный дым.

Каэл присел на скамейку и обратился к Гилрэйту:

– А теперь расскажи мне, как ты собираешься доносить свои дальнейшие планы. Ну вот как бы ты сам это сказал.

– Хорошо, только Вы не могли бы не курить уже, пожалуйста? Меня подташнивает от дыма.

Каэл недоумённо уставился на сигарету и выкинул её.

– Короче... – начал Гил.

– Давай только без «короче», – Каэл поморщился.

– Я полагаю...

– Да.

– Я полагаю, что нам следовало бы заключить договор с Первой Зоной, предварительно сделавшись военной организацией, поскольку Первая Зона точно будет сотрудничать с подобным объединением.

– О, Вечность... – Каэл приложил руку к лицу. – Ладно, главное, я тебя понял. Продолжай. Ах да... объясни, пожалуйста, почему Первая Зона будет обязательно сотрудничать

с нами.

– Но с террористами же она сотрудничает!

– Ладно, хорошо. Ты считаешь, что оставлять наше общество культурным в дальнейшем нецелесообразно, поскольку это неэффективно и ребром встаёт вопрос о ресурсах. Впрочем, данная проблема актуальна в любом случае, и наилучшим её решением ты считаешь заключение сделки с Первой Зоной, которая могла бы снабжать нас этими ресурсами в обмен на сотрудничество и разделение мирового влияния. Однако для того, чтобы его разделить, необходимо для начала его приобрести.

– Ну это проще простого. Мы завоёвываем Вторую Зону и сдаём её Первой.

Каэл сделал вид, что не удивлён.

– У подростков всё просто... Ты думаешь, им это нужно, Гил?

– Да, я считаю, это может прокатить. Вторая Зона хоть и в упадке, но богата ресурсами. Главное – не трогать Третью. Ну, по договору. Но мы же всё равно собираемся его нарушить...

– Хорошо, допустим, я понял и принял твою мысль. Как ты собираешься справиться со Второй Зоной?

– Как, как... Деньги вперёд, вот и всё.

– Ты считаешь, Первая Зона на это пойдёт?

– Да, я почти уверен. Вероятность, к сожалению, высчитать не могу.

– Я позже подумаю над этим. А...

– Каэл, послушайте. На что нам человеческий ресурс? На что нам все эти способности? Вы забываете о том, что у нас *уже* есть.

– У нас есть целое сообщество культурных и мирных людей и оппозиция, которая одна против всех ничего сделать не сможет.

Гилрэйт улыбнулся, посмотрев на Каэла так, будто неоперившимся подростком здесь был именно он.

– Сообщество держится на определённых идеалах, которые насаждаются его главой. А оппозиция, Каэл, нужна для того, чтобы распространить другие идеалы. Посадить семя, так сказать, ухаживать за ним как следует, а затем наслаждаться его плодами.

Каэл отчаянно не понимал уверенности Гилрэйта. Откуда тот вечно вытаскивает решения, потрясающие до глубины души, но в то же время столь очевидные? И почему тот заявляет обо всём так, будто это нечто обыкновенное, понятное даже школьнику (да, именно школьнику) – иными словами, выдвигает идеи так, будто беседует с соседкой на тему сегодняшней погоды?

Убеждённости в эффективности решений он не понимал больше всего. Да, с одной стороны, он и сам осознавал прекрасно, что идея договора с Первой Зоной отнюдь не лишена смысла: на всей планете Вторая Зона обладала наивысшим

ресурсным потенциалом и находилась тогда в такой удобной ситуации разрухи после войны. Сама бы Первая Зона ни за что не решилась нападать в открытую, имея статус миротворца, борца с терроризмом и вообще главного защитника планеты. Именно поэтому, предложи им такую выгодную сделку – они не вправе будут отказаться сделать то, что давно хотели, чужими руками. К тому же с официальным статусом борца с террористами прекрасно соседствовал неофициальный – поставщика ресурсов для всевозможных террористов и военных группировок. Поэтому логика в решении Гилрэйта определённо была... Но всё же Каэлу было искренне любопытно, существует ли вообще у этого человека уголок мозга, отвечающий за сомнение, за допущение возможности провала.

Впрочем, всё чаще Каэлу, когда он видел Гилрэйта, казалось, что перед ним попросту псих. Пару раз он заглядывал тому в глаза – равнодушные стёклышки с каким-то болезненным блеском. Но почему же тогда он готов идти за этим психом? Долг долгом, а Каэл уже давно равнодушно наблюдал за тем, как рушатся его надежды стать новым главой будущей организации – пусть он и не осознавал этого напрямую.

Он помнил, как это произошло тогда. Гил не пожелал, чтобы его идею озвучил Каэл – ему непременно хотелось самому. Что ж, прекрасно. Всё равно ему в дальнейшем это пригодится... если б только не совершенное отсутствие у Ги-

лрэйта навыка нормально говорить. Без слов-паразитов; без бешеного темпа речи и, как следствие, проглатывания слов; без спутанности. И не убедишь к тому же, что, предложи идею Каэл, его послушают с куда большей вероятностью. В каком-то холодном бешенстве негласный лидер оппозиции заставил Ги́ла выучить наизусть отредактированный текст.

И вот они сидят на очередном совещании, и Каэл даёт Ги́лрэйту слово, молясь всем богам, чтобы тот не выкинул чего-нибудь непредвиденного. Поблагодарив Каэла, тот встал со своего места, оглядев всех. Пока что – удивление, сомнения, непонимание.

– Для меня большая честь говорить здесь, поскольку в обществе я, по сравнению с другими, совсем недавно. И, конечно же, мне бы это не удалось без должной поддержки и внимания, – он повернулся в сторону Каэла, буквально на секунду сложив руки определённым образом и сделав лёгкий поклон.

По крайней мере, после этого жеста сомнение в глазах некоторых сменилось на удвоенное удивление.

– Насколько я помню, оппозиция сформировалась благодаря тому, что появилось иное видение ситуации. То, что глава сообщества видел как проявление более высокого статуса в сравнении с обычными людьми, вами рассматривалось как бездействие, а то, что он видел в качестве перспективного будущего, вами воспринималось с большим реализмом, и поэтому более пессимистично.

Он сделал небольшую паузу.

– Я недавно прибыл из Первой Зоны. Конечно, всего я не видел, да и взаимодействовал в основном только с военными, которые вообразили, что имеют право ставить опыты над такими, как мы. Они, кстати, до сих пор так считают. Наверное, не только я ощущаю некое бессилие в этой ситуации, ведь официальная власть сообщества к конкретному решению пока так и не пришла. И, наверное, не только мне кажется, что они зря теряют время, пряча своё настоящее лицо. Хорошо, что нашлось некое сопротивление, желающее взять своё силой и больше не скрываться, однако не вполне понятно, за счёт чего оно собирается достичь цели и где запасной вариант на случай провала. И не теряют ли они точно так же время, собираясь честно, своими усилиями, с множеством неизбежных потерь и без гарантии успеха, заполнить целый мир – чего уж скрывать, этот итог держит в голове каждый? Самое время для иного видения ситуации. Возможно, вы и без того считаете ваши действия радикальными – но это только потому, что есть то, с чем сравнивать. Когда это будет устранено, появится больше простора для мысли – но, увы, это уже будет время действий, а не раздумий.

Давайте вернёмся к нашей цели, состоящей в том, чтобы выйти на мировую арену и заполучить влияние. И ждать, пока люди найдут средство, чтобы нам противостоять? И вести бесконечные войны – за территорию, за ресурсы, за всё то, за что люди раздирают друг другу глотки тысячелетия-

ми? Не слишком ли много бессмысленности – точно такой же, которую в данный момент порождают мелиористские¹³ взгляды главы сообщества? Возможно, именно смутное осознание невозможности сотрудничества с людьми сформировало в своё время оппозицию, переросшую затем в настоящее сопротивление. А потом и подтверждение идее нашлось – можно сказать, оно здесь, перед вами. О каком сотрудничестве может идти речь, если единственное, что пришло в голову людям после встречи с другим видом людей, превосходящим их – это пытаться использовать тех в своих целях, лишая всех прав и не давая развиваться?

К одной точке назначения могут вести разные дороги, и я хочу предложить одну из них. Если кратко (на этом моменте Каэл вознёс благодарности небесам за то, что Гил не сказал «короче»), я считаю целесообразным присвоить нашей организации статус милитаристской после её перепрофилирования для военных целей для заключения в дальнейшем договора с Первой Зоной со следующими условиями: мы обеспечиваем ей контроль над Второй Зоной и всем, чем она располагает, а Первая, в свою очередь, обеспечивает нас ресурсами.

«Слишком быстро. Надо было помедленнее...»

Гилрэйт кинул мимолётный взгляд на Каэла – да, он, видимо, был того же мнения: его брови слегка сдвинулись, а

¹³ Мелиоризм – концепция, согласно которой развитие социальных отношений имеет естественно-историческую тенденцию к прогрессивному их улучшению.

взгляд на секунду опустил.

Гил был уверен, что после этого кто-то что-то да скажет; однако вокруг стояла мёртвая тишина.

«Да у меня просто поразительная способность», – он нервно усмехнулся про себя, но не дал себе смутиться.

– После того, как по крайней мере одна Зона будет в нашем распоряжении и ресурсообеспеченность не будет вызывать сомнений, – продолжил он, – расширить своё влияние будет гораздо проще, и куда выше станет вероятность успеха. Когда мы встанем на ноги, Третью Зону, подконтрольную Первой, можно будет попросту истребить – добровольно нам её явно не отдадут. Это будет как раз тем моментом, когда Первая поймёт подвох, но будет уже поздно. Разумеется, она пошлёт войска в Третью; никто не может предугадать итог, но я искренне верю, что люди со способностями и с техникой имеют больше шансов против обычных людей с той же техникой. Пожалуй, этот этап обещает быть самым сложным, однако победа будет означать мировое господство – Четвёртая Зона в сравнении с Первой не представляет большой угрозы.

Он сделал паузу.

– Пожалуй, это всё, что мне хотелось бы на сегодня сказать.

Он сел на место. И всё же нынешняя гробовая тишина отличалась от той, что повисала в предыдущие разы. В этой тишине, как любят выражаться учителя и преподаватели, слы-

шалось шевеление мозгов.

Наконец один из присутствующих подал голос:

– Прошу прощения. Насколько я помню, Вы сказали, что Третью Зону можно будет «истребить». Вы оговорились или слово было подобрано нарочно?

Гилрэйт чувствовал, что этот человек озвучил то, что было в головах у всех.

«Ну что ж, похоже, придётся открыть огонь на поражение – за свои слова надо отвечать. Прости, Каэл». В лицо последнему Гил даже не посмотрел.

– Извините, что отвечаю вопросом на вопрос, – начал он, – но всё же: что Вы планируете делать, получив контроль над миром? Разве не все тут считают идеи главы сообщества, состоящие в том, чтобы мирно сосуществовать с людьми, провальными? И разве охота кому-либо тратить свою жизнь на то, чтобы руководить теми же людьми? Какой в этом толк – у нас есть свои люди, свои потребности и представления о нормальной жизни. Мы все хотим развития, прогресса. Так зачем же замедлять это развитие в попытках найти ненужный компромисс? К тому же я неслучайно сказал в начале о невозможности сотрудничества. Это ваше дело – принимать решения, но, основываясь на всём вышесказанном и произошедшем, я убеждён в том, что здесь есть один-единственный выбор: либо они, либо мы. И полагаю, они прожили более чем достаточно.

На этих словах он сел на место; от смелости и открытости

высказывания дышать стало слегка трудно. Каэл давно уже сидел белее мрамора и застывши; не желая допустить ещё больше вопросов, он кашлянул и сказал, улыбнувшись:

– Господа, я полагаю, вы уходите в философию. Давайте оставим эти подробности на потом; на мой взгляд, Гилрэйт только что высказал весьма интересные идеи вполне себе практической направленности. А если каждый здесь будет представлять свою политическую программу и высказывать собственное видение ситуации, это, знаете, до бесконечности сидеть можно. Это, конечно, интересно, но давайте после победы.

Люди слегка встрепенулись.

– Основной пункт, по которому следует принять решение – это сделка с Первой Зоной. Пусть вас не пугает необходимость присвоения будущей организации статус военной: это лишь формальность.

– А можно вопрос? – это уже был другой человек.

– Пожалуйста.

– Вы тут такие грандиозные планы строите, но ведь нам как-то с собственным руководством справиться нужно будет. Даже если каким-то образом и удастся убить главу сообщества, куда вы денете остальных? Полагаю, им всё это не очень понравится.

– Не понимаю сути вопроса, – нахмурился Каэл, не дав вставить слова Гилрэйту, который теперь сидел как на иголках. – Здесь всё по старой схеме, ничего не меняется.

– Наверное, Вы имели в виду, что у нас каждый человек теперь на счету? – быстро спросил Гил, поймав секунду.

– Да, именно это я и имел в виду, – с усмешкой ответил человек, задавший вопрос.

– Мы не знаем, как поведёт себя сообщество после всего этого, – железным тоном сказал Каэл, бросив на Ги́ла уничтожающий взгляд. – Но в том, что нам нужно как можно больше людей для осуществления дальнейших планов, Вы совершенно правы. Есть несколько вещей, которые известны наверняка: пацифизм и отрицание насилия во взглядах большей части сообщества, а также то, что данные идеалы распространял именно его глава. Последнее объясняет всё. Не знаю, казалось ли им самим когда-нибудь парадоксом то, что при подобных убеждениях они усиленно развивают способности... Это лишь предстоит узнать.

«Надеюсь, ты доволен?» – он бросил взгляд на Ги́ла.

«Да, всё почти хорошо...» – ответили его глаза, а затем он дёрнулся, чтобы что-то сказать.

– К тому же, – Каэл раздражённо кашлянул, – убийство главы сообщества не так нереально, как нам всем кажется, – он очень выразительно смотрел Ги́лрэйту в глаза, – поскольку на данный момент не он один обладает столь высоким индексом.

Ги́л уныло сидел, кидая туда-сюда молниеносные взгляды.

«Ну хоть уже не выскакивает. Всё, достаточно с тебя», – подумал Каэл ехидно.

Они шли по улице; на фоне раздавалось мирное чирика-
нье птиц, выступая аккомпанементом к голосу Каэла, слегка
истерично звучащего на повышенных тонах.

– Ну это ж надо – всё свести к геноциду! Тебя кто просил
это говорить, кто?! Да я и текста этого не видел...

Гилрэйт плёлся рядом с наполовину унылым, наполовину
насмешливым лицом.

– Текст мой собственный. Когда Вы отредактировали ос-
новной, я изучил все исправления и написал новый с их учё-
том.

– Что ж, тебе это мало чем помогло, – он достал сигарету,
поджёг. – У тебя нет *никакой* ораторской предрасположен-
ности, ясно?! Ты *отвратительно* излагаешь мысль. *Никогда*
больше так не делай!!!

– Каэл, да не нервничайте Вы так. Судя по реакции людей,
всё очень даже хорошо.

– Уйди с глаз моих...

Улыбнувшись, Гил остановился и пошёл в противополож-
ную сторону. Все в этом обществе были со своими причуда-
ми; на Каэла обижаться совсем не получалось. Наверное, он
тоже предчувствует что-то – этот весенний воздух проника-
ет в каждую клетку, разносимый ускорившейся кровью.

Облегчённо закурив, Каэл наконец пошёл медленнее.
Нужно было думать – но думать не получалось.

«Может, он вообще шизик и у него обострение», – поду-

мал он про Гилрэйта.

«Наконец-то весна, – думал Гил. – Аж 7 месяцев мёрзнуть не придётся. По-моему, замечательно».

Глава 3. Время жить и время умирать

В последнее время Гил стал видеть странные сны. Будто бы он жил своей прошлой жизнью в качестве обычного школьника – и приятного в этих снах было мало. Если в действительности одноклассники тогда просто не трогали его, как бы не замечая вовсе, то в этих кошмарах на него обрушивалась вся мерзость их природы – и он ничего не мог сделать в ответ. В ответ на унижения и бесконечные оскорбления он мог лишь наблюдать – будто со стороны, не в силах предпринимать собственные действия. Не в силах; снова это чувство беспомощности перед человеческим идиотизмом – как тогда.

Другой ужас этих снов заключался в том, что они были чересчур реалистичными. Даже, пожалуй, более чем... Бессилие при полном осознании реальности выводило из себя.

До тех пор, пока он не понял, что это не сны. Пока до него не дошло, что его клон ведь по-прежнему школьник. И вовсе не с Гилом это всё происходило, а с тем, другим, отсутствие которого его так напрягло, когда он только очнулся в Первой Зоне.

Не сказать, чтобы это была очень хорошая новость. Конечно, радуется, что доминирующая личность – не этот несчастный; но, с другой стороны, его существование сильно обременяло. И не избавишься ведь – кто знает, какое влия-

ние это окажет.

Хорошо ещё, что люди из сообщества вели в основном ночную жизнь, а то обоим бы знатно поприбавилось проблем на голову. Да и со временем Гилу стало ясно, что не так-то он бессилен.

Обычно тот, второй, не замечал его присутствия. Гил даже поражался тому, насколько у людей не развита восприимчивость. Однако в критические моменты у них как будто устанавливалась некая связь; впервые это стало ясно, когда Рэйт попробовал убить себя.

Это было как раз накануне восстания: Гил и так-то существовал в предельном напряжении, стараясь игнорировать жизнь своей второй половинки, чтобы давать себе хоть какой-то отдых. Но у Рэйта, видимо, были другие планы.

Помнится, тогда ему в очередной раз казалось, что дальше некуда; очередное утро – точнее, уже день – прижало его ко дну всюду распространяющейся апатией, а чувство пронизывающего одиночества и незащищённости, казалось, достигло апогея. По инерции он пошёл в школу, но на полпути повернул обратно домой.

Мать была на работе, и в запасе, считай, целый день. Рэйт достал новое лезвие.

«О, ну за что мне наблюдать это...» – подумал Гил, который надеялся, что тот будет просто лежать или пойдёт шататься по улицам.

Рэйт набрал ванну.

«Отлично, полежи в ванной и подумай над своим поведением».

Затем он медленно взял лезвие...

«Ч-чего?»

... и поднёс его к руке.

«Да твою же налево, ублюдок грёбанный!!! Я для того что ли всё это терплю и стараюсь, чтоб ты в один миг мне всё испортил?! Вредитель человеческий...» – в панике Гил даже не знал, что и предпринять, попутно надеясь, что ужас перед болью возьмёт свое.

Рэйт немного помедлил, а потом взял и полоснул с размаху по наиболее выступающей вене – или артерии, он в них не разбирался. От страха он даже это не смог сделать нормально; впрочем, определённый эффект всё же был достигнут – кровь брызнула фонтаном, а рука стала стремительно неметь, становясь тяжёлой и чужой. От неожиданности Рэйт слегка вскрикнул.

Гил понял, что пора что-то делать. «Ты доминирующая личность или кто?!» Он изо всех сил попытался осознать себя, для того, чтобы подключиться к сознанию Рэйта. А кровь всё вытекала... Впрочем, тот попытался снова взять лезвие, чтобы сделать то же и с другой рукой.

«Да ты же просто потеряешь руку, эй!!! Или обе руки!»

Рэйт, конечно же, не смог объяснить себе источник внезапно появившейся паники. Он схватился за рану, инстинктивно прижав её.

«Даже это наверняка сделать не можешь! Вылез и перевязал руку!»

Гил, конечно же, не был в курсе, что делать в такой ситуации; поэтому Рэйт не нашёл ничего лучше, кроме как плотно завязать на руке тряпку – во время поисков которой он заляпал кровью пол и коврик. Видимо, рана и впрямь была не смертельная, поскольку кровь через какое-то время остановилась.

Придя домой, мать Рэйта была приятно удивлена, что сын сделал уборку по собственному желанию, помыв пол и даже почистив коврик.

Гил в ту ночь долго не ложился спать, давая Рэйту подольше отдохнуть. Нет, всё-таки ему даже было немного жаль этого несчастного человека.

Помнится, учитель часто говорил Гилу – особенно поначалу – что последний во время боя с использованием способностей слишком много сил тратит на защиту и блокирование боли. В этом пацифистском сообществе боевая практика использовалась как упражнение, позволяющее развивать способности и, собственно, определять их величину – ведь в зависимости от этого строилась иерархия, нарушить которую не только никому не пришлось бы в голову, но и не

представлялось возможным.

Надо сказать, что так называемый индекс способностей получил не вполне правильное название. Область мозга, отвечающая за их использование, далеко не является их источником; источник – это нечто извне, что люди из сообщества, в отличие от обычных, могут воспринимать. На одном лишь восприятии эволюция не остановилась и позволила им управлять этим. В теории, которую объясняли всем новеньким, это нечто извне – энергия, пронизывающая всё вокруг, и которую, обладая «способностями», можно подчинять себе в разном виде и в разной степени. Гилрэйту эта энергия представлялась всегда в форме множества невидимых потоков, свободно летающих в воздухе, а любое живое существо – таким сгустком потоков, запутавшихся и застрявших в теле. Будь у Гила побольше времени, он бы, может, разработал собственную теорию на этот счёт... Но ему надо было заниматься восстанием, так что метафизика¹⁴ оставалась его второй половинке.

Готовясь к тому, чтобы убить главу сообщества и по совместительству своего учителя, Гил не раз задумывался о том, что нарушает иерархию. Не сразу он понял, что если ему всё же удастся это сделать, то нарушения уже никакого не будет – это будет означать, что его индекс выше. Да, от природы

¹⁴ Раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового. Часто упоминается как синоним к понятию «философия»; в данном случае употреблено иронично.

людям даётся разная восприимчивость к энергии, однако её тоже можно развивать. Или, в соответствии с другой точкой зрения – доводить до того предела, который был дан изначально.

Гилрэйт хорошо помнил тот день. По факту, это был день своеобразного экзамена, на котором он должен был продемонстрировать всё, чему научился за это время. Про то, чтобы не тратить слишком много сил на защиту и блокирование боли, он помнил – хотя последнее его несколько смущало: он был уверен, что целым и невредимым с экзамена не выйдет. Но и боль во время такого боя тоже воспринималась как-то по-другому...

Гил решил сделать вид, что выдохся в самом начале, выложившись чуть ли не на полную, а в конце нанести внезапный смертельный удар. Однако делать вид даже не пришлось – противник атаковал настолько сильно с первых же минут, что Гил был попросту сбит с толку. По ходу дела меняя тактику, он решил потихоньку сводить свои атаки на нет, создавая видимость бессилия, а решающий удар всё так же оставил на конец. Вопрос теперь состоял в том, хватит ли ему сил.

Вот дошло до того, что Гилрэйт исключительно защищался. Он, конечно, не видел глаз противника в этот момент, но выражение его лица представлял хорошо. Нет, не могла эта наглая ложь прокатить.

– Ну и чем ты занимаешься? – на повышенных тонах спросил глава сообщества. – Этот приём стар как мир.

«И как Вы», – не мог не усмехнуться про себя Гил.

– К тому же тебе он сейчас ни к чему. Если ты думал нанести решающий удар в конце, то идея странная. Это больше проверка, нежели поединок; так что выкладывайся на полную сейчас.

«Что же это Вы так разволновались...»

После этих слов Гилрэйт приободрился. Стало быть, соперник допускает собственный проигрыш – это о многом говорит. Однако проблема никуда не девалась: даже если Гил соберётся и снова сожжёт всё в радиусе нескольких километров, главу сообщества это вряд ли затронет – а сам он только потеряет силы.

Оставалось лишь сражаться на износ и надеяться, что противник выдохнется быстрее. О том, чей же индекс всё-таки выше, Гилрэйт старался не думать.

Чего он только не пробовал. И впрямь выложился на полную: это были и простые атаки, и небесный огонь (после чего Гил чуть было не провалился во внезапно образовавшуюся трещину под ногами), и различные отвлекающие маневры – и во время всего этого не следовало забывать о защите. Единственное, чего он не пробовал, это, пожалуй, воздушная воронка, или мини-торнадо.

Этот приём требовал определённого времени на подготовку, и в это время очень желательно было находиться в

полной сосредоточенности. Гилрэйт плохо представлял, как это возможно при постоянных атаках, но попробовать он обязан был. Установив защиту средней мощности и молясь, чтобы учителю не пришло в голову атаковать сильнее, чем можно было отразить, Гил для начала постарался сконцентрироваться.

Удивительно, но это ему удалось на ура – видимо, он уже достаточно выдохся для того, чтобы не отвлекаться ни на что. Идиотское подсознание усиливало защиту, но у Гилрэйта не было времени с ним разбираться. Впрочем, это оказалось не зря – мощный удар противника чуть было её не разрушил. Гил только усмехнулся; отчего-то стало очень весело. Закончив формирование воронки, он резко направил её в сторону соперника.

В ту секунду, отделявшую его атаку от действий главы сообщества, Гилрэйт успел подумать, что всё же им сказочно повезло в том плане, что Вторая Зона изобилует бесхозными пустырями. Удивительно явно он услышал хруст мёрзлой травы под ногами...

Секундное затишье перед бурей. Огненной бурей. Произошло то, чего Гил никак не ожидал; да что там – он и не задумывался, что такое возможно. Воронка разрослась до такой степени, что скрыла в себе человека; а затем по ней стремительно начала подниматься огненная струя, и, когда она распространилась по всему закручивающемуся потоку, менее секунды понадобилось Гилу, чтобы понять, что оно дви-

жется в его сторону.

Он бросил на защиту все силы. Ему повезло, что противник уже чувствовал себя так же неважно, и спустя короткое время атака прекратилась.

Вокруг была взрыхлённая земля, с которой будто содрали слой травы, и вырванные с корнем кусты. А, и дурацкая доска с торчащим гвоздём, захавшая зазевавшемуся Гилрэйту под ребро, пока он делал воронку – ладно хоть не остриём гвоздя.

Соперники сидели друг напротив друга; казалось, стоять сил не было. Порывистое дыхание вырывалось у обоих из лёгких.

«Да я и впрямь его вымотал, – подумал Гил. – Пожалуй, теперь он и защититься-то не сможет. Как, впрочем, и я».

«Всё-таки Каэл был прав».

Гилрэйт собрался, встал и заковылял по направлению к главе сообщества. Тот тоже встал с места и отряхнулся.

– Знаешь, Гилрэйт, – начал он, – я думаю, наши способности равны. До этого я сомневался...

Гил тем временем подошёл на достаточно близкое для разговора расстояние.

– Это большая честь для меня, правда, – он склонил голову, затем медленно выпрямился и запустил руку под куртку.

– И такой вариант я тоже предполагал, – усмехнулся глава сообщества, пока Гил доставал пистолет.

Вскоре два ствола смотрели друг на друга, как и два изум-

лённых человека.

– Стрелок из меня, правда, никакущий, – со смешком сказал соперник Гилрэйта.

– Да и из меня, честно говоря, тоже...

– Скажи мне – зачем? Я, конечно, мог бы заранее организовать себе подмогу, но я не вижу смысла. Ты молод. И я всё равно планировал сделать тебя своим преемником – кроме тебя мне не было равных. Какую цель ты преследуешь?

Гил помедлил.

– Так хочет оппозиция, – только и смог выдохнуть он.

Затем, видя резко изменившийся взгляд главы сообщества, он добавил:

– Вернее, нет. Так хочет будущее.

Он даже не удивился, услышав вдалеке шум приближающегося мини-шаттла для передвижения по городу.

– Если выстрелите в меня, Вас убьют тут же, – проговорил Гилрэйт. – И таким образом, сообщество останется сразу без двух сильнейших людей.

– Можно было этого и не говорить.

Он медленно опустил пистолет.

– Я просто хочу, чтобы Вы знали, – начал Гил, смотря учителю в глаза, – мы не варвары какие-то. Ваши слова по поводу того, что в оппозиции одни отбросы, лишены смысла. Просто сложившаяся ситуация требует стремительного прогресса – а Вы этот прогресс обеспечить не можете. Вернее, не хотите.

– Успокойся, всё, что ты говоришь, написано в твоих глазах, – он улыбнулся уголками губ. – Стреляй уже. Не хочу, чтобы они сделали это за тебя.

Гил вздрогнул, потом на секунду отвёл взгляд.

– Мне жаль, что я не могу сделать это как полагается, – сказал он, оправдываясь.

– Формальности, – глава сообщества махнул рукой.

Гилрэйт выдохнул – как учил его Каэл – и выстрелил.

– Знаешь, Гил. У тебя неплохие задатки для начала, даже очень. Единственное – ты мог бы быть гораздо эффективнее, если б не тратил столько энергии на оборону и блокирование боли. Ты перебарщиваешь с этим. Тебе настолько страшно?

– Да я как-то не привык сражаться с соперником... – проворкотал тогда Гил, исподлобья смотря на учителя.

– Ну конечно, – тот рассмеялся. – Аэропорт – хоть и огромный, но довольно беспомощный соперник. Не обижайся, я не со зла, – добавил он.

– К тому же я как бы не люблю, когда мне делают больно.

– Не переживай, я всё понимаю. Ты только из Первой Зоны. Со временем ты справишься с этим – ведь для того, чтобы подчинить себе энергию, в первую очередь нужно научиться как следует управлять собственным телом.

Гилрэйт тогда подумал о том, что будь он хоть калеккой в

инвалидном кресле, аэропорт всё равно бы сторел. Впрочем, этот человек учил его взаимодействию. Взаимодействию с другими, ему подобными.

– Скажите, а как Вы относитесь к оппозиции? – спросил как-то Гилрэйт у главы сообщества.

Тот сдвинул брови; его глаза в момент стали какими-то стеклянными.

– Конечно, рано или поздно ты должен был узнать, – он вздохнул. – В так называемой оппозиции собраны все отбросы сообщества. Те люди, которые не смогли побороть в себе свои губельные желания, комплексы или обиды. Наверное, их можно понять, если постараться... Но я не понимаю. На то мы и превосходим людей, чтобы не действовать их методами. Наша цель – развитие, наш путь ведёт к совершенству. Да и сама идея о том, что один вид должен главенствовать над другим, абсурдна. Разве обычные люди кидаются уничтожать животных?

«Животные не приносят столько вреда. И животные не претендуют на главенство над людьми. Вы живёте в каком-то своём, очень странном мире...»

– Скажите, а если люди загородят Вам путь к совершенству?..

Помнится, этот вопрос так и остался без ответа, ненавязчиво висеть в воздухе.

Когда Каэл подошёл к месту происшествия, Гилрэйт стоял там же, у трупа, покручивая в руке пистолет.

– Вышло очень досадно, – сказал он. – Мне жаль, но индекс способностей у нас оказался одинаковым. Мы ведь похороним его, как полагается?

– Естественно, – ответил Каэл удивленно. – Идти можешь?

– Конечно, без проблем.

– Хорошо. Давай сюда пистолет, зачем он тебе... – Каэл протянул руку, однако Гил уклонился.

– Я хотел бы оставить его себе. Можно?

– Н-ну как хочешь... – протянул Каэл, слегка сбитый с толку. – Он заряжен?

– Естественно. Я ведь потратил всего одну пулю.

– На предохранитель поставил?

– Забыл, – ответил Гилрэйт, машинально щёлкнув железкой.

Пока они ещё шли до шаттла, Каэл осторожно сказал:

– Послушай, ты всё сделал правильно. Если тебе сейчас не по себе, то это пройдёт.

Гил усмехнулся в ответ.

– Я не об этом думаю, Каэл. А о том, не пошатнётся ли твой авторитет после того, как главу сообщества убил я. Да

и по иерархии я выше. Ты как считаешь, а?

«Даже будучи главой организации, он всё равно будто шёл своей дорогой, отдельно от всех», – позже неоднократно вспоминал Каэл.

Именно тогда, в тот момент, когда Гил произнёс ту фразу, Каэл почувствовал это впервые. Ошеломлённый, он, однако, уже как будто был готов принять свою второстепенную роль. Просто осознавать поначалу было как-то больновато.

Еще Каэл думал о том, что Гилрэйт попросту оказался в нужное время в нужном месте. Этот человек обладал поразительной способностью чувствовать общий настрой, лучше даже сказать – некое общее для всех подсознание. То, что ни в коем случае не озвучивалось, и, возможно, даже то, что люди сами напрямую не осознавали. В том, что Гил потом стал главой организации, не было никакого чуда. Он просто воспользовался тем, что было дано ему от природы, и сложившейся обстановкой.

Для Каэла это общее подсознание находилось под завесой тайны. Именно поэтому, когда Гилрэйт высказал сумасшедшую, на его взгляд, идею о том, что большая часть – если не бóльшая – людей из сообщества со значительной вероятностью захочет присоединиться к новой организации, Каэл чуть было не рассмеялся. Он, конечно, всегда брал во внимание возраст Гила, но в этот раз тот прямо превзошёл себя.

– Каэл, а что тебя смущает?

Эта появившаяся с недавнего времени идиотская манера Гила обращаться к нему на «ты», да ещё и с упоминанием имени, выводила главу оппозиции из себя.

– Ну как бы тебе сказать, – натянуто улыбнулся Каэл. – Представь себя на их месте. Тебе бы понравилось, если бы какой-то невесть откуда явившийся человек – пусть даже и с наивысшим индексом способностей – убил твой непререкаемый авторитет?

Гилрэйт задумался.

– Сложно представить. У меня ещё не было авторитетов...

– Ладно, хорошо... – Каэл приложил руку к лицу. – Представь, что было что-то, чему ты полностью доверял, что ты уважал и чьим советам следовал, поскольку рассматривал их как указания свыше. Возможно, были у тебя в мыслях какие-то отклонения от курса – но ты упорно продолжал идти верной дорогой, поскольку этот кто-то выше тебя по статусу и знает лучше, – на этом моменте Каэл сам начал сомневаться в своих словах. – А потом его взяли и убили! И человек, который это сделал, предлагает свою кандидатуру на место предыдущего.

– Ты всё видишь как-то не так, а уж последний пункт – полнейший абсурд, как ты говоришь. Ты мыслишь на уровне личностей; я не предлагаю кандидатуру, я – точнее, мы – предлагаем идею. У меня такое чувство, что ты рассматриваешь наших людей как совершенно обыкновенных.

– В типах мышления есть точки соприкосновения, – хо-

лодно процедил Каэл.

– Я приведу другую аналогию, – сказал Гил. – Вот у тебя есть родители, которые для тебя – авторитет, и чьим советам ты беспрекословно следуешь, поскольку рассматриваешь их как указания свыше. Естественно, ты воспринимаешь этих людей как кого-то, высшего по статусу. Но потом ты взрослеешь и понимаешь, что идеи этих людей уже не такие авторитетные. Ты можешь всё ещё пользоваться их средствами, но мыслишь ты уже по-другому – поскольку их мышление не обеспечит тебе прогресса, даже если у них другое мнение на этот счёт. И ты рано или поздно покидаешь их. Ты как бы рушишь свой старый мир – чтобы создать новый, более осознанный.

– Не надо было давать тебе читать мои книги, – Каэл закатил глаза. – Ибо подростки, у которых всё слишком просто, всегда понимают их не так.

– Ну что тебе опять не нравится?

– Попробуй, объясни это людям.

– Ну я и попробую – только другими словами. Ты действительно считаешь, что кому-то можно что-то навязать? Это редкость. В большинстве случаев в людях можно просто пробудить то, что давно плавало у них в подсознании.

И этот день тоже снова и снова вставал в памяти Каэла, как впервые. Он помнил огромный зал и множество людей – людей, через которых будто проходила единая струна, и сто-

ило её неправильно задеть – она бы лопнула, дав им полную свободу действий. Это, пожалуй, одно из основных их преимуществ над обычными людьми: они могут ждать и обдумывать.

В подвале галереи не нашлось таких больших помещений, и поэтому пришлось переместиться в её наземную часть. Ночь, плотно занавешенные окна, прекрасная шумоизоляция; снаружи здание выглядело так, будто его закрыли на реставрацию. Даже вон кое-где краска на стене облупилась...

Внутри – много света, людей – кто-то в непонятках, кто-то готов перегрызть тому, кто стоит у кое-как сооружённой трибуны, глотку...

Впервые в жизни Каэл махнул рукой. Он заранее приписал себе на этом мероприятии роль наблюдателя с ладонью на лице; единственное, что позволило ему на это пойти – вероятность. Как считал Гил, большая, и как считал он, Каэл – мизерная. Но то ли слепая надежда, то ли интуиция подсказывала, что даже малейшая вероятность может обернуться успехом.

– Моё имя Гилрэйт, я обладаю наивысшим зарегистрированным индексом способностей, и сегодня я буду говорить от имени всей бывшей оппозиции.

– Наивысшим?.. – донеслось из зала.

– Да, такой же был только у ныне покойного главы сообщества, – невозмутимо ответил Гил. – Но покойный он не поэтому.

Каэл не знал, смеяться ему или плакать. Его поражало, как ещё никто ничего не попытался сделать с горе-оратором. Впрочем, он только начал...

Человек, задавший вопрос, демонстративно покинул зал.
– Очень жаль, что для того, чтобы донести свою мысль, приходится прибегать к таким мерам, – сказал Гилрэйт после паузы. – Я имею в виду, что будь глава сообщества жив, оппозиции бы и мечтать не пришлось о том, чтобы её выслушали. Однако я здесь не для обвинений – ни с той, ни с другой стороны.

Он обвёл всех глазами – пока тишина.

– Наверняка все здесь уже знают о ситуации в Первой Зоне. Я про бесчеловечные эксперименты над нашими людьми. Я сам через них прошёл, и поэтому, возможно, обеспокоен положением чуть больше, чем другие... Так я, по крайней мере, могу заключить из того бездействия, которое давно уже висит в воздухе, и воздухом этим дышит сообщество, чьей главной задачей является постоянное развитие через самосовершенствование. Опять же, я не хочу никого обвинять – наверняка у всех было это ощущение бессилия и, возможно, шока.

Намерения главы сообщества были по-настоящему благородны – оппозиция это признаёт и, как бы странно ни прозвучало, чтит его память. Он хотел существовать в мире с людьми, вести с ними диалог... Помню, когда я был в Первой Зоне – защитнице прав человека по всему миру, передо-

вом государстве – я спросил у них: имели ли они право похищать меня из Второй Зоны и насильно удерживать в Институте внешних исследований? Ответ не забуду никогда. Мне сказали, что под определение человека я не подхожу, стало быть, правами человека не обладаю. Как же вы собирались вести диалог с людьми, не обладая базовыми правами?..

Но все, наверное, чувствуют, что проблема лежит несколько глубже. Глава сообщества по факту сам себя подставил, провозгласив развитие и стремление к совершенству основной целью. Ведь в выборе цели он был абсолютно прав – вряд ли кто-то может поспорить. Проблема в методах – не будь её, не было бы и оппозиции.

Исследованиями доказано, что наш мозг и мозг обычного человека работает немного по-разному. Также мы отличаемся, конечно же, способностями. Отличия – не повод для конфликта; так считал глава сообщества, это общеизвестная норма. Он говорил: «Что было бы, если бы люди кинулись уничтожать животных?» В то же время обычных людей он животными не считал; это скорее была грубая аналогия. Так вот, проблема как раз и кроется в том, что люди – не животные. Мы относимся к одному виду, и распространённой теорией, насколько мне известно, является то, что мы очередная ступень эволюции. Этой точки зрения придерживаются не все – я и сам не отношусь к числу её сторонников. Но если и так: как может произойти эволюция, если её предыдущая ступень никуда не девается, да ещё и препятствует развитию

новой ступени?

Что вы делаете, если на дороге к вашей цели лежит препятствие? Вы его обходите. А если обойти не получается, вы его уничтожаете. Вы же не заботитесь о том, чтобы камню на дороге было удобно лежать?

Кто-то скажет, что сравнение с камнем неудачное, поскольку здесь речь идёт о живых существах, с которыми нужно как-то разделять планету. Но если они сами этого не хотят, и к тому же, в отличие от тех же животных – даже не приносят пользу?

Глава сообщества говорил мне, что в оппозиции собраны отщепенцы с детскими обидами. Да, конечно, вряд ли здесь найдётся много тех, кому от людей не доставалось. Но речь идёт вовсе не об обидах прошлого; прикрываясь этой отговоркой, он забывал о будущем. А практика показала, что у прежнего сообщества будущего не было. По той самой причине, что, когда пришло время для конкретных решений конкретной проблемы, вы зашли в тупик. А время идёт, и наши люди до сих пор страдают. Кто-нибудь ещё готов жертвовать нашими людьми ради благосостояния обычных из непонятно откуда взявшихся моральных соображений?

Несмотря ни на что, я благодарен главе сообщества. Он заложил те необходимые основы – в том числе, конечно же, материальные – на которых мы выросли как единое целое, без которых нельзя было никак. Он дал нам настрой и благородные принципы. То, что он дал нам цель, сказать не мо-

гу – он скорее озвучил то, что было у всех в подсознании с самого начала.

Немного погодя это пыталась сделать оппозиция; однако её не слушали. Поэтому теперь, когда нас, наконец, слышит всё сообщество, я на всякий случай напоминаю: наша цель осталась неизменной – стремление к совершенству, и поскольку цель эта высшая, ничто не встанет на нашем пути. И отсюда вытекают методы, а именно – реализация природного превосходства. Их даже выдумывать не надо – они были даны изначально. И, наконец, в отличие от главы сообщества, мы предлагаем реальный план действий – и уже не в качестве оппозиции, а в качестве отдельной, новой Организации. И каждый из присутствующих здесь нужен нам, нужен как часть неделимого целого – но прежде всего это нужно каждому по отдельности.

Если люди позиционируют себя как наших врагов, мы не будем сидеть сложа руки. Наша цель – не показать природное превосходство, а использовать его во благо нашему общему будущему, – два последних фрагмента Гил проговорил на чуть более повышенных тонах.

Там ещё было много всего; но основная, «агитационная» часть закончилась примерно на этом моменте. Каэла радовалось, что Гилрэйт уже столько раз повторил планируемую программу действий ему самому, а затем и оппозиции, что теперь без труда мог сделать это здесь и ответить на неизбежные вопросы.

«Ладно, может, я не зря с ним возился», – думал Каэл мимоходом.

В целом его удовлетворила произнесённая речь. По крайней мере, слушая её, даже не хотелось приложить руку к лицу. Но больше его удивила реакция остальных.

Во-первых, Каэл был уверен, что Гилрэйта бесчисленное множество раз перебьют. Представляя себя на месте этих людей, он чувствовал негодование на то кощунство, учинённое убийцей их главы. Ещё слушать этого человека? Да мы скорее кости ему переломаем!

Кем себя мнит этот отпрыск из оппозиции, позора всего сообщества? И на что *вообще* надеются эти люди?!

«И почему этот ребёнок возомнил себя главой оппозиции, и что не так со мной, что я ему потакаю...»

«Так, спокойно. Мы ушли от мысли. Это иерархия, и у тебя нет выбора».

«Нет, это не иерархия! Глава сообщества тоже обладал наивысшим индексом, и мы не считались с его мнением».

В общем, все эти размышления сводились к тому, что у Гила нет шансов. «Общее подсознание», как тот выразился, Каэл вообще не брал в расчёт. А оно предстало перед ним во всей своей красе. Ближе к концу речи в зале, вопреки ожиданиям Каэла, установилась такая тишина, что тише, пожалуй, не было даже в гробу. Наверное, если бы в эту тишину не вклинивались слова Гила, то слышно было бы дыхание.

«Я просто идиот, – думал Каэл. – Эти люди – то же, что

спичка: стоит лишь на короткий момент поднести пламя, и она вспыхнет. Ну разве просто так они практиковали способности всё это время? Ну неужели для саморазвития?.. Они и подчинялись-то бывшему руководству... по *инерции*. А Гилрэйт... не сказал им *ничего нового*. Он просто собрал воедино и озвучил то, о чём в той или иной форме думал каждый. Это и есть общее подсознание».

Естественно, кто-то отказался вступать в Организацию. Это были отчаявшиеся, выгоревшие, или упрямые люди. Однако вступило не большинство, как предполагал Гил, а подавляющее большинство.

Впрочем, в противном случае они бы остались совершенно одни против непонятого, меняющегося мира.

Когда всё закончилось, Гилрэйт обратился к Каэлу – он говорил быстро и каким-то вымотанным голосом:

– Каэл, найди мне людей из бывшего руководства; я всех не знаю.

– Вы имеете в виду руководства сообщества или оппозицией, господин диктатор? – съязвил тот.

– Сообщества. Ведёшь себя хуже, чем подросток...

Каэл уже ничему не удивлялся, и поэтому просто сделал так, как его просили. К счастью Гила, они согласились проследовать за ним в небольшое помещение – одно из ответвлений зала.

– Прошу прощения, я надолго вас не задержу, – сказал Гилрэйт во время поклона, стандартного жеста при встрече

с людьми руководящих должностей.

Ему уже было как-то тяжело дышать, и он очень боялся сказать что-то не то.

– Мы просто надеемся, – сказал он, – что вы не оставите свой долг и в новой Организации.

Люди переглянулись.

– Для нас было бы большой честью видеть вас на прежних местах; и я очень надеюсь, что теперь вы сможете полностью реализовать свой потенциал.

Гил выжидающе посмотрел на них усталым взглядом; с определённого момента у него начали периодически плясать искры перед глазами – наверное, из-за того, что в помещении стало слишком душно, а у него вечно была какая-то патологическая нехватка кислорода.

– На меня можете рассчитывать, – сказал один из людей, приложив правую руку к левому плечу.

«А неплохой жест...» – подумал Гилрэйт мимоходом.

– На меня тоже, – ещё несколько из присутствующих коротко кивнуло.

– Благодарю вас, – Гил склонился ещё раз, – и добро пожаловать в Организацию.

Выйдя наконец на воздух, Гил глубоко вдохнул. Искр в глазах стало совсем много; от непонятной слабости по всему телу он плюхнулся на ближайшую скамейку. Его стала сковывать непонятная дремота; решив посидеть хотя бы

несколько секунд с закрытыми глазами...

– Гилрэйт!

Из этого состояния его вывел голос Каэла. Он с трудом приподнял веки.

– Я только хотел сказать...

– Не называй меня так.

Фраза вырвалась как бы сама собой; позже он не мог вспомнить этот момент и просто принял его от Каэла, как данность. Сейчас же он будто говорил во сне.

– Думаю, можно просто Гил. Остальное лишнее.

– Ладно, как хочешь, – удивлённо проговорил Каэл, сбивший с толку.

– И ещё – я так устал, что не могу идти.

Эти слова он проговорил уже с закрытыми глазами.

Ослепительный блеск Первой Зоны, которым та встретила представителей Организации, запомнился Гилу надолго и вызвал в нём удивление. Во время своего первого пребывания в этом месте ему как-то не приходилось созерцать то, что видели обычные люди. Разве что воздух без какого-либо запаха остался тем же.

Ему было смешно, что теперь он будет вести с этими людьми переговоры. Интересно, сильно они будут возмущаться нарушению договора? Или проявят какие-то дипло-

матические качества? В последнем случае было бы очень занятно.

Будет ли там Министр Иностранных дел? Было бы очень даже здорово. Разве что у Гила и сейчас нет ни гражданства, ни прав человека. Однако в данный момент последние скореегодились бы тем, с кем Организация собирается вести переговоры; жаль только, что под определение полноценный людей они не вполне подходят...

Увидев Министра Иностранных дел в качестве председателя переговоров со стороны Первой Зоны, да ещё и узнав его основную должность, Гил чуть было не засмеялся.

«Как же жаль, что я не могу оставить тебя в живых! Я бы с радостью понаблюдал хоть какое-то время, как бы ты жил в новом мире – где такие, как ты, будут чувствовать себя лишними, а не такие, как я!»

Да, всё-таки беседовать с этим человеком в нормальных условиях было одно удовольствие – как смотреть спектакль: ты знаешь, что исход событий предрешён, и даже знаешь, чем всё закончится – но наслаждаешься представлением.

Гил и не подозревал, что наблюдать за дневными страданиями Рэйта – далеко не предел. Когда тот нарисовал его портрет, Гилу хотелось смеяться. Но у него и в мыслях не было, что Рэйт возведёт его в ранг божества.

Теперь приходилось не только наблюдать за дневными страданиями, но и выслушивать вечерние жалобы. И это уже было мучительно.

Особенно Гилу запомнился один из вечеров. Рэйт сидел в полутьме – мягкий свет давал лишь ночник, включённый с той целью, чтобы освещать рисунок. Он говорил беззвучно, одними губами; казалось, ещё чуть-чуть – и он свернётся на полу, так же безмолвно рыдая.

Когда он начал, его губы ещё только-только подрагивали.

– Я хочу умереть. Я хочу умереть. Я хочу умереть... – после ещё нескольких повторов он вздрогнул.

– Мне больше не с кем разговаривать, я совершенно одинок и один. А с Вами я чувствую такую непонятную общность... Что за бред я несу; я не знаю... Но убейте их всех, и меня тоже убейте, меня в первую очередь; я не могу больше... Мне плохо!..

«Да ну не могу я тебя убить...» – с досадой думал Гил, которому это всё действовало на нервы хуже некуда.

– Пожалуйста! За что мне это всё?! Я просто хочу исчезнуть, я всё равно живой мертвец... Мне не нужно ничего, я хочу умереть... – схватившись за край кровати, он согнулся, заливая слезами коврик, который когда-то отмывал от крови.

«Если б ты знал, что твоя жизнь необходима для поддержания моей...»

– Я не знаю, зачем говорю это всё, но мне почему-то ка-

жется, что Вы меня слышите!

«Если бы только *ты* мог меня слышать...»

– Вы мой бог, я ни к кому ещё ничего такого не чувствовал!..

«Как же иронично, что из всех богов мира ты выбрал практически самого себя, предварительно возведя в этот ранг».

– Убейте меня-а... – он снова сорвался и сложился пополам.

«Хорошо, я убью тебя. Только подожди немного. Подожди до момента окончательной победы. Ты умрёшь, обещаю».

«Я пожертвую своей нормальной жизнью ради тебя, доволен?!»

Почувствовав резкую усталость, Рэйт лёг в кровать. Непонятный покой с примесью какой-то смертельной горечи разлился по телу. В этот раз он уснул быстро.

Проснувшись, Гил долго сидел в кровати, думая.

«Нет, иного выхода и правда нет. Я готов нести ответственность за смерти миллионов людей, но чтобы из-за меня так страдал один человек... я не готов».

После того, как государства людей были повержены, Гил потому и медлил с суицидом, что ему показалось, будто у Рэйта появились какие-то шансы на то, чтобы вписаться в общество. Ну и не то чтобы только поэтому... Ему попросту вскружила голову сложившаяся ситуация. Гилу не вери-

лось, что вот теперь, *теперь* нормальная жизнь не то что не за горами – она здесь, перед лицом. Более того – он ведь сам участвовал в составлении планов на будущее, которое теперь стало настоящим. Несмотря на то, что ему никогда не приходило в голову размышлять о возможности провала, в то, что теперь весь мир и впрямь принадлежит людям с природным превосходством, верилось с трудом. Но это было так. И почему же он должен уходить?..

Он заметил, что и Рэйт пребывал в какой-то эйфории. Потом он понял, конечно, что эйфория эта была предсмертной – но было всё равно уже слишком поздно.

Когда Гил глазами Рэйта увидел Эстер на той горной дороге, ему оставалось лишь горько усмехнуться. Очень горько и очень безнадежно.

«И почему вы все хотите меня убить... Вам двоим я как раз ничего плохого не сделал. Но от тебя, Эстер... Я никак не ждал, правда».

Вот она приготовила пистолет; Гил невольно залюбовался тем, как она резким движением головы откинула с лица нависающую прядь. Интересно, сколько она тренировалась перед этим стрелять?..

«Ну и чего ты так боишься? – подумал Гил, уловив страх Рэйта. – Я же обещал, что умрёшь после победы. И чуть было не нарушил своё обещание».

Чёрная матовая железка даже не блеснула в лучах рассветного солнца. Конечно, без разговоров мы не можем – что

Каэл, что она. Гил внезапно пожалел о том, что она стоит слишком далеко, и лицо разглядеть трудно.

«Интересно, почему ты не завила волосы, как обычно? Хочешь выглядеть более серьёзно, или тебе уже давно наплевать на внешний вид?»

Порыв ветра ударил в нос запахом скошенной травы; а когда он улетел так же внезапно, как и прилетел, пуля ударила Рэйту точно в лоб.

Спасибо тебе, Эстер.

Гладкие стены бункера отливали голубоватым – всё из-за лучей карманных фонариков. Сыроватый воздух прекрасно пропускал через себя малейший звук, распространяя его на большие расстояния. Сейчас в этих подземных убежищах и складах, сохранившихся со времён далёкой Третьей Межпланетной, а затем служивших штабом Организации, царилла пустота.

Однако так только казалось на первый взгляд, если закрыть уши. Если же их не закрывать, сложно было игнорировать топот четырёх ног в совокупности с голосами, старательно трансформируемыми в шёпот.

Вскоре из глубины коридора, предшествуемые бликами от фонариков, появились двое. Их едва ли можно было назвать подростками – лет 12 от силы.

– Может, дальше не надо? – робко спросил мальчик. – Мне лично уже неинтересно.

– Да ладно, ты же можешь себя защитить!

– Да не про это я... Ну нам и так предъявят за то, что нас целый день не было. Ну неправильно это!

– Слушай, – девочка раздражённо обернулась, – чего ты тогда за мной потащился? Ты понимаешь, что мы находимся в историческом месте, а когда из этого сделают музей, оно из исторического превратится в общественное, и ничего интересного уже не будет!

– А мне уже неинтересно, – буркнул её друг.

– Прошу, товарищ, выход там! – она улыбнулась и картинно поклонилась, указывая рукой в чёрную глубину коридора, из которой они только что вышли.

– Да не ори ты так, пожалуйста...

– А я буду орать! А! А-а! А-а-а!!!

Эхо, отдающееся от стен, больно било по ушам.

– Вот именно поэтому с тобой никто, кроме меня, не общается, – раздражённо процедил мальчик.

– Ерунда, они просто ниже меня в иерархии и боятся меня.

– Да я и сам тебя боюсь... – он усмехнулся.

Повисло молчание, но буквально через секунду девочка внезапно начала корчиться с ужасной гримасой на лице, сползая на пол.

– Что? Что случилось?! – её спутник мгновенно установил

защиту для обоих.

– К-как бо-ольно... О-оч-чень больно... А-а-а-грххх!!!

– Где именно?!

Мальчик не оставлял беспокойных попыток понять, в чём дело, пока крики его спутницы не перешли в смех.

– Боишься меня, значит? Бой-ишься!

Её другу только и оставалось, что выругаться.

Эти крики, передаваемые эхом, буквально врезались сидящему в одном из помещений бункера в голову. Как-то ему сказали, что для того, чтобы перестать чувствовать боль или стыд, нужно проговорить проблемную ситуацию самому себе несколько раз. А для того, чтобы избавиться от призраков прошлого, нужно с ними встретиться. Но если встретиться не получается...

Каэл искал любые предлоги для того, чтобы побывать в этом месте ещё раз. В последнее время он внезапно начал ощущать какую-то странную тоску, и поэтому, вырвав несколько свободных дней, приехал сюда.

Он просто сидел здесь, и вот крик... И снова какой-нибудь подчинённый падает на пол или встаёт с него после удара о стену. Каэл вздрогнул. Неужели у него начались галлюцинации?..

Впрочем, крик принадлежал, кажется, ребенку. Каэл раздражённо встал с места и вышел в коридор.

– Тише! Ты слышишь?.. Ш-шаги!..

– Э... – тут девочка наконец смутилась. – Ну да, и что?

– Бежим?!

– Нет, тогда они подумают, что мы злоумышленники какие-то. Да и заблудимся мы в этих коридорах...

– Ты же говорила, запоминаешь дорогу!!! – яростно прошипел её спутник.

– Запоминаю, но если не спеша идти, а не бежать!

– Ну и что делать?!

– С-спокойно... У меня первый разряд...

– Даже не думай! Всё, отойди. Моя очередь.

Как раз в этот момент из-за поворота вышла тёмная фигура, и луч фонарика осветил пожилого на вид человека. Его водянистые зеленовато-голубые глаза сверкнули в потоке света.

– Пожалуйста, не убивайте нас!!! – испуганно выпалил мальчик. – Мы безобидные и просто заблудились!

Рука девочки, стоящей за ним, мгновенно прилипла к лицу.

– Да я и сам заблудился... – сказал Каэл, смотря куда-то за ними.

Затем добавил, оправившись:

– Пойдёмте, покажу вам выход. И не орите тут больше, пожалуйста. Найдите другое место для игр.

– Но как Вы покажете нам выход, если только что сами сказали, что заблудились? – недоверчиво спросила девочка,

которую её друг тут же дёрнул за рукав.

– Знаешь, часто для того, чтобы найти выход, нужно сбиться с пути, – усмехнулся Каэл. – Короче, либо вы идёте за мной, либо остаётесь одни в этих тёмных коридорах, из которых вам не выбраться.

– Мы идём, идём, – быстро сказал мальчик. – Извините.

Когда они вышли, солнце уже практически зашло. Убедившись, что дальше дети дорогу знают, Каэл хотел было вернуться назад.

«Да что это я, в самом деле. Ещё успею ведь на вечерний рейс...»

Зашагав в противоположную от бункера сторону, он, улыбаясь краем губ, подумал:

«Иногда мне тоже хочется обладать неким “сверхсознанием”, которое будет решать, что мне делать, а что нет, когда спать и когда бодрствовать, когда жить и когда умирать».

Смеркалось.